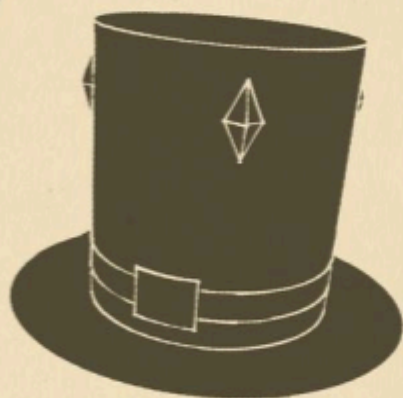

Барвара Миляева
Илья Миляев

НЕВЕРОЯТНОСТИ
~
ИСТОРИЯ ШЛЯПНИКА

Судьба твоя - распоряжайся

Невероятности

Варвара Миляева

Илья Миляев

НЕВЕРОЯТНОСТИ

~

ИСТОРИЯ ШЛЯПНИКА

2020 – 2025

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)6

М.В.

*Посвящается:
папе, маме и братьям
(за терпеливое ожидание
на протяжении всех четырёх лет).*

*В детстве я мечтала написать книгу.
Как видите, моя мечта сбылась.*

Ближний мир

Бесконечное море – воплощение непоколебимой воли, воплощение безудержной силы, воплощение истинного спокойствия. Бесконечное море – основа всей природы нашего окружения, чаще прочего именуемого его жителями Реалией. Тысячами и тысячами лет Бесконечное море Реалии создаёт и испытывает самые различные собственные воплощения с единственной целью – сравнять в единый уровень со своими волнами и потопить неудобные отростки непокорного камня, что высится из тёмных холодных глубин. Наибольшие из этих несуразных твёрдых выплесков мёртвой породы именуются континентами.

Если сейчас поднять свой взгляд достаточно высоко, много выше, чем это требуется птицам, то можно единым взором охватить один из этих нерушимых исполинов, обсыпанный с краёв и большими, и малыми островами, несуразными плоскими землями и просто крупными скалами, тут и там торчащими из волн. Вглядитесь внимательнее в проступающие очертания этого грубого, гористого архипелага... Это – Ближний мир.

У истоков разделяющей его реки Толстой, там, где толстой её назвать очень сложно, лежит один из самых древних известных городов – Гóтос, завоёванный воинственными племенами Кликов более пятисот лет назад. Ещё выше, в Штормовых горах, под облаками покоится Зиждущийся монастырь – оплот терпения и уныния этих мест.

Чуть дальше по течению вы найдёте Ледяные горы – место, где находятся самые известные и холодные водопады мира, Колкие водопады. Очевидцы утверждают, что воздух в

Ледяных горах настолько холоден, что там, в высоте, откуда водопад берёт своё начало, брызги успевают замерзнуть и потому вокруг них всё время идёт град, что попросту опасно для жизни.

Неподалёку раскинулись Тупые леса, славящиеся Туполистной сосной и огромными белками. Туполистная сосна, в народе именуемая Тупак, – основная гордость Правобережья (и способ заработка).

Южнее этих мест располагаются великие Равнины, чьи берега населяют поселения рыбаков и сизых чаек.

А на Юго-Западе, на скале высотой в, наверное, все две сотни сепов¹, стоит величайший из городов Ближнего мира – Рутіна.

Город Рутіна², в котором происходят описываемые нами события, расположен там, где Толстая река, срываясь со скалы, обрушивается водопадом в море. Сами горожане на вопрос, где находится Рутіна, обычно отвечают «Между небом и землёй», «На карте снизу» или «На Толстом конце». Более точного расположения своего города горожане не знают по совершенно очевидной, простой причине: их это не интересует. Время от времени в городе становятся модными различные слухи: о параллельных мирах, о шарах во тьме-тьмущей, о плоских черепахах или даже о

¹ Один шаг – примерно восемьдесят пять сантиметров на наши мерки.

² Когда на месте древнего маяка купцы-отцы основатели заложили первые камни будущего города, слово это означало «могущественный», и хотя по прошествии веков значение несколько изменилось, город никто переименовывать не стал из чисто деловых соображений: приедут новые деловые или торговые, а Рутіны нет – видимо, другой город стоит; потопчутся малость да и отступят прочь – а так и до голода недалеко.

жизнеспособных волшебных вспышках, но любой сознательный рутинец ответит вам на вопрос «что есть центр этого мира?» совершенно однозначно – «это торговый город Рутине». И всякий горожанин точно знает, что если в мире есть что-то стоящее, то оно найдётся в Рутине. А если здесь его нет, так и цена ему никакая, а значит, и говорить совершенно не о чем.

Отличительной чертой Рутини всегда было её превосходящее все известные народопоселения контрастное географическое расположение: одной стороной город до самого горизонта обозревает широкие равнинные земли, а другой стороной нависает над бескрайними и бесконечными морскими просторами.

У приближающихся к городу мореплавателей отвесные стены, изъеденные постройками различного эстетического вида и уровня строительной ответственности, создают такое впечатление, будто город буквально сползает в пенящуюся волнами пучину. Тем же, кто приближается к Рутине с равнин, видны лишь ровные стены и аккуратные шестигранные сторожевые башни на фоне бесконечных небес, что делает понятным общеизвестное континентальное выражение «последний город на земле».

Высокий скалистый обрыв, на котором расположилась Рутине, является конечной точкой Толстой реки³ и почти

³ Толстая река – единственная из рек, текущая с правого берега большого континентального центра на левый. Беря своё начало в Заоблачных скалах Основного хребта ближе к левобережью, эта река, лавируя между холодными высотами гряды пересекает весь континент, обрушивая свои воды (и всё остальное, что сбросили и слили окрестные жители) в Правое море.

тремястами локтями разделяет два порта – Верхний пресный и Нижний солёный.

Торговля всего континентального правобережья проходит, соответственно, через два самых известных рынка – Нижний и Верхний, соединённые лестницей в восемьсот семьдесят девять ступеней и лифтом для кораблей.

Каменные плиты плоских рукавов нижнего пляжа полный год⁴ покрыты ровным слоем палаток, навесов и просто лежанок. Всё, что приходит в развитый мир с этой стороны Бесконечного моря, продаётся и покупается здесь. То же можно сказать и о Верхнем рынке – многоуровневые постройки вокруг пристаней и причалов вынимают всё из пришедших Толстым пресным путём. Обмениваясь между собой⁵, эти два столпа всеобщей экономики многие поколения прославляют город и обеспечивают годовой доход большей части горожан.

Рутинa всегда была городом высокой культуры и давних традиций; никто и никогда не считал здесь количество различных ремёсельных мастерских, поскольку ремесленниками в Рутине были все до единого – всё является ремеслом, если ты относишься к этому достаточно серьёзно.

Более всего ценилось в Рутине мастерство, воспитанное в поколениях, ведь дело, прокормившее твоих предков и обеспечивающее твоё детство игрушками (если,

⁴ В других мирах это называется «круглый год».

⁵ Уставом Гильдии Прибылей и Перспектив запрещается «участие в торговых сделках на обоих рынках на протяжении двух поколений подряд», а также «одновременное владение товарами на территориях двух портов» ... «под персональную смертельную ответственность».

конечно, у тебя было детство), уже само по себе заслуживает уважения!

Не стоит забывать и о том, что Рутинa, как единственный портовый город на южной части Ближнего континента, всегда была центром притяжения купцов, искателей приключений и просто лучшей жизни, воров, мошенников и всех прочих, не нашедших себе дела на родине.

Засасывая в себя традиции, знания и ремёсла приезжих, словно болото, Рутинa формировала собственную неповторимую культуру.

Пролог

Когда-то в детстве Фанта никто всерьёз не воспринимал. Унаследовав лишь позор своего разорённого и изгнанного отца, он рос забитым и замкнутым ребёнком. С раннего детства, в захудалой деревушке, долговязый и неуклюжий, он страдал от приставаний задир и недостатка культурного общения. В десять лет, создав свой кружок таинственного знания, он так и остался его единственным членом, чему был рад и чем был расстроен одновременно. Фант хотел быть важным участником деревенских жизненных событий, но лишь в своём собственном кругу ему удавалось достигать понимания.

Каким чудом у нищего мальчика из отдалённой деревни получилось сбежать в город, правдами и неправдами получить хорошее образование и, неумолимо двигаясь к цели, добыть себе состояние, эта история умалчивает. В Рутину Фант приехал с единственной и весьма важной целью, которая и стала катализатором описанных нами событий.

Заставив себя уважать и обзаведясь связями на континенте, в Рутине он появился внезапно, никем не признанный и несколько таинственный. Заселившись в одни из самых дорогих апартаментов в приватном пансионе «Роща Десне», Фант был скромн и вскоре стал незаметен даже самым любопытным окружающим по причине своей непримечательности и отсутствию каких-либо поводов для обсуждения.

Только это Фанту и требовалось.

Глава 1. Мастерская Хеддерсонов

Недалеко от Рыночной площади, в паре десятков домов от Окружной аллеи на Бурой улице стояло небольшое, ветхое, неказистое здание под номером 19/м, зажатое между кузнечной мастерской «Тяжёлый Мир» старого гнома Викбурка и конторой «С Ногсом вперёд! Вперёд ногами! Почувствуйте себя королём – закажите памятник. ~~И продайте почку.~~» гробовщика-вампира Ногса.

Доски строения, которыми когда-то был обит фасад, хоть и красились с достаточной регулярностью, но внутри уже давно почернели и стали родиной для многих поколений древоточцев. Они были так благодарны хозяину здания, что ежегодно делали ему подарок на день рождения, которому тот, как им казалось, был весьма рад. Крыша постройки имела крутой скат на задний проезд и держалась лишь благодаря тому, что хорошо продувалась, когда случалось выпасть снегу, однако в сезон сильных ливней протекала тонкими холодными струйками по всей своей незначительной площади.

Две больших решетчатых фасадных витрины почти во всю высоту этажа были примером многократной работы местных стекольщиков – соседские мальчишки иногда собирались напротив и играли в «найди два одинаковых стекла». А чтобы к игре поддерживался интерес, эти бездельники нет-нет да и швыряли камень-другой. Через пару дней в окнах появлялся свежий прозрачный квадратик и игра получала ожидаемое продолжение.

Здание было настолько ветхим, что, несмотря на все усилия его хозяина, оно выглядело покосившимся старым

сараем, который молит о приходе скорой демонтажной бригады косоногих троллей.

Над такой же старой и такой же покосившейся дверью, расположенной между витринами, во всю ширину фасада висела вывеска, покрытая многочисленными слоями краски вперемешку с наслоениями помёта всех местных (а также некоторых перелётных) пернатых. Узкие чёрные буквы по грязно-белому основанию сообщали:

ПЕРВАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ ШЛЯПНАЯ МАСТЕРСКАЯ ХЕДДЕРСОНОВ

А справа на цепях была привешана доска с синими буквами, аккуратно выведенными дрожащей от усердия и напряжения рукой: «Шляпы в аренду». На листе промасленной бумаги, приклеенном к не вполне прозрачному стеклу изнутри входной двери, дополнительно сообщалось:

**с 7.30 вечера
до 8.45 утра
ПОПУСТУ НЕ
БЕСПОКОИТЬ!**

Строение уже давно бы пришло в негодность, однако периодические усердия его собственника по поддержанию здания в примерном (для Рутины) порядке, обеспечивали шляпному бизнесу крышу над головой.

Владелец мастерской Ашморк Хеддерсон был всё ещё молод душой, но уже несколько поскрипывал в коленках. Он

был худощав, поскольку работу зачастую предпочитал обеду. Его карие глаза были накрыты густыми чёрными бровями, которые он профессионально хмурил, глядя на людей с непокрытой головой. Ямочка на остром подбородке была аккуратно выбрита. Вся одежда тщательно заштопана, выглажена и накрахмалена.

К своим годам он составил полное и точное представление обо всём, что касалось окружающего его мира. Так, Ашморк делил общество по принципу высоты головного убора – чем выше или шире эта деталь гардероба, тем почтительней он относится к её хозяину или хозяйке. Тех же, кто шляп не носил вовсе, Ашморк обществом не считал.

Он был холост по той же причине, что и худ – во всякой женщине он замечал лишь шляпку, в крайнем случае – беретку, а женщин без шляпок и вовсе не замечал.

Ашморк, или Аш, как его за глаза звали соседи, владел этой мастерской всю свою жизнь. Его хороший вкус и выдающийся профессионализм были с ранних лет воспитаны дедом, а позже – отцом. Ашморк достиг немалых успехов на шляпном поприще и давно был известен далеко за пределами городских стен. Работая, он был аккуратен, щепетилен в мелочах и особенно придирчив к деталям. Того же он требовал от своего подмастерья и швей-надомниц, не давая ни малейшему изъяду покинуть пределы Его Мастерской. За всё это его ценили постоянные клиенты, и именно поэтому в мастерской Хеддерсонов шляпы заказывало всё светское общество города. И за это же его ненавидели швей-надомницы и конкуренты-неудачники.

Мастерская Ашморка была настолько же интересна и примечательна, как он сам.

При входе справа стояли шкафы с выставленными на продажу готовыми шляпами. У витрины располагалось большое зеркало в резной раме из коричневого дерева. За шкафами скрывалось бюро со множеством ящичков: здесь шляпник хранил тетради с записями заказов. Сверху на полках были аккуратно составлены коробочки с запасами бижутерии, лежали заготовки украшений и много прочих нужных и не очень предметов. А за бюро стояли большие рулоны фетра всех расцветок, какие только можно было найти, и даже таких, каких найти было невозможно. В отдельном обитом железом шкафу были заперты фетр из золотого руна и фетр из шерсти бриллиантовой верхневольной лампы.

Слева от двери находился рабочий стол, за ним у стены размещался стеллаж с болванками и тканями, ящички с лентами и украшениями, а в углу, на подставке с витыми коваными ножками, стояла чёрная, с облупившейся позолотой швейная машинка, выдавшая многие сотни и тысячи шляп.

Этот чужеземный аппарат притащил буквально на себе прадед Ашморка из пятого военного похода на Рагнар. Грокко Хеддерсон был от рождения горбат⁶ – за машинкой работать не мог, да и шить не умел. Опоздав с поля боя (где было много незаконченных дел) на основной грабёж, он явился в кварталы к добыче только тогда, когда его сослуживцы уже расхватали всё, что могли унести, увезти или уволочь. Лишь в полусгоревшей лачуге за

⁶ По задокументированным воспоминаниям участников похода, Грокко был единственным десятником, вернувшимся без единой царапины: копья и стрелы пролетали выше его головы, а уязвимые места противников всегда были налицо.

обрушившимися досками перекрытия обнаружилась эта машинка – она была прибита к каменному полу толстыми коваными гвоздями, но, поскольку из этого похода с пустыми руками возвращаются только мертвецы, прадед сдержаться не смог⁷. С тех пор три поколения Хеддерсонов отстрачивали своё мастерство на этом надёжном чужеземном аппарате.

Над центром рабочего стола висели лекала, картонные заготовки и схемы, а на стене, над комодами со множеством ящичков, размещался старый, в широкой деревянной раме, небольшой выцветший карандашный портрет его деда и отца на фоне ещё относительно нового фасада их мастерской. Картинка была подарена Хеддерсонам неким путешественником, ставшим их клиентом в те далёкие-далёкие годы. Ашморк, бывший тогда ещё совсем юным, прекрасно помнил, какую шляпу заказал тот иноземец: то был прочный терракотовый котелок.

Обычно в мастерской стоял полумрак, и лишь рабочий стол был хорошо освещён четырьмя масляными светильниками, свисавшими с потолка над его углами. Солнце, редко посещавшее этот закоулок Бурой улицы, по вечерам освещало мастерскую сквозь разномастные стёкла больших решетчатых окон-витрин. В эти моменты всё внутри преображалось, и вместо унылых коричневых теней всеми красками начинали играть ленты, булавки, искусственные цветы и прочие приятные и нарядные мелочи. В эти моменты настроение Ашморка было на

⁷ Благо, военно-рутинная курьерская доставка украденного барахла всегда работала исправно, и волочить прибор на собственном горбу пришлось лишь до мобильного пункта приёма справедливо отнятых репараций.

особенном подъёме – он был рад своему столь красивому и благородному ремеслу. Вся его жизнь была связана с этой мастерской, а мастерская была прочно связана с несколькими поколениями шляпного мастерства. В некоторые особенно глубоко эмоциональные моменты мастер чувствовал, что не существует другого места для него в этом мире, как и мир вокруг него не может существовать без его мастерской.

Для ведения успешной торговли в погожие летние деньки Ашморк и его подмастерье выставляли перед окнами мастерской скамьи с готовыми изделиями. На скамье у правой витрины для горожан выставлялись шляпы, цилиндры, котелки, канотье, киверы, фуражки, а на скамье слева – женские шляпки. В такие дни торговля шла отлично, однако и у соседских мальчишек появлялись куда более интересные мишени, и весь день приходилось проводить на открытом воздухе. Поскольку у самого Ашморка дел было невпроворот, торговлей и охраной занимался его подмастерье.

Именно тут и надо упомянуть второго обитателя мастерской.

Не так давно, не более года назад, Ашморк взял себе в подмастерье Гена Ытсона. Этот шустрый пацан, тогда только-только отметивший одиннадцатые именины, был сыном его третьей кузины Утвиллы, жившей на овощных равнинах. Как-то поздним вечером мальчишка притаился к Ашморку голодный, уставший и весь в слезах. Он искал мастерскую весь день, лишь отдалённо помня, как она называется и где находится. Гена спасло только то, что он помнил, чем занимается его дядя и как-то однажды был здесь

в гостях, проездом, вместе с мамой⁸. В семье племянник, по словам кузины, слыл отчаянным книголюбом, что и стало причиной его появления у шляпника. Как Ашморк понял из невнятного сбивчивого рассказа, озвученного под аккомпанемент бульканья и чавканья вечерним остывшим супом, мальчишка попросту зачитался в одной из кочевых библиотек и уснул на полке в дальнем углу, а когда проснулся, кочевые библиотекари отказались высаживать его неизвестно где и отвезли в Рутину.

Ашморк, который как раз искал себе подмастерье, решил оставить парнишку при деле, и написал кузине краткое письмо, чтобы та не беспокоилась зря, упомянув, что берёт Гена в обучение. Родственник, которому не надо платить и который не может возразить (уж точно не должен!), по мнению Ашморка, был наилучшим вариантом подмастерья. Если из Гена толк выйдет – станет подмогой и страховкой на старость, а если не выйдет – отправить к семье на равнины не долго (да и не очень дорого).

Ген, по мере того, как с каждой ложкой похлёбки улетучивался страх перед свершившейся неожиданностью, всё больше радовался своему незапланированному переселению в город. Всё вокруг отличалось от родного равнинного пейзажа в лучшую сторону настолько, что не было и дня, чтобы мальчишка скучал по домику в деревне. Уже по прошествии пары декад Ген освоился в городе и рассматривал возвращение в родные пенаты лишь в фантазиях о полном, до основания, разрушении Рутины злобной армией крупных фиолетовых тролле-оборотней или, что было реже, просыпался от кошмарного сна, в котором

⁸ По мнению Ашморка, они тогда задержались сверх меры.

оркорикша⁹ мчит его прочь от северных ворот, и лишь верстовые столбы мелькают на обочинах, приближая его, несчастного, всё ближе к овощным равнинам.

Почти сразу же после прибытия Ген познакомился с Синим Сатом и Дилем Карном, его лучшими друзьями. Именно они втроём придумали тайное общество «Быстрых накидок» для расследования теорий заговоров и всеобщих заблуждений. Со временем Ген и вовсе перестал думать о возвращении в родные края – он стал горожанином.

Вернёмся к Ашморку: жил он, к своему величайшему недовольству, там же где работал – в маленькой каморке, отгороженной тонкой стеночкой от мастерской. Его комнатка была так мала, что в ней помещалась лишь кровать и небольшая тумбочка, на которой обычно стоял старый подсвечник. Когда Ашморк спал, над ним, посреди комнатки, висел его единственный, не новый, но всё ещё хорошо сохранившийся коричневый костюм из тонкой шерсти верхневольной лампы.

Небольшое окошко его каморки смотрело на узкий проезд за мастерской, по которому днём и ночью

⁹ Оркорикша – рикша, которую тянет орк. Всё просто и понятно. Это самый быстрый и одновременно самый дорогой вид транспорта в Рутине. Нет ни одного пассажира оркорикш, который бы пожаловался на опоздание (возможно, тех кто жаловался, просто увезли куда подальше). За пределы города оркорикши практически не ездят, потому что на прямых дорогах развивают слишком большие скорости, и рикши иногда загораются. В том числе поэтому основной девиз оркорикш «заплати вперёд, потом будет некогда». Годовой налог на оркорикши безмерно высок, однако еле-еле покрывает наносимые городу повреждения.

тяжеловозные телеги, гремя, возили в соседнюю кузницу железо и прочий хлам (по мнению Ашморка).

Ген, которому, как мы знаем, было не привыкать спать в полках, и вовсе ночевал в мастерской позади стеллажей с новыми шляпами. Там же, в небольшом сундуке, он хранил личную библиотеку, накопленную на сэкономленные чаевые за проведённое в Рутине время.

В мастерской обитали и другие существа, но из них стоят упоминания лишь висевшие над сундуком Гена клетки с самолётниками¹⁰, которые были вторым страстным увлечением Гена, и которых Ашморк терпел за яркие цветные перья, служивших иногда для украшения небольших женских шляпок или бутоньерок.

¹⁰ Мелкие птички, завозимые в Рутину с островов.

Глава 2. Договор

Но не подумайте, что Ашморк Хеддерсон был беден, как церковная мышь! Вовсе нет: просто уже многие годы он откладывал деньги на новую мастерскую. А поскольку в банки Ашморк никогда не ходил – слишком большое количество их посетителей шляп не носили – накопления свои он хранил только дома. Его заработанные сокровища скрывались под третьей половицей каморки-спальни. Там, под мастерской, лежал крупный гранитный валун, в котором его дед еще при строительстве выдолбил прямоугольное углубление и накрыл сверху тяжёлой железной крышкой от какого-то гномьего сейфа. С тех пор три поколения Хеддерсонов пытались хранить там свои накопления (точнее, накопить там то, что можно было бы считать накоплениями), но преуспел в этом лишь Ашморк.

И, как оказалось, не зря!

Внешне мастерская давно не соответствовала ни качеству производимой продукции, ни уровню гордости её владельца за собственный бизнес. Последнее время дорогие клиенты с большим пренебрежением высказывались относительно облезлого внешнего вида строения, и многие из них даже перестали посещать мастерскую лично, отправляя к Хеддерсону приказчиков или, что совсем расстраивало мастера, нарочных. Редкий посыльный мальчишка прибегал в кепке – почти все они были поразительно вихрасты и будто хвастались этим всему городу. Это часто доводило Ашморка до состояния гнева, и заказы малолетним наглецам сам он никогда не выдавал, предпочитая вверить таких посетителей своему подмастерью.

Но действительно плохи дела стали после того, как сосед-гробовщик надстроил себе сначала второй этаж, а затем и мансарду. Правая стена мастерской, по всей видимости не выдержавшая напора соседской недвижимости, дала трещины и вдалась внутрь, засыпав потрескавшейся штукатуркой стеллажи готовых шляп. Стало казаться, что стены небольшого зала мастерской то и дело норовят сомкнуться и похоронить хозяина вместе с его шляпами на радость соседям и конкурентам.

Произошедшее чрезвычайно расстроило мастера: из трещин пахло формалином, и работать было совершенно невыносимо, а о приёме посетителей и речи быть не могло. Но скопленная на новую мастерскую сумма всё ещё оставалась значительно меньше требуемой. И для скорейшего переезда шляпник решил работать в три смены, чтобы нашить эти деньги быстрее.

После очередной бессонной ночи, заставив себя встать без четверти восемь, Ашморк умылся запасённой в тазу водой и понял, что без кофе с мандаринами и утренней прогулки ему до обеда не дотянуть. Одевшись и поправив у зеркала в мастерской цилиндр, он бодро вышел на свежий воздух.

Ожидаемый воздух оказался не так свеж, как хотелось бы. Слева от Ашморка, у двери гробовщика, стояла широкая гномья повозка. На ней был установлен большой грязный котёл, нижняя часть которого торчала снизу сквозь прорезанное в повозке отверстие. Пламя разожжённого под котлом костра облизывало округлое чёрное дно; такое же чёрное содержимое котла бурно булькало и гадко воняло. Ашморк не любил гномов-строителей, пожалуй, в той же

степени, что и безшляпных горожан. Везде, где появлялись эти низкорослые ухари, творилась разруха, пыль и пепел.

Немедленно вернувшись в мастерскую, он захлопнул единственную форточку на решетчатом окошке входной двери и, зная что это всё равно не поможет, с угрюмым видом вновь вышагнул за порог: он был уверен, что теперь в его мастерской провоняет всё: все ткани, фетры, ленты, готовые шляпы.

– А, Ашик! Как настроение? – пролепетал выплывший из-за повозки вампир.

Его глянцева лысина жгла взгляд шляпника куда сильнее, чем тени утреннего солнца действовали на самого соседа. Поэтому Ашморк, расстроенный таким наглым сокращением своего имени, скривился от неприязни, понимая, что отступить уже некуда:

– Да вот, жду, пока оплатишь мне ремонт стены.

– Какой стены? Не знаю, не помню, не видел, и не я! – поспешив скрыться в конторе, выпалил Ногс.

Разговор закончился быстрее, чем начался, и раздосадованный Ашморк, настроивший себя на продолжительное препирательство, вынужден был лишь бросить вдогонку скрывшемуся наглецу:

– Вернусь – увидишь. – после чего, обиженный, направился за так необходимым утренним кофе.

Примерно в полдень, отправив Гена разносить товар, Ашморк дошивал одну из фирменных шляп, устроившись на высоком рабочем стуле. Рядом стояла давно опустевшая двойная долблёная кружка из-под кофе, а в мастерской всё ещё витал аромат этого чудесного напитка. В это время за потрескавшейся правой стеной послышался стук, а потом

снова, снова и снова. Ашморк стиснул зубы и продолжил работать: его цель была близка – ещё три-пять декад, и можно будет переезжать.

Пока в голове шляпника вертелись обнадёживающие мысли, а руки проворно работали над полями, кусок штукатурки размером с прогулочную летнюю дамскую шляпку внезапно отлетел от правой стены прямо на середину мастерской. В образовавшуюся дыру просунулась голова бородатого гнома.

Ашморк медленно обернулся и уставился на вторженца. Он был в неопишуемой ярости! Пальцы, сжимавшие иглу, побелели, рот сжался в тонкую линию, глаза почти полностью закрылись бровями...

Гном же, как ни в чём не бывало, посмотрел на Ашморка, окинул мастерскую быстрым деловым взглядом и, отвернувшись, крикнул в глубину вампирского логова:

– Эй, хозяин! Я тебе тут комнатку дополнительную накопал, за новое помещение доплатить придётся!

Именно это заявление довело Ашморка до состояния, в котором он, пожалуй, легко мог совершить что-то совсем страшное и непоправимое. Отдавшись этому чувству целиком, он со звериным рычанием схватил, что попало под руку (а это были его тяжёлые портняжные ножницы), и что есть сил запустил в наглую рожу гнома, сиявшую от «хорошо выполненной работы». Тот, моментально расширив глаза до предела, увернулся и, отползая куда-то в сторону, заорал:

– И за опасный демонтаж добавить, хозяин, надо. Очень опасный. Смертельно опасный. Добавить надо. – после чего послышалась возня и его шаги, которые быстро затихли.

Ножницы со зловещим ударным звуком одним концом воткнулись в стену рядом с дырой, пару раз качнулись свободной половиной и замерли.

На дом наступила тишина. Постояла пару мгновений и упорхнула.

В дыру быстро заглянул гробовщик, скривился и тут же скрылся из виду.

– НООООООООГС..! – заорал Ашморк. – Дрянь! Ты мне ответишь за всё. И за испорченный товар, и за стену, и за ремонт этой дыры! И за эти ШЛЯЯПЫ!!!

– Ладно-ладно-ладно, Ашик, – Ногс снова опасливо появился в проёме. – Заплачу я тебе, заплачу... – пробормотал он, одной рукой взявшись за край дыры, и тут же, отдёргнув её, принялся сдувать пыль с корявых сине-серых пальцев и длинных полированных ногтей. При этом он обводил мастерскую пристальным выискивающим и, как показалось Ашморку, обмеривающим взглядом. (Надо добавить, что вторую руку со скрещенными пальцами Ногс старательно прятал за спиной.)

Ашморк, мгновенно излив всё своё яростное негодование, медленно, как загипнотизированный, опустился на стул – он не знал, что еще говорить.

Используя образовавшуюся паузу, вампир тут же скрылся из виду. Зато в дыре мелькнула ухмыляющаяся физиономия гнома, и тут же широкая сучкастая доска заслонила проём. Вновь слышались голоса, а за ними – громкие удары молотка. Справа от дыры, выламывая кусочки штукатурки, из стены мастерской вылезло остриё толстого ржавого гвоздя. Потом ещё одно сверху и слева. И опять справа, и сверху, и ещё три снизу...

Шляпник сидел на стуле в таком оцепенении от происходящего, что не мог даже пошевелиться. Только его широко раскрытые глаза следили за каждым вылезающим из стены гвоздём и его тихое постанывание сопровождало каждый из выпавших кусочков штукатурки.

Даже после того, как всё стихло, он ещё долго сидел и таращился на потрескавшуюся краску, на двенадцать гвоздей, торчащих из стены, на грязную доску за ужасно неровной прорехой и на горстки песка и пыли на полу.

Внезапно мастерская перестала быть ЕГО МАСТЕРСКОЙ. В ней не осталось ни семейственности, ни истории, ни накопленного успеха. Всё в один момент выдуло в эту уродливую грязную дырку.

В таком отчаянии прошло еще десять минут.

А потом Ашморк всё решил.

Точнее, его Решимость, ранее одёргиваемая нехваткой средств, решилась. Крутанувшись на стуле, Хеддерсон встал и достал из-за бюро большую картину с легкомысленными пташками, давным-давно подаренную каким-то клиентом. Он, в согласии с Решимостью, повесил её на гвоздь, торчавший выше всех прочих, и скрыл с глаз корявую мерзость. После Ашморк Хеддерсон вернулся к столу и принялся энергично работать, стараясь быстрее закончить начатое.

Ближе к пяти часам пополудни Ашморк Хеддерсон зашёл в свою каморку, отодвинул кровать, поднял две половицы, встал на колени и склонился над ржавой массивной дверью. Секрет замка позволял хранить в этом сейфе самые ценные сокровища этого мира, но Ашморк всё равно недоверчиво и внимательно осмотрел крышку, прежде чем к ней притронуться. Он расстегнул верхнюю пуговку

своей рубашки, и с его шеи свесилась тонкая прочная голубая нить. На ней висел небольшой покрытый патиной ключик с замысловатой резьбой. Ашморк взялся за ключ и решительно стянул нить с шеи. Он нажал две заклёпки по краям сейфа, сдвинул выскочивший рычажок вправо, повернул большую центральную ручку на пол-оборота по часовой стрелке, поставил рычажок на место и, проигнорировав бросающуюся в глаза крупную скважину по центру, вставил ключик на ощупь в маленькую прорезь в правом торце толстой крышки, слегка надавил и повернул. Внутри дверцы раздалась щелчка, большая центральная ручка, описав один оборот, встала на своё место, и крышка медленно приподнялась на пару сантиметров.

Наступила тишина. Шляпник, замерев, прислушался – обстановка показалось ему достаточно спокойной, лишь за стенами город жил своей обычной вечерней жизнью. Он взялся обеими руками за толстую поржавевшую от времени ручку, ногами упёрся в половицы и с трудом откинул скрипящую крышку в сторону.

Большая часть прошлого нашего героя и всё его будущее было сейчас перед ним. Шляпник сосредоточил взгляд на содержимом ниши – в ней с одной стороны в свёртках пергамента лежали стопки монет различного размера и номинала, с другой же в одном углу были сложены пачкой несколько тетрадей и блокнотов, а в другом – коробочки разных форм и размеров. Тщательно осмотрев все составляющие своего богатства и убедившись, что всё на месте, он наконец тихо выдохнул и присел на край сейфа.

Заранее одетая Ашмарком дедовская жилетка состояла сплошь из наружных, внутренних и потайных карманов. Он стал раскладывать по ним накопления, строго

соблюдая сложившееся разделение по наименованию, происхождению и размеру ценности. Когда ниша почти опустела, а жилетка стала больше напоминать часть броневого костюма, на дне, в самом углу, осталась лежать лишь небольшая потёртая коробочка с золотым чеканенным гербом города Рутины, перетянутая бордовой бархатной лентой. Ашморк аккуратно взял её и засунул в отдельный потайной карман. Встав над сейфом, он осторожно затворил дверцу, выполнил необходимые манипуляции в обратном порядке, вытащил ключик и вновь повесил его себе на шею. Пора было действовать.

– Ге-ен, ты где!? Мальчишка!...

В ту же секунду племянник будто бы магическим образом оказался рядом, хотя Ашморк был уверен, что в мастерской его не было. Обычно в свободное время тот ошивался никак не ближе СтараФосаческой улицы, выходящей на Рыночную площадь. К слову сказать, Ашморк даже рассматривал вариант переезда в том направлении, но отклонил его, поскольку серьёзному мастеру не пристало иметь мастерскую на столь безграмотной улице¹¹.

¹¹ В былые времена, когда город стремительно дорос до этих мест, вывески делались кем не попадя. Столяр, которому довелось вырезать надпись «Старо-Фасадческая улица» хоть и был мастером на все руки, очевидно, был неграмотен в рутинном языке. Однако название этой улицы примечательно не только своими ошибками, но и характерной для всей Рутины следующей историей: лишь спустя много лет расхождение замысла и реальности заметил молодой работник почты, абсолютно случайно оказавшийся грамотным. Но на прижившееся название это не оказало никакого влияния – даже при одном упоминании о переименовании поднявшийся гул быстро докатился до главного почтмейстера, который, оценив затраты на грядущие перемены и возможные массовые беспорядки, зарубил инициативу на корню.

Ашморк в спешке сообщил своему подмастерье, что тот должен забрать остаток оплаты у Сороко́на Кинера (сам ведь не принесёт), очистить от осевшей пыли все шляпы в мастерской, разнести готовые изделия клиентам и тоже постараться собрать с них со всех окончательную оплату (без оплаты шляпы можно оставить под расписку всем, кроме Дастии Грохнут), надёргать перьев у подшефных пернатых (пришла пора обновить коллекцию легкомысленных шляпок) и снести его пустые клиентские кружки в кофейную к Музусу. А если останется время, сбегать на рынок нижнего порта – купить пару десятков устричных раковин на перламутр (да выбрать получше).

Ген, пытаюсь осознать груз свалившихся забот, вздохнул и, дабы не огрести ещё чего сверху, молниеносно скрылся из виду.

К новой мастерской Хеддерсон присматривался уже давно. Накидывал планы, размышлял над фасадом и, конечно, приценивался. Определившись окончательно в конце прошлого года, он знал точную цену своего замысла и то, что денег ему не хватает.

Знал он и возможное решение этой нехватки. Как-то пару лет назад кузнец Викбурк, попав в переделку, брал в долг у старого ростовщика Плува, что жил и работал на Жёваной улице. Вик хвастался тогда Ашморку, что за золотую бабушкину заколку выторговал семь золотых монет на восемь декад. Да и заколка, по словам соседа, была не золотая, а позолоченная, и стоила-то максимум пару монет, но «расхвалив и подав её правильно» он получил, что хотел, хорошенько надув старого скряжистого барыгу. С тех пор Ашморк держал в уме этот вариант на самый крайний случай – именно такой, как сейчас. Он пару раз видел Плува на

улицах: то был низенький сухонький старикашка в дорогом чёрном цилиндре, с хищным взглядом и дёргающейся нижней губой. За неимением опыта в подобных делах, перспектива торговаться с ростовщиком шляпника совершенно не радовала, но не в банк же идти...

Заперев мастерскую, Ашморк Хеддерсон решительным шагом направился в сторону конторы ростовщика. По дороге он обдумывал свой диалог с Плувом и, проговаривая вслух сам себе условия сделки, был абсолютно убедителен и непререкаемо твёрд – всё шло именно так, как он и задумал.

«А ростовщик на то и нужен – деньжат одолжить и свою монетку заработать... А я ему, конечно, заплачу. Хеддерсоны всегда были честные и, если чего старику пообещали, то обязательно выполняют (по мере собственных возможностей и при благоприятном стечении обстоятельств). Заёмного капитала хватит и на мастерскую добавить, и на товар новый – чтобы возросший поток клиентов быстрее обрабатывать. А с товаром новым и дела по новому пойдут. Подмастерья второго в закройщики возьму и мастера, чтоб швеями командовал. Побудет у него вещица. Совсем недолго. Скоро выкуплю».

Ещё в голове пыталась маячить мысль «а коль не выкуплю – и продал не за грош...», но Ашморк гнал её, подразумевая, что такого варианта попросту нет – уж слишком всё хорошо должно было сложиться.

На Жёваной улице у самой границы Плотного кладбища Ашморк отыскал серый приземистый каменный дом с высоким цокольным этажом. Небольшие узкие окна первого этажа были зарешечены толстыми витыми прутами,

а в цоколе окон и вовсе не было. От этого дом смотрелся неестественно задранным – будто его фундамент выперло из земли, как старую могильную плиту. Крыльцо, ведущее на первый этаж, у дома отсутствовало, а вниз – в цоколь – вела каменная трёхступенная лестница и низкая обитая чёрным металлом дверь с маленькой решёткой на уровне подбородка. Под решёткой был прикреплён молоточек в виде оскалившейся головы гиены. Медная покрытая патиной гиена была сделано очень тонко – шерсть топорщилась, глаза буравили взглядом, клыки были остры и безжалостны, уши, отполированные ладонями посетителей, отливали жёлтым блеском. Но Хеддерсону она не понравилась.

«Часть клиентов наверняка развернулись и ушли прямо тут», – подумал он. – «Неуважительно как-то встречать гиеной. Недостойно. Но посмотрим на это как на причуду старика – наверняка с придурью дед: столько лет в ростовщиках... Даже крыльцо вверх не построил – видимо, ходить ему тяжело, вот в подвальчике и работает».

Ашморк приподнял и опустил молоток. Раздался глухой металлический стук. Небольшая заслонка за решёткой отодвинулась, и сиплый голос равнодушно спросил:

– Чего?

Ашморк оторопел – он готов был рассматривать молоток-гиену как причуду, но это «чего?» совершенно не вязалось с хорошими манерами, которые хотелось тут встретить. Серьёзными делами вроде бы занимаются, а на входе такое вот Чего?... Старичку-то пора на покой – с такими «чего» на хороших клиентов рассчитывать нечего.

Запутавшись в этих мыслях, слова застряли в его голове, и от неожиданности он лишь пролепетал:

– Мне... Сказали... Я про деньги хотел...

Заслонка захлопнулась, послышался скрежет, и дверь подалась наружу, больно оттолкнув шляпника на ступени. Он поморщился и заглянул внутрь. За дверью никого не было, зато виднелся сводчатый коридор, освещённый масляной лампой, стоящей на полукруглом каменном выступе у правой стены. Сняв свой цилиндр, Ашморк шагнул внутрь, и дверь за его спиной бесшумно закрылась. Пройдя прямо, он очутился в большом помещении, кажущемся мрачным от плохого освещения. Собственно, само-то освещение было неплохим, просто его было мало – на широком дубовом столе, обтянутом зелёным сукном и стоящем посередине комнаты, находилась единственная лампа. То был красивый светильник, отделанный чёрным деревом и инкрустированный перламутром и золотом. Абажур из промасленного пергаменты отдавал весь свет поверхности стола, пропуская вверх и в стороны лишь малую часть приятного тёплого свечения. Часть света падала на мягкий красный ковёр, расстеленный под столом и в дальней части комнаты. Перед столом со стороны Ашморка было пусто – ни кресла, ни стула, ни табурета. Он бросил взгляд на стены слева и справа от себя, но и там, в полутьме, виднелись только тёмные каменные тени.

За столом в резном кресле чёрного дерева сидел мистер Плув Мерсонг, склонившийся над толстым гроссбухом и скрипящий пером. Чтобы ни у кого не было сомнений, у передней кромки стола размещалась длинная золотая табличка с выгравированной каллиграфической надписью «Мистер Плув Мерсонг». На Плуве был строгий чёрный жилет. Манжеты его белой накрахмаленной рубашки до локтя скрывали плотные зелёные нарукавники. Его оставшиеся редкие волосы были седые, а на носу сидело

тонкое изящное пенсне. Цилиндр мистера Плува размещался на полке у дальней правой стены – Ашморк отметил это, несмотря на крайне слабое освещение комнаты.

Мистер Плув, не обратив внимания на вошедшего, продолжал выписывать что-то мелким и острым почерком. Если не считать скрипа пера, в комнате было абсолютно тихо.

«Вот! Вот тут уже вкус чувствуется», – подумал шляпник, не осуждая хозяина за холодный приём – он и сам, сосредоточившись на работе, порой обнаруживал в мастерской нетерпеливо покашливающего клиента. – «Конечно, надо будет посоветовать ему сменить молоточек. К хорошему совету друга умный человек всегда прислушается...» – он сделал пару шагов к столу, принял гордую, но учтивую позу и размеренным голосом с правильными ударениями и паузами сказал:

– Добрый день, Мистер Плув. Моё имя Ашморк Хеддерсон. Я держу Первую и Единственную Шляпную Мастерскую Хеддерсонов на Бурой улице. Мой хороший друг и сосед Викбурк Гнюссон советовал Вас как исключительно здорового и рассудительного делового партнёра. Мистер Викбурк, как я и сказал, мой добрый друг и сосед, надёжный и проверенный различными невзгодами, называл вас честным в оценке горожанином, помогающим оказавшимся в нужде. Лучшим представителем ростовщического сословия.

В глубине души Ашморку было стыдно просит денег в долг, но он понимал, что сейчас ему необходимо переступить через собственные амбиции, и пытался скрыть свою тревогу большим количеством слов. Он давно знал, что большое количество слов, завязанных в сеть витиеватых выражений и профессиональных фраз, магически влияют на клиентов – с

каждой фразой, как под гипнозом, они всё ближе и ближе пододвигали свои кошельки к счётам шляпника...

– Как и попавшему в затруднительное положение несколькими годами ранее мистеру Гноссону, мне также требуется некоторая сумма для гарантированного роста моего процветающего семейного бизнеса. Под обеспечение, конечно. Значительное. Зная о вашем проницательном подходе, имею решение обратиться именно в Ваше уважаемое заведение. Зная отзыв о Вашей репутации, я уверен в успешном заключении между нами делового и дружеского соглашения. Могу я рассчитывать на определённые денежные средства под предоставленный Вам высоко оцениваемый залог? – произнеся всё это чинно и с лёгкой надменностью, тщательно скрытой за уважительным тоном, Ашморк выдохнул и настороженно поглядел на сидящего в прежней позе ростовщика.

Наступила пауза, которую царапало лишь перо мистера Плува, продолжавшего писать всё то время, пока Шляпник произносил свою речь. Меряя тишину, Ашморк досчитал до двадцати трёх¹², когда ростовщик отложил гроссбух и поднял на него свои узкие морщинистые глаза с колким, неприятно пронизывающим взглядом. В этот момент шляпник понял, что неуютное ощущение при взгляде на гиену было лишь небольшой разминкой. У хозяина этого заведения не было шерсти и когтей, с клыков не капала

¹² У Ашморка была своя шкала счёта затянувшейся тишины: от нуля до двух – собеседник торопится или всё уже решил; от трёх до восьми – думает прямо сейчас и, возможно, его решение удастся скорректировать; от девяти до пятнадцати – хочет услышать подсказку решения, ибо самому думать лень; от пятнадцати до двадцати – тянет время, выуживая скидку; больше двадцати – издевается.

слюна, но вот взгляд... «Возможно, гиену-то резали с него», – подумал Хеддерсон и, поёжившись, сглотнул.

Плув быстро смерил посетителя неприятным взглядом, выпрямился и слегка откинулся в кресле.

– Гноссон, говорите... – ростовщик хмыкнул, перекосив губу. – Можете. Сумма и срок зависят от того, что у вас есть в залог. – проскрипел он. Его голос был под стать его перу – металлический, корябающий и пронзительный.

Выражение лица, ухмылка и голос тоже не понравились Ашморку. Он вообще начинал жалеть, что пришёл сюда, но раз пришёл...

– У меня есть это. – он сделал два шага к столу и положил перед Плувом чёрную коробочку с бархатной перевязью.

Ткнув перо в чернильницу, ростовщик приоткрыл крышку. На долю секунды его лицо изобразило удивление, потом ещё на миг его глаза сузились, и в них промелькнула какая-то звериная алчность, а потом лицо ростовщика обрело прежнее выражение надменной брезгливости. Он захлопнул крышку коробочки, отодвинул её от себя с очевидно незаинтересованным видом и вопросительно уставился на Шляпника.

– Мне нужна совершенно определённая сумма, – твёрдо сказал Ашморк.

– За эту подделку? Вы же не всерьёз? Утверждаете, что это он?

– Двадцать золотых монет на шесть месяцев, – даже не обратив внимание на высказанные сомнения, добавил шляпник.

Плув даже хрюкнул. В его взгляде появилось искреннее удивление.

Он вновь взял коробочку и тщательно её осмотрел. Хмыкнул, открыл и, сомневаясь в подлинности содержимого, взял из ящичка для канцелярии небольшую лупу. Ашморк внимательно следил за руками дельца, теперь уже совершенно ему не доверяя. Пристальное разглядывание через увеличительное стекло продолжалось пару минут. Бросив на шляпника быстрый оценивающий взгляд, ростовщик достал из ящика стола квадратную стеклянную баночку с плотно закрытой жёлтой крышкой.

Ашморк никогда до сих пор не видел золоканов. Эти жуки безошибочно определяли чистое золото, алмазы, другие ювелирные камни. Опытные жуки различали возраст золота в изделии, а значит, легко могли определить подделку. Здесь, на краю континента, эти жуки были большой редкостью и стоили целое состояние – будь у него пара таких, он мог бы купить дома соседей, снести их (эта мысль Ашморку особенно понравилась) и построить себе мастерскую с магазином, складом и пошивочным цехом, не считая второго этажа, мансарды и балконов.

Золоканы водились лишь в одном месте – на золотом континенте в цепи окружающих гор. Неприрученный золокан трудная и редкая добыча – они водятся глубоко в узких трещинах холодных пещер, очень осторожны и избегают малейшего света и звука. Единственное, что привлекает их – необработанное золото в естественном виде, то есть в самородках. Неприрученный золокан никогда не подойдёт к обработанному золоту или самородку, который был затронут добытчиками или золотоискателями. Поэтому их поиски так сложны и долги – некоторые ловцы безвыходно проводят под землёй долгие месяцы, а иногда и годы.

Приручение золокана ещё более длительный процесс, выполняемый там же в горах мастерами-отшельниками. Многие годы они приучают жуков не бояться присутствия людей, учат их подходить всё ближе и ближе к специальным золотым пластинам. Мало кто знает, что пластинки приручения должны быть выделаны непосредственно будущим владельцем, что позволяет знакомить жуков с энергией будущего хозяина уже на стадии обучения – тогда никому другому золоканы служить никогда не станут.

Даже растущая внутри Ашморка неприязнь к мистеру-гиене не могла перекрыть уважение к его профессиональному подходу.

Плув поставил баночку на стол и ещё раз испытующе поглядел на шляпника. Не увидев ответной реакции, он отвинтил крышку и положил баночку на бок – горлышком в сторону коробочки. Жук оживился и, медленно перебирая лапками, двинулся к испытываемому предмету. Сначала он посидел на нём, потом обошёл пару раз по периметру, несколько раз прошёлся поперёк, тщательно походил по надписям и, наконец остановившись, поднял усики строго вверх. Ростовщик посадил жука обратно, медленно закрутил крышку и спрятал банку в недра стола. Не говоря ни слова и не глядя, он пошарил левой рукой под столешницей. Раздался скрип механизма замка, что-то щёлкнуло и Плув достал две золотые монеты. Бросив их на край стола ближе к посетителю, он откинулся на спинку кресла с видом человека, успешно закончившего длинный трудовой день.

Теперь наступила очередь Ашморка удивлённо посмотреть на мистера Мерсонга и после краткой паузы (на счёт два) он произнёс:

– Этого недостаточно. Их должно быть двадцать.

Ростовщик посмотрел на него исподлбья и с неохотой достал ещё две монеты.

– Мистер Мерсонг, я уверен, вы не ослышались. На всякий случай я повторю: двадцать золотых монет. Двадцать! – Ашморк был поражён такой несправедливой оценке. Он, конечно, ждал от ростовщика некоторого торга, но такая вопиющая скупость... И всё это без расспросов о происхождении самого предмета залога, без восхваления его ценности... Всё это не вписывалось в разработанный по дороге сценарий и сейчас крайне раздражало Ашморка. Однако он решил не терять своего настроения на победу. Расправив плечи и уставившись на соперника, он замер в ожидании ответа.

Плув, в свою очередь, размышлял о происхождении предмета, который принёс посетитель.

«Их было всего четыре. Один должен быть в семье внука генерала Микреса. Один в музее достоинства нации», – его Плув видел своими глазами. – «Один, говорят, в центральном сохранном банке в сейф-ячейке знатной мадам Блак, но это не точно. И один пропал вместе со сгинувшим в небытие капитаном, имя которого никто не помнил, поскольку архивы сгорели на промежуточном привале во время раннего бурного празднования скорой победы. Таким образом, этот шляпник (а то, что это именно шляпник,

сомнений, конечно, не было¹³) или наследник того капитана, или вор (что маловероятно – кража такого раритета точно не останется без внимания), или мошенник с подделкой отменного качества. Цену сему предмету он, вероятно, не представляет, а то запросил бы намного больше. Впрочем, если это подделка, то требуемые двадцать монет – поразительная наглость... Но выделка, камни, печать двора... И... золотоканы ведь не ошибаются...»

Пауза длилась. Ашморк нахмурил брови и досчитал уже до шестнадцати, когда ростовщик достал ещё две монеты.

В душе Ашморк негодовал. Как он мог поверить Гноссону в его рассказни о надутым барыге?.. «Любой делец имевший хоть сколько-то опыта и здравого смысла от души посмеялся бы над бахвальством старого гнома. И ведь я – такой делец. Как я мог допустить себя до мысли, что ростовщика можно «надуть» или что он может быть честным?..»

Видимо, цель, ради которой Ашморк Хеддерсон старался, совершенно затмила его деловое сознание¹⁴.

¹³ Спустя один момент, как Ашморк Хеддерсон остановился напротив описанного выше дома с высоким цоколем, в комнате ростовщика уже было оглашено, что пришедший шляпник с Бурой улицы, вероятно, решил переехать в связи с нарастающей потерей клиентов из-за убогого вида собственной мастерской и сегодняшнего забавного конфуза, вышедшего у рукостроев Брама Храпа при очередном внутреннем переустройстве салона господина Ногса. Зовут шляпника Ашморк Хеддерсон. Жены и детей нет. В подмастерьях значится мелкий мальчишка. Денег у шляпника не замечено, хотя особы важные к нему заходят.

¹⁴ Так иногда бывает в нашем мире – цель настолько важна, что потенциальный обладатель видит её сквозь облачко с дырочкой. Цель видна – остальное в тумане.

Он молчал и досчитал до восемнадцати, когда Плув с кряхтением нагнулся и, достав очередную пару монет, со злостью бросил их на сукно.

Ашморк по-прежнему молчал, и вновь досчитал до двадцати.

Под пристальным выжидающим взглядом уже порядком надоевшего клиента, Плув Мерсонг достал ещё две монеты. Ему было не по себе. Его жадность боролась с его алчностью, и победа кого-то из них была совсем не очевидна. Он был уверен, что этот странный тип удовлетворится этой суммой и наконец-то уйдёт.

Но Ашморк Хеддерсон молчал. Добавленных к его состоянию десяти золотых монет хватало лишь на переезд. Ни о каком товаре речи и быть не могло, а тот факт, что он уже досчитал до двадцати одного, говорил, что пауза затянулась критически...

Мистер Плув Мерсонг решил больше не спорить – он достал последнюю золотую монету. С щелчком припечатал её к столешнице, небрежно захлопнув коробочку с залогом, убрал её в сейф, закрыл дверцу, запер замок и положил ключ в карман жилетки:

– Всё! Больше я не дам! Убирайся прочь! У тебя есть семь дней и ты должен мне тринадцать золотых монет. Ровно через семь дней я выставлю залог на продажу! – процедил он и, скрестив руки на груди, в который раз откинулся на спинку кресла.

– Семь дней? – Ашморк был поражён. Его руки сжались в кулаки.

Брови шляпника столкнулись друг с другом и от того стали выглядеть как единый козырёк над выпученными глазами. Тринадцать золотых – это в два раза меньше, чем он

хотел, но семь дней... За это время и один золотой заработать непросто, не говоря уже о...

– Сколько? Тринадцать? За семь дней? – он чуть не задохнулся от такой несправедливости, наглости и вероломства. – Верните мне его. Немедля! – последние слова он уже прокричал, сорвав голос на высокий истеричный писк.

– Хозяин считает, что сделка заключена. Шуметь не надо. – раздался сзади сильный бас, который Ашморк слышал через решётку входной двери. От неожиданности он вздрогнул и резко обернулся. Напряжённый взгляд в темноту постепенно различил двух широких троллей, стоящих в нишах по обе стороны входной арки.

Шляпник обессиленно сник. Спорить было и бесполезно, и, несомненно, опасно.

Он кивнул головой и вышел, на улице вздохнув с облегчением – что-то подсказывало ему, что всё могло закончиться куда как хуже.

Глава 3. Долгожданный переезд

На следующее утро Ашморк очнулся ото сна раньше обычного и сразу, хотя и с трудом открыл глаза. Он долго лежал на спине, глядя в почерневшие от времени доски потолка, и перебирал в уме все детали произошедшего вчера события. Он ошибся. Он, конечно, должен был предусмотреть такую нечестность. Ему вообще не стоило верить рассказам. Из-за угрозы он, естественно, не мог уже отказаться. И он точно не предполагал такого исхода.

Кто-нибудь мог пролежать в таких мыслях до обеда, но не Ашморк Хеддерсон.

Уже через пару минут он, подозрительно свежий и подтянутый, вышел из мастерской в своём неизменном костюме и громко окликнул подмастерья:

– Ге-ен! – когда тот вывалился из полки и, кулаками протирая глаза, зевая, предстал перед ним, Ашморк сказал:

– Навести Волкода. Скажи, я готов. И возьми мне кофе с мандаринами, когда будешь возвращаться! – Ашморк, мысленно уже ощутивший аромат, запнулся и продолжил: – Впрочем нет, сначала занеси кофе, а потом беги на Сомнительную. Помнишь, где? Передай, чтобы сегодня шёл, ждём уже. Не мешкай. Понял? – с этими словами Ашморк вложил в ладонь Гена несколько монет.

– Помню. Понял. – сквозь дремоту пролепетал пацан и повернулся было к своей полке, но шляпник был неумолим.

– Сейчас, Ген, сейчас. Потом отоспишься!

В последнем обещании Ген очень даже сомневался – дома, под присмотром матушки, он мог позволить себе поспать и до девяти утра, и даже до десяти (пару раз такое точно случалось). При том, что ложились на равнине с

закатом, надо было сильно постараться, чтобы не выспаться. Гену не удавалось выспаться, лишь когда он притаскивал откуда-нибудь новую книгу и, не жалея заранее настроганных лучинок, сидел в мастерской отца до глубокой ночи, а иногда утра.

Поскольку мастерскую ночами никто топить не собирался, то в зимнее время, закутавшись во всё, что только смог тайком вынести за порог, он представлял из себя тёмную тряпичную гору, зависшую над едва освещённым верстаком и ворочавшуюся лишь при перелистывании. Однажды в таком виде его застал один из друзей отца, после вечерней гульбы решивший, что держит свой нестройный путь в тёплую баньку. Более белого лица обернувшийся на скрип двери Ген никогда не видел (у людей, конечно). Решивший, что скальная кома¹⁵ пришла за ним прямо сюда, осевши в коленках, мужик скакнул назад и мигом пропал во тьме. Нашли его лишь к вечеру третьего дня бегающим в дальних полях. Говорить бедный смог только через пару недель, да и то очень нервно. Гену тогда крепко влетело, книги читать настрого запретили и выспаться после этого он стал ещё более регулярно.

Но тут, в городе, у Хеддерсона... Режим, практикуемый Ашморком, подразумевал, что подмастерье не спит, пока не спит мастер – а тот иногда не спал сутками. Утром подмастерье встаёт, естественно, тоже не позже мастера – а кто иначе побежит за кофе. Шляпник, безусловно, никак не ограничивал Гена в рамках сна, но только в меньшую сторону!

¹⁵ Скальная кома – округлое мифическое чудище из дальних высоких гор, которыми пугают непослушных детей и слишком послушных взрослых.

– Ну так иди! – вновь раздалось над его головой и непроснувшийся паренёк, на ощупь одевшись, выставился на улицу с зажмуренными глазами.

Обеспечив себе надежду на правильное утро, Ашморк, проходя по мастерской, бросил взгляд на картину, закрывающую дыру к соседу, и вспомнил вчерашний конфликт с Ногсом.

– Ну, сегодня-то он мне ответит за всё, – злобно сощурив глаза, озвучил свои мысли шляпник и, чтобы закрепить эту мысль, потёр ладони. – Дело не ждёт! Вещи сами себя не соберут.

Здесь надо сказать, что те, кто знает о чём идёт речь, сочтут это высказывание шляпника легкомысленным и даже очень не далёким. Каждый ребёнок мира знает, что любой нормальный волшебник, собирая пожитки, использует несложное заклинание «простого сбора вещей». Некоторые чрезмерно развитые чародеи, также умеют применять более сложное «вложенный сбор вещей» – надо лишь чётко и в правильном порядке произносить правильные слова и, опять же, в правильном порядке перечислять вещи, что удаётся, однако, явно не всем¹⁶. Поговаривают, что существует ещё заклинание «сбора нужных вещей», но о его применении ходят лишь слухи, а магов, использующих настолько мудрёные чары, можно пересчитать по пальцам.

Ашморк колдовать не умел. В юности он баловался простейшими опытами, состоял в подпольном магическом

¹⁶ На рыночной распродаже зачастую можно было встретить то дорожный сундучок, аккуратно вложенный в набор из трёх кальсонов «Месяцок», то телегу, очень ровненько вставленную в рояль, то холщовый мешок, упакованный в дроблёную рисовую крупу (есть, говорят, можно, но на вкус чрезвычайно отвратительно).

кружке «Натуральный чудодел» и всерьёз рассматривал возможность поступления на волшебское отделение университета. Однако, со временем, занявшись семейным ремеслом, он пришёл к однозначному выводу: серьёзный гражданин колдовством заниматься не станет, и уж точно никогда не наденет подобную шляпу. При всём этом, знакомства с кутежей юности у него сохранились, и при особой необходимости он пользоваться ими без раздумий. Волкод Мариинс, ныне нанятый Ашморком для переезда, или, лучше сказать, перестроя, и был одним из соратников по кружку в те далёкие времена.

Когда-то Волкод был подающим надежды талантливым и нагловатым подростком: никто не обнаруживал его способностей к магии, никто не отдавал его в магический университет. Никто вообще не рассчитывал на то, что из сына ловца жгучего репейника¹⁷ и простой стелешницы¹⁸ получится один из самых значимых магов

¹⁷ Жгучий репейник – плотоядное растение семейства железно-окаменистых. Семена размером в два-три кулака в форме шара висят низко над землёй на туго закрученных пружиной стеблях. Многочисленные усы жгучего репейника тянутся во все стороны на десятки локтей, скрываясь в траве, листве или камнях. Чем старше растение, тем больше и плотнее его семена и, соответственно, длиннее усы. При малейшем контакте живого (по крайней мередвигающегося) существа с кончиком уса пружинный стебель беззвучно и стремительно раскручивается, выбрасывая семенное ядро с каменным сердечником, чаще всего оглушающее жертву. Если оглушить жертву не удаётся, железистые крючки, вонзающиеся в ошарашенное тело, впрыскивают смесь семенного раствора осчастливившей воды. После этого жертва впадает в радостную прострацию, становясь новой питательной клумбой.

¹⁸ Стелешница – мастерица стелешного дела. Стельки, наряду с подтяжками, запонками, платками и шляпами, определяют уровень достоинства и достатка приличного горожанина Рутины.

Рутины. Волкод, решивший быть волшебником в возрасте четырёх лет, шёл к своей цели двумя путями сразу. Его твёрдое Я, для достижения результата готовое идти по головам, рвало все преграды, ругалось с любыми существами, встававшими на пути, и не встречало никакой угрозы страшнее себя самого. Однако его мягкое Я, тяжёлое на подъём и неуверенное в себе, мешало прогрессу ежедневно. Ничто не было Волкоду большей преградой на пути к магии, чем сам Волкод.

То, что «Я» настоящего заклинателя старательно изучало бессонными ночами, легкомысленное «Я» перебивало прыщавыми юношескими страданиями. Тому, к кому «Я» будущего чародея упорно набивалось в ученики, другое недовольное «Я» высказывало сомнения профессионального толка. Тогда, когда «Я» будущего волшебника стянуло записную книгу личных заклинаний из повозки странствующих магов, трясущееся от страха «Я» бросило писание в море с помостов нижнего порта. Там где «Я» будущего колдуна осваивало огненную магию, тревожное «Я» брызгало подопытных водой. Внутренняя борьба Волкода с Волкодом была одной из самых интересных тем, обсуждаемых на собраниях кружка, все те четыре раза, когда эти собрания состоялись. И, надо сказать, сам кружок, организованный Волкодом, существовал до тех пор, пока тот его посещал. Ашморк же отметил для себя персону Волкода лишь после рассказа последнего о том, что заниматься магией он решил, будучи уверенным, что волшебника волшебником

делает шляпа.¹⁹ И хотя к семи годам он разобрался, что к чему, мечту менять было уже поздно, и, поставив себе цель, упорный юноша упорно её добивался.

Впрочем, Городское Магическое Сообщество так и не признало его официально. Признание мага-самоучки влекло за собой слишком опасные последствия, ведь так всякому может захотеться незаслуженно разделить славу магического сословия. А что проку от славы, когда она есть у каждого...

Ашморк оглядел фронт работ. Было совершенно ясно, что за вещами на улице должен будет кто-то присмотреть, пока они с Геном будут их вытаскивать – а то ведь точно растащат...

Гена не было довольно долго. Всё потому, что он, сонно вышагнув за дверь мастерской, понятия не имел, куда отправляется и зачем он туда отправляется. Вообще о причинах и задачах своего отправления он задумался лишь после третьего поворота, едва не угодив под копыта наглой палевой кобылице. Окаченный снизу грязной лужевогой водой, а сверху крепкими напутствиями возницы, Ген остановился на пару мгновений, сильно сжал веки, помотал головой и открыл глаза, уже окончательно проснувшись. Пытаясь вспомнить что-либо до этого момента и перебрав в уме все возможные начальничьи наказания, он мысленно составил список из пяти очевидных на сегодня заданий.

Смириться с мыслью о длинной дороге ему помогли монеты, зажатые в левой руке – их хватало ровно на острый

¹⁹ Сама шляпа подобного вида Ашморком несомненно презиралась, но то, что поводом такой целеустремлённости стал именно головной убор, сразу поставило хозяина этих слов на одну из высоких ступеней в лестнице уважения.

утренний пирог с телячьим жиром и яблочным повидлом – этим хозяин (хоть это было на него и не похоже), видимо, решил воздать должное трудолюбию и упорству своего подмастерья. Так думал Ген, покупая короткую и толстенькую колбаску упомянутого пирога в палатке с вывеской «СЕТЕВАЯ ЖИЗНЬ. РУТИНА 27» и причудливой надписью «Не держись за выскальзываемое. Всё пройдёт. Приходи опять». Сегодня приходиться опять было больше не на что, и Ген, зажав завтрак двумя руками и уворачиваясь от капающего жира, одновременно оказался наготове и придержал коленом ускользающее сквозь пальцы кушанье.

– Ммолодец. Ххорошо поймал! – похвалил его продавец. – В следдующий раз ппопробуй ддве разом пподдержать. Пприходи ещё!

– Угу, – только и смог пробубнить в ответ пацан.

«Итак, пункт завтрак – уже исполнен. Теперь в рыбную лавку на деревянных помостах верхнего порта, потом у мисс Поперхнут получить деньги (не мог же мастер забыть такое), потом наведаться к Волкоду», – (от неприязни к волшебнику Гена передёрнуло²⁰) – «день-то сегодняшний известно какой, и потом в лавку болванщика за новой формой широкополого цилиндра. Вроде ничего не упустил и порядок дел правильный», – размышлял Ген под собственное чавканье. Наконец, запихав в рот пытающийся ускользнуть последний кусок и тщательно вытерев руки о штаны, он быстрым шагом устремился в сторону левобережья.

²⁰ Гена раздражали персоны, относящиеся к нему свысока, а общаться по другому Волкод Мариинс не умел.

На обратном пути, не дойдя до мастерской пару сотен сепов, Ген осознал, что утром никогда не возвращался без кофе. Собственно, утром ему чаще всего только по этой причине и приходилось выходить на улицу. Возвращаться без кофе было бы роковой ошибкой. В этот же момент он осознал, что деньги, потраченные им на пирог, были совсем не на пирог. И если бы не очередная частичная (еле выпрошенная) оплата мисс Поперхнут, дело обернулось бы очень скверно. Не купить кофе было нельзя, так что Ген решил, что по возвращению добавит недостающее из своих отложенных карманных²¹, и завернул в Торчащий переулок к кофейне старины Музуса.

Тем временем Ашморк успел прибрать все инструменты по ящикам стола и бюро, скатать и связать бечёвкой расправленные листы фетра, переложить ветошью всю посуду, которой, как он думал, было не много – однако всю её уместить в старый деревянный сундук не удалось, и пришлось тащить тяжёлый ящик с заднего проезда. Потом он увязал в тюки набивку, скатал в аккуратные толстые рулоны все выкройки, рассортировал болванки по размерам и типам и связал попарно, чтобы легче было носить.

После проверил запертость всех ящичков бюро и, наконец, без сил опустился на табурет. Время перевалило за полдень, а шляпник уже устал. Кроме того он сильно вспотел и от того утомился ещё больше. Жилет, бывший всё это время на нём, давно промок, и сейчас источал весьма заметный даже со значительного расстояния запах, бывший прямо в

²¹ Размышляя над содержанием, которое надо платить подмастерью, Ашморк Хеддерсон предпочёл заменить его на небольшую сумму, выдаваемую один раз в декаду в качестве карманных средств.

нос.²² Но отсутствие кофе Ашморка волновало намного больше, чем запах.

Когда подмастерье наконец вернулся с двойной хозяйской кружкой²³ (что спасло его от крупной выволочки за забывчивость) мандаринового кофе, опьяняющего одним своим ароматом, Ашморк, зажмурившись, отпил и расслабился. Накопившаяся усталость дала о себе знать и первые несколько поспешных глотков стали ей достойным ответом. Улыбнувшись и указав Гену на клиентское кресло, он вышел на свежий воздух.

Подмастерье вынес кресло на улицу и поставил перед витриной, а для комплекта притащил старенький пуфик, и Ашморк, устроившись поудобнее с кружкой любимого напитка, отдал краткое и величественное распоряжение:

– Выноси!

День обещал быть солнечным – значит, тёплым, без дождя и самое главное, без ветра. Ветер шляпник вообще считал низостью со стороны природы, всячески его презирал и удивлялся, как же его всё ещё не запретили на территории города. Он удобно сидел, попивал кофе и сквозь припущенные веки наблюдал, как мальчишка таскает

²² В Штольнях, Нижнем порту и на задах Рыночной площади со шляпником точно начали бы здороваться за руку, и ему это явно не польстило бы...

²³ Двойная кружка – кружка двойной высоты с двумя ручками на разной высоте, направленными в разные стороны. Для представителей некоторых рас изготавливают четверные кружки и, в отдельных случаях, шестерные. В приличных кофейнях Рутини кружки всегда именные, и порядочный посетитель имеет две, три, а иногда и более собственных кружек, чтобы брать их на вынос или посылать за ними, как делал это Ашморк. Чтобы не терять кофейный дух и не пачкать посуду, мыть кофейные кружки запрещено 35-й статьёй конституции города Рутини.

корзины, тюки, ящички, свитки, свёртки и прочие накопленные за многие-многие годы материалы и предметы профессиональной принадлежности шляпника. Отдельно и с большой осторожностью Ген вынес закутанные в тряпки клетки своих пернатых. Он поставил их повыше на коробки в самом центре, чтобы ничего их не задевало или, тем более, не упало на них сверху.

Гора вещей росла, и шляпник тратил всё больше внимания на наблюдение за подозрительными горожанами, безостановочно курсирующими по улице. Впрочем, вид у него, по всей видимости, был угрожающий, так как никто из прохожих даже не глядел на его пожитки, – насколько может быть угрожающим человек, пьющий кофе, расслабленно лежа под солнышком. Хотя, может быть, для любителей чужого добра было ещё рановато...

Тут из-под низко висящей вывески, на которой, помимо наименования, был вертикально прибит большой чёрный гроб, вынырнул ненавистный сосед, прячущийся под широким чёрным зонтом. Оглядев происходящее, он удивлённо уставился на шляпника:

– Куда влечёт судьба, друг мой? Как ты решился нас покинуть?

Ашморк повернул голову направо и старательно игнорировал Ногса.

– Дом предков стал не мил? – задав ещё несколько подобных вопросов и не получив на них ни одного ответа, гробовщик обвёл оценивающим взглядом мастерскую: – Аш, как добрый сосед, я спрошу у тебя лишь одно – сколько просишь за эту развалину?

Ашморк, стиснув зубы, молчал.

– Ну правда же, или ты уже продал? В «Конечном обладании» объявления не было. Я бы отметил. Ведь я, друг мой, подыскиваю себе складской объём...

Ашморк молча кипел от негодования – этот... вредитель, именуемый соседом, хочет хранить в его семейной, можно сказать, наследственной мастерской, свои гробы!..

– Бизнес растёт, расширяется. Клиенты мрут по расписанию. А мой туристический отдел? Фурор. В сравнении с прошлым годом рост впечатляющий! Имей в виду, дорого не заплачу, но зато прямо здесь и сегодня.

Ещё раз оглядев строение и так и не получив от шляпника ожидаемой реакции, Ногс, уходя, обратился к Гену:

– И правильно, что покидаете эту дыру. Давно пора.

– Вы бы вот свою дыру у нас забрали. – бросил тот в ответ, ныряя в двери мастерской за следующими пожитками.

«...А парень, без сомнений, заслужил отдельную комнатку», – подумалось Ашморку и, поворочавшись, он ещё глубже погрузился в подушки.

Когда спустя некоторое время, которого хватило, чтобы допить кофе и чуток вздремнуть (конечно, вопреки желанию, но согласно самым смелым мечтам), гора скарба уже закрыла от взора расположенную напротив скобяную лавку. Ген, волоком вытащивший тяжёлый красный сундук с медной фурнитурой, допёр его до скопившейся кучи. Видимо, силы у него на этом закончились, и, доковыляв до дома, он устало опустил на поставленную рядом с креслом скамью. Протянув вперёд ноги и оставив на песке две длинные борозды от своих пяток, Ген откинулся на стену и сказал:

– Вот! Только мебель осталась. И мусор. И сундук старый у задней стены стоит. Тяжёлый. Я с ним не справился. И ящики бюро заперты все. И картина на стене осталась.

– Конечно, заперты. Это же бюро. У хорошего бюро ящики всегда должны быть заперты, – пробормотал Ашморк, не открывая глаз, – всё уже в сундуках. Да и тот не тяжёлый. Справился бы. Ну да так и быть – скоро пойдём и его вытащим.

Во время настраивания себя на это самое «скоро», Ашморк заметил подозрительное движение за горой пожиток. Это очень резко и очень настойчиво напомнило ему, что рядом живут чрезмерно любопытные мальчишки и чрезвычайно вороватые соседи. Спросонья он разом всполошился и вскочил – да так, что в глазах потемнело, а Ген, отшатнувшись, сполз со скамьи и теперь с земли ошарашенно глядел на дядю.

– Постой-постой-постой, – приговаривал шляпник. – Пойди-ка там на сундуке постой. – он указал на середину скарбной горы. – Там и будь. Глаз ни на миг не спускай с добра. Чудо, что не спёрли ничего пока. Вроде бы, или мы проглядели... – бросил он уже через плечо, практически бегом направившись в сторону Рыночной площади.

Ген проводил его взглядом, пожал плечами, встал, отряхнулся и, ещё раз посмотрев в сторону удаляющегося шляпника, чтобы убедиться, что тот не передумал, с удовольствием уселся в тёплое мягкое кресло, задрав ноги на пуфик.

Ашморк, выйдя на площадь, уверенным шагом двинулся к наёмным рядам. Страховать ему приходилось редко: пару раз, когда заказы были на золотые беретки с перьями и мантиями для содержателей рутинной сборной и

ещё раз в позапрошлом году, когда нервная клуша Дастия с Подвенечной (конечно, так и не ставшая постоянной заказчицей) разводила разговоры битых четыре часа, а после отказалась идти в темноте в свою сторону, требуя её проводить, угрожая остаться на ночь – Гена в помощниках в тогда ещё не было, и только страхованием он смог от неё отделаться. Конечно, это было делом не дешёвым, и шляпник предпочитал обходиться как-нибудь без него, но это было надёжно, и в данном случае более чем оправдано – ведь сейчас прямо посреди улицы лежали не просто его пожитки, а все средства его заработка, а значит, и его существования!

Дойдя до известного ему столбика, он кивнул местному вербовщику:

– Двоих, до вечера в дозор.

Тот, кивнув в ответ, обернулся, свистнул дважды и, обращаясь к шляпнику, прохрипел:

– Два серебряных.

Ашморк поморщился, отсчитал заранее зажатые в ладони монеты и, бросив:

– Пусть догоняют, – быстрым шагом отправился обратно.

Вернулся он в компании двух полупрозрачных Страхов²⁴. Кивнув на мальчика, шляпник произнёс магическую для ушей Гена фразу:

– Тоже хозяин.

Едва кивнув в ответ, духи, не задавая лишних вопросов (чем и приглянулись Ашу с первого раза), встали по сторонам от вещей, сложили руки на груди и замерли в

²⁴ Души преступников, осуждённых на смертную казнь и продавших душу палачу в обмен на лёгкую смерть. Одеты солидно и впечатляюще: перед казнью их одевают в костюмы.

ожидании. Ген, который, конечно, слышал о страховании и много раз видел Страхов, нанятых другими деловыми, был настолько удивлён этому поступку дяди, что застыл в лежачем положении в кресле, совершенно позабыв о том, что ему за это может грозить.

– Они...? – только и смог спросить он у остановившегося рядом Ашморка.

– Они. – подтвердил тот, также сложа руки на груди и обозревая «поле боя» с видом полнейшего превосходства. – Вставай. Продолжаем.

Только после этого Ген, переведя осторожный взгляд на мастера, медленно, бочком, освободил кресло и, подбадриваемый вторым за сегодня отсутствием вполне вероятного нагоняя, быстро скрылся в дверях.

Ашморку эта скорость показалась странной, но он отмахнулся от этой короткой мысли и пошёл помогать Гену вытаскивать сундук.

Однако послышавшийся с улицы подозрительный шум заставил их выскочить наружу и увеличить этот шум собственным криком. Справа, рядом с красным сундуком визжал мальчишка, пойманный Страхом. Визжал он от того, что вышеупомянутый Страх старательно, со знанием дела, выкручивал ему уши. Оттащив пойманного на некоторое расстояние от скарба Страх разжал пальцы, и мальчишка сиганул, немедленно воспользовавшись предоставленным шансом. Шляпник, не ставший вмешиваться (всё ведь оплачено) и наблюдавший эту картину от дверей, послал вслед негодяю парочку добрых проклятий, заметив про себя, что стёкла витрин нового дома надо попросить зачаровать. Судя по скорости, с которой Страхи поймали воришку,

оставалось лишь догадываться, какое число негодников ушло с добычей до страхования.

Только всё улеглось, а раздосадованные отсутствием продолжения зеваки разошлись, как сухонькая, костлявая старушка, рассчитывая остаться незамеченной, подкралась к разложенным на мешковине шляпам и попыталась стянуть самую широкополую. Спустя мгновение её протянутую тощую ручонку сжимала стальной хваткой белёсая полупрозрачная Страховая рука. Миссис Карн не привыкла, чтобы её ловили столь грубым образом, но кричать и привлекать внимание посчитала излишним. Она упёрлась в Страха правой рукой и попыталась высвободиться. Когда это не удалось, она упёрлась ещё и ногой. Это тоже не помогло, и ей пришлось повиснуть на противнике, уперевшись в него обеими ногами, но дело всё равно не продвинулось. Эту картину и застал вышедший на порог Ген. Он подошёл к пытавшейся освободиться воровке сзади и легонько кашлянул. Он откуда-то знал её, но вот откуда – сразу не припомнил, и только когда старая дама оглянулась, грубо рывкнув:

– Ты кто вообще?! Иди куда шёл, негодный мальчишка. Не мешайся тут... – Ген узнал старуху окончательно: она была бабкой его приятеля Дили. Диль был умён и начитан, но отчего-то очень стеснялся своей семьи, и теперь Гену стало понятно, почему. Он смело и, возможно, чересчур самоуверенно, заявил:

– Мэм, мне кажется, ваши действия не вполне законны. Я имею полное право остановить акт кражи, являясь здесь хозяином и главным родственником владельца!

Страх, видя что ситуация взята под контроль, отпустил старуху и отступил на прежнее место. Наученная

опытом дама, не вступая в бесперспективную дискуссию, подняла многочисленные слои юбок и стремглав ринулась прочь. Глядя ей вслед, Ген, покачив головой, подивился, как обилие официальных слов действует на среднего гражданина.

Два часа Ашморк и Ген сидели перед фасадом опустевшего строения и скучали. Таинственного Волкода всё не было, а время стремительно приближало закат. Что означало, что с каждой минутой времени на то, чтобы засветло занести все вещи обратно становилось всё меньше.

– самого-то видел? Сказал же про сегодня? – в очередной раз спросил Ашморк.

– Конечно.

– А понял он тебя-то? Что сегодня?

– Ну да. Я ж говорю, «да-да» ответил. И сказал – после обеда придёт.

– Так в какое же время он обедает-то? На закате?

– Не сказал, – оправдывался Ген. – Ничего больше не сказал. Только про «после обеда»...

– После которого обеда?... сколько у него обедов на дню... А может, он про завтрашний обед говорил?

– Ну вряд ли. Я говорю «Сегодня ждём вас. Всё готово», а он мне «Да-да, после обеда».

– И больше ничего?

– Ничего.

– Понятно. Это «ничего» меня не устраивает. Давай, поднимайся, дуй к нему. Без него не возвращайся. И скажи, что Страхи скоро растают... Впрочем – этого не говори. Ему-то что, только посмеётся.

Ген с досадой скривился – кому охота быть на посылках через полгорода, да ещё за волшебником. От них Ген вообще ничего хорошего не ждал, а весь замысел с магическим переездом считал пустой затеей, сулившей одни неприятности. Впрочем, прямо сейчас неприятности ожидали его, если он не приведёт волшебника, и, здраво рассудив, что будущие-далёкие неприятности всё же чуть-чуть получше, чем будущие-близкие, Ген со стоном принялся рассматривать землю под ногами.

Надо сказать, что волшебники не брались за сложные задачи практически никогда. Множество раз он слышал истории примерно такого содержания: что-то кому-то надо сделать по части магии, были средства и переговоры, но для совершения сделки волшебнику предстояло потрудиться, а это было для него очевидным форс-мажором. Переговоры заходили в тупик, поскольку за отсутствие магии, там где она необходима, люди платили неохотно.

Впрочем, были и обратные примеры, когда гражданин связывался с начинающим волшебником, или с нелицензированным магом, или с колдуном-самоучкой. Такие истории всегда заканчивались интересно. Например, одна из последних, произошедшая не так давно в Старой Таверне на главном въезде Рыночной площади: волшебника вызвали поднять рояль на второй этаж. Дело вроде не сложное – почти любой орк справится, а если рояль не вполне целым нужен, так даже тролль. Но была сложность – ни по лестнице, ни в окна рояль пролезть не смог: большой был слишком. Зачем уж им понадобилось рояль поднимать, и тем более звать для этого волшебника, Ген не знал – о причинах никто не говорил. Зато полгорода клялось, что побывали, на полу покачались, своими глазами в рояль заглядывали и

произошедший конфуз видели. Диль Карн рассказывал, как всё произошло.

Волшебник по приезду заявил, что всё несложно и велел помещение освободить. Все, конечно, вышли на своё счастье. И вот он походил внутри, наружу вышел, пробормотал чего-то, хлопнул в ладоши и уехал. Всё мол. Готово. Причём деньги-то они, колдуны, всегда наперёд забирают – видимо, чтобы после сразу слить была возможность. Так вот, волшебничий кэб ещё колёсами стучал, когда все в таверну ввалились, а там рояля нет. Ну – на первом этаже нет. Всё как положено. Они на второй – и тут вроде всё в порядке. Но только управляющий в сопровождении маэстро двинулись к роялю, все ахнули. Пол под ними прогнулся и зазвучал басами. Они ещё шаг – прогиб и ре, ми четвёртой октавы. Ещё шаг – ещё прогиб и соль, фа третьей. Добравшись таким музыкальным путём до рояля маэстро откинул клап и ударил по клавишам. Лишь мягкий удар молоточков едва потревожил стоящую рядом тишину. Управляющий с каменным лицом приподнял крышку и, тут же закрыв её, бросился догонять волшебника.

Как рассказал Диль, который, по его словам, ходил туда с дядей и сам всё видел, при прохождении рояля через перекрытие натянутые струны поменялись местами с натянутыми балками.

Кстати, управляющий, вовремя осознавший новизну эффекта, почти сразу вернулся. Музыкальный зал Старой Таверны стал местом притяжения любопытствующей публики.

И хотя рассказанная Дилем история закончилась без жертв, Ген был уверен, что это исключение из правил.

Подозревая, сколько стоит услуга переезда, подмастерье считал, что шляпник на фоне одержимости обновления собственного дома немного двинулся умом и собирается лишиться кучи денег, отдав её шарлатану. Кроме того, Волкод ему сам по себе не нравился. Ген видел его всего два раза, но и этого вполне хватило – шаркающий, швыркающий, причмокивающий, сморкающийся чрезвычайно длинный сухой старикан в грязном дырявом балахоне пугал. На контрасте в глаза бросались перстни с крупными камнями, шёлковый шарф, повязанный на шее и дома, и на улице, и большой белый камень на вершине его волшебничьей шляпы. Пугала также и неожиданная манера общения – то мягко и доверительно, то грубо и неприветливо, но всегда надменно и свысока. Мальчик не мог понять, как волшебник относится к нему и к мастеру.

«Если посмотреть на то, как он выглядит и что он носит, то вообще непонятно, зачем же ему столько денег, ведь на себя он их точно не тратит», – размышлял Ген, когда оклик Ашморка вернул его в реальность:

– Иди уже.

И Ген нехотя отправился в путь.

Ему несказанно повезло: буквально за углом он встретил самого Мариинса Волкода и поспешил провести его к шляпнику, идя впереди на безопасном расстоянии (чуть больше, чем посох мага).

Не скрывая своего восторга, Ашморк с надеждой спросил:

– Начинаем, да?

– Всею своё время, молодой человек (Волкод свысока оценивал всё в этой жизни, включая возраст).

Он задрал голову и пару минут подробно осматривал «пациента», после чего обратился к шляпнику:

– Ашморк, коллега, сделать из этого фасада приличное строение будет труднее, чем я думал... – он отступил на несколько шагов назад.

Отойти на середину улицы мешала гора пожиток, и волшебник остановился перед ней.

– А вещи зачем сюда вытащили? – шляпник и подмастерье переглянулись и пожали плечами. Ген закатил глаза и тяжело вздохнул.

Маг придирчиво осмотрел здание, надул губы и склонил голову так, что шляпа должна была сползти из-за явно перевешивающего камня на её вершине. Ашморк смотрел на потрёпанный головной убор и ждал, пока тот свалится. Однако ничего не произошло – голова и шляпа будто были единым целым. Он подошёл, встал рядом и, глядя на свою старую мастерскую, скрестил руки на груди.

– Труднее чем я думал... – повторил Волкод.

– Не труднее, чем мы договаривались. Так ведь? – настороженно задал вопрос владелец старого фасада, чувствуя интонации в сторону увеличения цены.

– И соседи прямо вплотную...

– Да, обсуждали. Помнишь?

– И второй этаж и мансарду наверняка хочется?

– На плане, что отнёс тебе мальчишка, так и было. – Ашморк терял терпение.

Однако сорвать сегодняшний переезд он не мог – на карту было поставлено всё. Поэтому, чтобы сделать шаг навстречу нагнетающему мнимые сложности магу, он наклонился в его сторону и, понизив голос, заговорщически сообщил:

– Есть, впрочем, то, что мы с тобой не оговорили. Ставшее чрезвычайно важным буквально в последний момент. – и, несколько отстранившись, отметил искорки алчности, сверкнувшие в глазах бывшего одноклубника.

Волкод, поглаживая перстень на указательном пальце, в свою очередь склонился к шляпнику и едва слышно проговорил:

– Излагай.

– Видишь ли, стена соседского дома справа, как мне кажется, чуточку наехала на мой фундамент. Ну так примерно на длину моей руки. Нет, лучше твоей. Уж как и когда случилось – не знаю, но сомнений в этом нет. Ни у меня, ни у кого-либо в моей мастерской.

– И сосед, наверно, с тобою согласен.

– Да-а... Он вообще этой стеной не пользуется. «Не знаю, – говорит, – зачем она тут стоит». Даже гномов нанимал снести её – дыру мне сделал, да я его остановил – «Зачем, говорю, сносишь? Хорошая стена. Пусть постоит ещё...»

– Так убрать её что ли?

– Не-ет. Это же его стена. Пусть у него и стоит. Только... – Ашморк, склонив голову, глянул на длинную сухую руку волшебника. – На длину руки твоей отодвинуть... Ну и каменной сделать – чтобы гномы проломить не смогли. И потолще ещё.

Волкод перехватил взгляд шляпника и тоже посмотрел на свою руку. Потом – на руку Ашморка, и сказал:

– Ну на мою подороже будет. В четыре золотых плюсом. И моё имя не упоминай. Если придут, скажу, что я тебя не переезжал.

– Золотой. И не упомяну. Вообще забуду.

– Три. И сосед не узнает, что ты меня об этом попросил.

– Два. И у тебя будет заказ.

Волкод глянул на Ашморка. Даже сертифицированные маги редко брались за переезды – работа долгая и хлопотная, клиенты всегда недовольны, соседи всегда в ярости. Да и оплата чаще всего не достойная, но не в этот раз – при обсуждении плана шляпник почти не торговался.

«Знает, должно быть, что переплачивает, вот и жмёт», – подумал злой и алчный Волкод.

«Не перегни», – подумал ему в ответ мягкий спокойный волшебник.

– Идёт, – намеренно задумчиво произнёс он. – Страхов отпусти – ауру искажают. За вещи не переживай. Сейчас занавес поставлю.

Ашморк вручил волшебнику заранее приготовленный увесистый сундучок небольшого размера, отправил Страхов восвояси и велел Гену перетащить его кресло к остальным вещам.

Волкод поднял руку, вытянул указательный палец и, сделав им оборот над головой, тихонько присвистнул. Колодец туманной пелены отгородил здание мастерской от соседних строений, а перед фасадом окружил пространство, в котором лежали пожитки и сидели настороженные мастер с подмастерьем. Плотная завеса скрыла происходящее здесь от посторонних любопытных и завистливых глаз, а также от проникновения со стороны и неуместного вмешательства в магический процесс. Волшебник встал напротив дверей мастерской, вытянул перед собой руки и опёрся ими на навершие своего старинного посоха. Он прикрыл глаза и про

себя начал бормотать, а местами напевать какое-то заклинание. Ген, поначалу сидевший как можно дальше от мага, опасаясь туманной завесы, подобрался поближе к центру и смог подслушать чудные обороты, но ничего не понял.

– Барлабарду, бумба-думбу, арканоло-пороминоло! – шептал волшебник разными голосами.

«Ерунда какая-то», – подумал Ген и на всякий случай отодвинулся от мага подальше.

Волкод продолжал бормотать, направляя руки то в одну, то в другую сторону. Строение дрожало, разделяясь на части. Каркас крыши поднялся и висел где-то высоко над головой. Ещё выше парила старая черепица. С фасада медленно и неаккуратно отрывались доски обшивки. Скрипя и осыпаясь трухой отделялись балки перекрытий. Пыль плотно окутала место бывшей мастерской, но было видно, как там продолжали двигаться составные части.

Волшебник повернулся к Ашморку с серьёзным лицом и странно подмигнул:

– Куда мусор будем складывать? Соседу отдадим?

– Мусор? – откликнулся внезапно вырванный из размышлений мастер.

Вместо ответа Волкод указал на пылевую тучу.

– Мусор, – задумчиво повторил шляпник. – Боюсь, для соседей этого многовато будет.

– Это смотря насколько ты их не любишь.

Ашморк помедлил. Ещё раз глянул на плотное облако и вновь остро ощутил обиду, перенесённую вчера и сегодня. Он вспомнил ужимки соседа, его напускную вежливость и нечеловеческий расчётливый цинизм. И, вернувшись глазами к Волкоду, кратко сказал:

– Я зол, но не жесток.

– Понятно, – с нескрываемой досадой вздохнул маг, предвидя дополнительные усилия, и под нос пробурчал: – Знал же, что придётся перерабатывать.

Он вновь сложил руки на посохе, склонил голову и замер, шепча заклинания.

Спустя часа полтора облако, окутавшее мастерскую, стало плотным туманным шаром. В этот шар со стороны Рыночной площади заезжали заранее нанятые Волкодом повозки, груженные деревом, камнями, стеклянным боем и проржавевшим металлоломом. Выезжающие с другой стороны телеги были пусты.

Содержимое каждой из повозок поднималось Волкодом в воздух и становилось разноцветной пылью. Ген, всё это время с интересом наблюдавший действо из-за спины волшебника, отметил, что не только содержимое повозок, но и вся грязь, гниль, копоть, обрывки паутины и прочий мусор, оставшийся от разбора мастерской ручейками стали собираться в отдельные разноцветные облачка.

Спустя какое-то время, за которое Ген успел перечитать небольшой томик «Варварских рассказней», восемь плотных цветных облаков висели аркой над новым формирующимся строением. Волкод с того же места дирижировал ими. Теперь уже от облаков вниз, к строению, тянулись тонкие разноцветные полупрозрачные нити.

Мимо Гена в сторону туманного занавеса прошествовала удручённая толпа древоточцев. Возглавляющий семейство жук повёл на подмастерье усами и, недобро оглядев его, погрозил лапкой. Мальчик сглотнул. Перспектива вражды с тысячами маленьких жучков ничего хорошего не сулила.

«Не видать больше дяде малипусичного тортика из гнилых заноз на день рождения», – он ещё раз оглядел маленькую часть мира, отгороженную магом и тоже почувствовал себя жуком в банке.

Ашморк, крепко похрапывая, спал в своём кресле. Ген знал, что это раздражает волшебника, хоть и не видел его лица. Такое всех выводит из себя. Если ты работаешь, а за твоей спиной храпят, это не может не раздражать. Однако Волкод за всё время ни разу не пытался его разбудить.

Мастерская тем временем начинала принимать черты солидного городского строения. Внутреннее устройство скрылось за каменной фасадной стеной. Впрочем, незастеклённые окна и дверной проём первого этажа были настолько велики, что через правое можно было разглядеть стену с дверью, через левое лестницу на второй этаж, а сквозь будущие двери узкую дверь уборной у задней стены. Чердака и крыши у здания ещё не было. Процесс шёл медленней, чем ожидал мальчик, и значительно скучнее, чем описывал возбуждённый мастер.

Выбрав следующую книгу, мальчишка погрузился обратно в чтение.

Когда небо рассказало Гену о прошедшем закате, дом был практически готов. Он стал значительно выше – приходилось задирать голову, чтобы разглядеть его целиком. Ровная тёмно-серая каменная кладка первого этажа продолжалась аккуратной фисташковой дощатой облицовкой. Окна и двери первого этажа были коваными, а стёкла в них поблёскивали новизной. Резная ступень перед дверью по краям была украшена витыми перилами, а вправо и влево от неё расходились толстые дубовые скамьи. Гену показалось, что фасад стал шире. «Возможно, камень просто

смотрится солидней», – думал он, разглядывая второй этаж. Там были два широких окна: резные деревянные рамы вторили ковке, а размер стёкол повторял витрины зала. Поверх второго этажа Ген отметил ещё одно окно, видимо – чердачное, хотя оно было достаточно большим. Выступающие брусья кровли тоже были украшены резьбой.

Между первым и вторым этажом образовалась широкая вывеска. Над ней висело четыре фонаря, в свете которых на длинном чёрном металлическом полотнище большими объёмными буквами читалось:

Первая и Единственная Новая Шляпная Мастерская Хеддерсонов

То, как смотрелся дом, заставило Гена задуматься: «Если внутри всё также аккуратно, то дядин колдун, пожалуй не зря получает оплату. Впрочем, не отпускать бы его, пока не проверим надёжность пола второго этажа».

Даже со стороны было видно, что Волкод устал. Он слабо указывал пальцами на облачка, да и посох теперь подпирал его грудь, а не руки.

Внезапно с домом начали происходить удивительные вещи: он стал расплываться, покрываться пирожными и даже один раз слегка подпрыгнул. В воздухе запахло сладким и послышалось щебетание. Удивлённый Ген, обойдя мага стороной, обнаружил, что тот спит, уронив голову на скрещенные на посохе руки.

– Мистер волшебник, – окликнул Ген – Проснитесь.

Волкод причмокнул и отвернул голову. Ген подкрался ближе и подёргал грязный рукав халата.

– Мистер волшебник. С мастерской что-то не так. Мистер волшебник.

Ни тряска, ни оклик не помогали. Мимо лица Гена пролетела стайка розовых светящихся пегасиков.

– Мистер волшебник! – закричал мальчик – Что-то не так!

Проснувшийся Ашморк уже спешил к ним. Вдвоём они растолкали Волкода, который, не поднимая головы, глубоко вздохнул, поднял правую руку и звонко щёлкнул пальцами.

Всё стихло. Фасад вновь стал фасадным. Пегасики пропали, а запах пирожных улетучился. Волкод поднял голову и, щурясь, взглянул на мастерскую.

– Ну, вот собственно и всё.

– Стёкла, дружище, стёкла надо защитить от камней.

– Уже.

– Отлично. И всё как обговаривали.

– Да.

– Очень хорошо.

– Очень. – промолвил волшебник устало. Он щёлкнул пальцами ещё раз, и туманная стена быстро рассеялась.

Ворвавшийся шум вечернего города накрыл и оглушил их.

– Повозка! – вновь щёлкнул пальцами волшебник. И лихо запрыгнув в тут же подкатившийся экипаж, отбыл без каких-либо прощаний.

Однако Ашморк Хеддерсон этого даже не заметил. Он стоял напротив своего нового дома и молча восхищался им.

– Отец гордился бы такой мастерской. И дед тоже.

Поскольку процесс был завершен и можно было зайти внутрь, Ген вытащил из вещей лампу, зажёл её и вопросительно взглянул на шляпника

– Давай, – кивнул тот, и мальчуган, отворив парадную дверь, вприпрыжку пробежался по первому этажу.

Новый первый этаж стал весьма примечателен. Отделанные светло-бежевым камнем стены казались слишком высокими. Дощатый потолок белого дерева был дополнительно выбелен краской и, отражая слабый свет керосиновой лампы, позволял рассмотреть помещение в деталях. Здесь вдоль окон также размещались скамьи-подоконники. Слева на прежнем месте остался стоять большой рабочий стол. Казалось, он стал ещё больше, и ему точно сменили столешницу – она стала совершенно ровной и без сучков. А матово-чёрный цвет выделял её на фоне светлого интерьера. Справа появилась гостиная для клиентов. Резные деревянные этажерки окружали удобный, мягкий диван, кресло и небольшой столик со стопкой легкомысленных журналов²⁵. По центру, разинув широкую чёрную пасть в направлении входа, размещался большой камин из того же светло-бежевого камня. Обогнув его, Ген заглянул в дверь направо – бывшая спальня Ашморка расширилась и превратилась в уютный кабинет, где у правой стены уже стояло знакомое неподъёмное бюро. Центр кабинета занимал красивый катский ковёр.

– Вот его-то тут точно не было, – сказал Ген сам себе и, захлопнув дверь, развернулся.

²⁵ Что было весьма странно, ведь Ашморк ни о чём подобном в заказе не упоминал. Скорее всего, так комнату дополнил волшебник по своему представлению местной аудитории.

Под лестницей располагалась аккуратная светлая уборная. Не углубляясь в рассматривание деталей, Ген взбежал на второй этаж. Удобные кованые перила, полукругом ограждающие подъём, повторяли орнаментный рисунок фасада.

Лестница выходила в кухню-гостинную. Тёмно-зелёное сукно стен забирало себе весь свет настольной переносной лампы, однако отсвет наружных фонарей позволил рассмотреть небольшую кирпичную печь с каминным очагом, кресла и столик у окна, а также дверь, ведущую в комнату слева. Там, очевидно, располагалась спальня дяди. В ней стояла большая коричневая кровать, застланная поразительно белой материей. Оставшееся место занимали ковёр и пузатая тумбочка. Из комнаты куда-то вели ещё две двери, но туда Ген заглядывать не стал – было ясно, что к нему они никакого отношения не имеют.

Из гостиной вверх вела ещё одна лестница. По узким и очень крутым ступеням мальчишка вылез на мансарду. В слабом свете перед ним предстала небольшая уютная комната. Тут поместились две этажерки, кровать, узенькая тумбочка, табурет и стол рядом с окном.

Ген был в восторге от увиденного! Целая комната! ЕГО КОМНАТА!

Сомневаться в этом, конечно, не приходилось, и, ликуя, он обернулся, готовый спускаться. Однако в стене рядом с лестницей обнаружилась ещё одна дверь. Распахнув её, мальчишка выбежал на веранду. Сам не веря в такую невероятную щедрость шляпника или неожиданную заботливость мага, он шагнул к витому орнаменту ограды. Оперевшись на тёплый деревянный поручень, мальчик сделал глубокий глоток воздуха. Ещё один. Третий. Тёмное небо

покрывало засыпающий город. Снизу доносились завсегдашние портовые звуки, а сплошная чернота спокойного сегодня моря где-то там в непроглядной дали омывала такие же чёрные, уверенные в себе небеса. Было тепло и свежо. Ветер перебрал пацанские вихры давая понять, что счастье бывает вполне себе неожиданным. И так продолжалось бы до бесконечности, если бы издалека не послышался усталый окрик Ашморка:

– Спускайся, надо вещи затаскивать!

«А ведь мог перед отъездом всё внутрь переместить», – не без упрёка подумал Ген. Надо сказать, он был бы рад сейчас делать практически что угодно, но только не это. К сожалению, выбора у него не было, и, вздохнув, он не спеша полез вниз.

Спустя пару часов, уже далеко за полночь, поднявшись В СВОЮ комнату Ген обессиленно рухнул на матрас и провалился в счастливый глубокий сон.

На втором этаже в кресле у окна с кружкой воды сидел вконец вымотанный Ашморк Хеддерсон. Он был несказанно доволен проделанной сегодня работой. Старый друг оправдал оговорённые, неоговорённые и тщательно скрываемые надежды. Задумчиво наблюдая из окна освещённую фонарями вывески улицу, шляпник подумал, что масло, конечно, выгорит быстро, но сил на то, чтобы тушить высоко висящие наружные светильники, у него не осталось, а Ген уже наверняка спал. Заставив своё уставшее тело встать, он поставил кружку на стол и ушёл в спальню. Там, не раздеваясь и не расправляя кровать, он прилёг на краешек большого и подозрительно мягкого белого поля и тут же уснул.

Им обоим – потомственному владельцу лучшей шляпной мастерской и молодому подающему надежды подмастерью – снился один и тот же сон: аромат свежих булочек разливался по светлому и просторному залу, они сидели за небольшим столиком перед высоким, во всю стену, окном и, рассматривая торопливых прохожих в абсурдных головных уборах, обсуждали, за какую цену можно продать воспоминание о забытой на Чёрном рынке шляпе вишнёвого цвета.

Глава 4. Заказ

Ген, лёжа на спине, боялся открыть глаза. Всё произошедшее вчера было настолько замечательным и чудесным, что наверняка окажется одним из череды тех беспокойных и волнительных снов, что терзали его сознание всю ночь.

Он слегка подвигал ногой, потом рукой. Полка, на которой он обычно спал, должна была заскрипеть – но скрипа не последовало. Ощущения грубой холщовой ткани, служившей ему и простынёй и покрывалом тоже не было. Его кожу гладило мягкое скользящее полотно, очень приятное на ощупь.

С улицы доносились звуки пробуждающегося города и никогда не засыпающего порта. Было свежо и очень спокойно.

Ген осторожно приоткрыл левый глаз и убедился, что стены острым углом сходятся к потолку, а увиденное им вчера вечером – не сон. С полками, служившими ему временным домом, теперь можно было попрощаться. Уже предвкушая новую чудесную жизнь, он бодро открыл второй глаз и, осмотрелся, повертев головой.

Его комната была прекрасна. Даже без вещей. Или до вещей. Или как раз без вещей. Он запутался. Мотнул головой и вскочил с кровати.

Окно, выходящее на Бурую улицу, открывалось, и Ген, выглянув в него, обнаружил, что комната его теперь вполне может служить наблюдательным пунктом. Вправо улица прекрасно просматривалась до самой Рыночной площади, а слева вдалеке можно было разглядеть развалины надпортовой крепостной башни. Горизонт между этими точками, конечно, множественно прерывался различными

архитектурными безобразиями, но общий вид был куда богаче чем с крыши Синего Сата²⁶.

– И есть ещё веранда! – сообразил мальчишка²⁷.

Он бросился на другую сторону своих владений и просто обомлел. Панорама нескольких линий домов обрывалась бесконечной синевой, определить горизонт на которой никак не представлялось возможным. Раннее солнце приятно согревало его лицо, а упругий ветер приносил звуки и запахи нового дня.

– Йо-хо! – издал победный клич подмастерье и, развернувшись, отправился на поиски своих немногочисленных пожиток, рассованных по свёрткам, узлам и ящикам, заполнившим всю мастерскую.

Ашморк проснулся необыкновенно поздно. Давно оживший город, шумевший на все голоса, вытащил его из сладкой ленивой дремоты. Раскинув руки, он вполне ожидаемо обнаружил себя утопающим в необъятной мягкой перине.

«Ах, как давно я *этого* не ощущал!»²⁸ – ностальгией пронеслось в его голове.

²⁶ До настоящего времени именно крыша Сата была наблюдательным пунктом компании «Быстрых Накидок». Поскольку никто в компании не мог похвастать лучшим сочетанием вида и его доступности, Сат считал себя владельцем «штаба». О чём напоминал всем и каждому ежедневно.

²⁷ А это значит, что его наблюдательный пункт не только выше, но и смотрит во все стороны.

²⁸ Доподлинно неизвестно, о каком ощущении Ашморк Хеддерсон думал в тот момент. Скорее всего, он подумал о белых простынях времён своего детства, и вряд ли о тех, которые сшил себе для предыдущего постельного комплекта из обрезков подкладочной ткани.

Несмотря на внутренний укор за безделье в столь поздний час, вроде бы проснувшись, он всё ещё с удовольствием валялся на своей новой кровати. Мечтательность захлестнула его чувства и прикрыв глаза, он сосредоточился на ощущениях и звуках. Разведя руки и ноги Ашморк водил ими туда-сюда, проминая в белом полотнище такую знакомую его детским воспоминаниям пятиконечную фигуру. Где-то мяукала кошка, поблизости на улице кто-то ругался (видимо с Ногсом), и с каждым вдохом всё отчётливей слышался гул Рыночной площади.

Ашморк улыбнулся, открыл глаза и очень чётко ощутил следующее своё желание.

Надо было срочно выпить традиционный утренний кофе!

Собираясь послать за ним Гена, он пошарил по карманам и обнаружил, что в его костюме нет ни гроша.

– Как так? – лёжа прохрипел шляпник ещё не проснувшимся голосом. – Должно было остаться хоть чуть-чуть!

Он перебрал в памяти события прошлого дня и с ужасом осознал, что последние двенадцать рутов были заплачены им на рынке, за Страхов, а оставшейся в кармашках жилетки мелочи едва хватит на чашку кофейной пенки.

– Да... Реальность не даёт спуска даже сильным мира сего, что уж тут говорить о нас, простых смертных! – вновь прохрипел он и, потягиваясь, сел на кровати. – Впрочем, – успокоил он себя – для утреннего кофе весьма поздновато.

За стенкой послышалась беготня Гена, топавшего сверху вниз по лестнице.

Смирившись, что утро этого дня началось без него, шляпник, для начала, решил понять, как выглядит и что содержит дом, в котором ему теперь предстоит жить и работать. А также выяснить, как именно ошибся Волкод, реализуя его, Ашморка, запросы, ведь в том, что волшебник в чём-нибудь да напортачил, шляпник ни на миг не сомневался.

Всё ещё сидя на кровати, он осмотрелся. Белый потолок был разделён тремя балками, которые подпирались резными консолями. Стены комнаты были ровно оклеены плотной тканью глубокого синего цвета. Окно, выходившее на Бурую улицу, было задёрнуто занавеской и по бокам закрыто бархатными шторами в тон стенам. Плотный ворсистый тёмно-серый ковёр укрывал большую часть морёного дубового пола. Прямо перед Ашморком располагалась едва приоткрытая дверь, через которую он вчера вошёл, а в стене напротив окна были ещё две плотно закрытых двери.

Кряхтя неразмятыми ногами, шляпник добрался до них и открыл правую. Внутри небольшой каморки единой стеной располагались шкафы. В крайнем он обнаружил чёрные деревянные плечики и несколько плоских выдвижных ящичков. Его новые пустые шкафы сильно напоминали его старые пустые карманы.

– Значит, это гардероб. Полезная штука, как ни крути. Хе-хе. Однако сначала придётся заработать хотя бы на пару-тройку вещей. – с усмешкой сообщил он самому себе, и вышел обратно в спальню.

За левой дверью оказалась ванная комната! До этого дня в настоящей ванной комнате Ашморку бывать не

приходилось.²⁹ Здесь напротив двери было узкое окошко на задний проезд. Раковина, ванна и клозет были поразительно белыми, а на стене висели полотенца и синий халат.

За стенкой вновь слышалась беготня Гена, топающего по лестнице снизу вверх.

Памятуя, что с последнего посещения им ближайшего (и при том достаточно респектабельного) пенного заведения прошло не более трёх декад, Ашморк решительно отложил испытание «отчищающего места» на потом.

Гостиная второго этажа, куда он вышел из спальни, была невелика, но приятна глазу и очень уютна. Глубокий цвет стен, аккуратная печь с длинным рабочим столом и шкафчиками, стеллаж для книг и прочая мебель – всё было на своих местах и прекрасно сочеталось друг с другом. Ашморк присел в одно из широких кресел, налил воды из пузатого графина в низкий пузатый стакан и уставился в окно.

Улица жила своей обыденной жизнью. В направлении Рыночной площади измождённый ишак волок повозку с кованными доспехами, которую подгоняли два сына гнома Викбурга. У скобяной лавки напротив усатый Капс протирал вывешенные галереи медных чайников и отполированных металлических подносов, обыденно беседуя с милой прачкой Лисси из «Прачечного Дома мадам Клосс». В надпортовую сторону, распугивая горожан и кошек, громыхая промчалась оркорикша. Слева внизу кто-то, кого шляпник не мог видеть, снова ругался. Видимо, с Ногсом.

²⁹ Море в тепло и баня в холод были нормой подавляющего большинства граждан Рутины.

Отражённое солнце множилось в невысохших лужах ночного дождя, отчего вся улица была залита светом, идущим и сверху, и снизу. А всё ещё горящие фонари новой вывески тратили масло почём зря.

– Это, однако, разорительное дело. Недоработочка с вашей стороны, мистер волшебник – с досадой заметил шляпник.

Довольный своей внимательностью в обнаружении незамечаемых другими недостатков, Ашморк откинулся в кресле, и его левая рука удобно легла на широкий дубовый подоконник. Удовлетворённо барабанившие пальцы дошагали до аккуратного металлического рычажка, увенчанного лакированным деревянным шариком. Рычажок смотрел направо. С задумчивой улыбкой, всё ещё пребывая в надменной эйфории, новосёл потянул ручку на себя. Она легко поддалась и с глухим щелчком переключилась налево.

Фонари за окном погасли.

Сверху вниз по лестницам снова протопал Ген, едва успев кивнуть хозяину.

Ашморк с досадой сморщил нос.

– Ну ладно. – Смешивая досаду и удовлетворение в одну интонацию пробормотал он. – Пора и день начинать.

Допив воду, он опрокинул стакан на небольшой поднос рядом с графином и направился вниз. Навстречу ему аккуратно поднимался Ген, ничего не видевший перед собой из-за двух клеток среднего размера, которые тащил на вытянутых руках. Сидящие внутри самолётики живо переговаривались и опасливо поглядывали по сторонам. Пропуская его мастер смерил взглядом узкую лестницу, уходящую на чердак.

– Как юный ученик собирается забраться туда с подобной ношей? – спросил он с ухмылкой.

– Пока не решил, – пробубнил Ген пробираясь мимо него бочком.

– Ну-ну. – шляпник ещё раз глянул на предстоящий подмастерью подъём и, отметив, что по приставной лестнице солидные мужчины, носящие шляпы, не лазают, стал спускаться.

Несмотря на нынешние финансовые трудности, семейное дело Хеддерсонов вряд ли находилось под угрозой – накопленный запас материалов и фурнитуры мог снабдить его небольшую мастерскую на много декад вперёд. И даже если трудности не дадут восполнить этот запас в течение полного года, в арсенале шляпника всегда был его дар убеждения, позволявший заменить любую желаемую, но отсутствующую ткань или деталь на ту, что есть в наличии, с исключительной убедительностью заботы о клиенте и его предпочтениях. Именно с такой уверенностью Ашморк и принялся за уборку.

Мастерская пребывала в хаосе. Вчера ночью, затаскивая вещи внутрь, они с Геном старались размещать слева инструменты и материалы, а справа прочие пожитки. Однако, как можно было убедиться сейчас, не сильно в этом преуспели.

Осматривая завалы свёртков, узлов и коробок, шляпник мысленно старался распределить их по местам. Составляя план и присев на край рабочего стола, он в задумчивости указывал пальцем на тот или иной объект, определяя тому место назначения.

В это время Ген, закончивший собирать в своей комнате те вещи, которые считал своими, не торопясь спустился в мастерскую.

– Дядя, вчера я забыл вам передать очередную оплату от мисс Поперхнут.

С этими словами он положил на стол плотный фиолетовый кошель.

Ашморк, палец которого замер указывая куда-то в сторону дивана, медленно склонил голову и посмотрел сначала на мешочек, а потом на Гена. Тот, ожидая выволочки, втянул голову в плечи:

– Вчера было не до того. Я и забыл совсем...

Мальчишка замолчал, и, подбирая дополнительные оправдания, умоляюще поглядел на мастера. Каково же было его удивление, когда вместо строгого осуждающего выражения он увидел широкую улыбку, расплывшуюся на лице дяди. Удивление всё ещё было при нём, когда спустя пару мгновений он был выставлен наружу с двумя монетами, зажатыми в правой руке и чётким указанием «немедленно и скорее скорого доставить двойную кружку кофе с лавандой и лимоном».

Оставшись ожидать кофе, Ашморк пересчитал содержимое кошелька. Даже при самом скромном существовании этих денег хватит на три-четыре дня. А скромничать в таком доме шляпник совсем не собирался.

Он спрятал мешочек в карман и перешёл в свой новый кабинет (тот, что раньше был его жилой комнаткой). Осмотревшись, он присел и откинул ковёр. Как и ожидалось, тут обнаружилась хорошо подогнанная под плоскость пола дверца его старинного сейфа. Сняв с шеи ключик он

выполнил знакомые манипуляции и, легко отщелкнув половицу справа³⁰, поднял тяжёлую створку.

Сейф был пуст. Только маленькая серая книжечка, перемотанная бечёвкой, с торчащими из неё листочками лежала на чёрном сукне глубокого дна. Это была рабочая долговая книжка. Ашморк Хеддерсон мало на кого работал без предварительной оплаты, поэтому расписок было не очень много. Кроме того, по различным причинам, многие расписки уже никогда не будут оплачены, однако даже часть из них позволит продержаться на плаву в течение двух-трёх декад, а может и дольше.

Возвратившись в зал и разложив расписки на столе, шляпник разделил их на те, к авторам которых отправится сам, те, к кому пойдёт Гена, а также те, которые можно было попросту выбросить (он сложил их и спрятал обратно в книжечку). Востребованных средств, прикинул он, хватит лишь на еду и, к сожалению, они никак не могли покрыть и малой части того долга, из-за которого семейная реликвия оказалась в алчных лапах старика Плува.

Вспомнив позавчерашний день, он злобно нахмурился.

– Лишь чудо, или вернее сказать, «чудный заказ», может изменить ход событий в мою сторону. – и задумчиво добавил: – Надо бы этому чуду помочь.

Ранее он уже перебрал в голове прочие варианты добычи тринадцати золотых монет. Однако того, при котором он не оказывается в тёмной камере нижнего дворца или того, где ему не проламывают голову, и тем более того, где он

³⁰ Уважение к волшебнику, предусмотревшему такой неочевидный доступ к секретной невидимой скважине выросло ещё на один пункт.

остаётся совершенно невредимым и с чистой совестью, среди них не было. А поскольку Ашморк Хеддерсон дорожил честью, совестью, головой и свободой, оставалось лишь одно – заработать деньги проверенным способом, но в тридцать два раза быстрее обычного.

В этот момент колокольчик на входной двери звякнул, и в руках шляпника оказалась двойная кружка заказанного удовольствия. Хозяин мастерской уселся на диванчик и скомандовал:

– На столе ничего не трожь. Начни с готовых изделий.

После этого, вытянув скрещенные ноги, он погрузился в ароматные раздумья.

Мелодичный звон заставил Ашморка поднять правую бровь, чтобы приоткрыть глаз. И если бы на пороге был так ожидаемый мастером клиент, это бы, пожалуй, вынуло бы его из дремоты, но в дверях стоял Ногс. Ничего более отвлекающего от послекофейного «размышления» и придумать было нельзя.

– Не ждал я, соседushка, не ждал... – ни по интонации, ни по смыслу фразы не было понятно, чего именно не ждал вампир. То ли, уже проводив Хеддерсона в дальнюю дорогу, он не рассчитывал увидеть его сегодня, то ли нечаянно (а как иначе?) уменьшенный коридор стал для гробовщика чересчур неожиданной новостью.

Ашморк, оставшийся в расслабленной позе с приоткрытым левым глазом, зевнул, и про себя решил, что, по всей видимости, и то и другое.

– Утром я свой коридор обнаружил узким, как гробовая доска – проскрипел Ногс. И для убедительности добавил: – Я проверял – и сравнил, и померил.

– А я тут причём? – приоткрыв второй глаз, спросил шляпник. – Гномы тебе дом чинили, с них и спрос.

– Я и спросил. У Храпа. Он и ответил, что так ровно стену никогда не отделявал. Ни он ни кто-то другой из его рукостроев. Видишь, – говорит, – дыры совсем не видно – я так не мог.

– И я тут причём? – вновь спросил Ашморк, наблюдая, как заводится его наглый и вероломный сосед.

– А кто себе за ночь дом волшебством переехал? – гробовщик сорвался на сип и, резко умолкнув, вытаращил глаза в знак вопроса.

– Это-то тут причём? – картинно невозмутимо удивился новосёл.

Ген издалека тихонько хихикнул.

– То есть ты-таки волшебством переехал за мой счёт? – глаза вампира сузились и злобно сверкнули, руки сжались в единый кулак на груди, а верхняя губа на краешках немного приподнялась.

Ашморк полулежал в размышлении: довести Ногса до белого каления или остудить чем-нибудь озадачивающим? За первый вариант было его ущемлённое самолюбие и попранная справедливость. За второй вариант голосовало расчётливое планирование спокойного будущего и нежелание открытого противостояния. Избрав нечто среднее, шляпник решил пройтись по натянутой между вариантами нити.

– А ты-то тут причём? – безучастно и задумчиво произнёс он. И, прежде чем волна яростного негодования вырвалась наружу, добавил: – Фундамент на месте – глянь снаружи. Всякому известно, что волшебный переезд

существует лишь в рамках старых камней – вкопанное в землю волшебство не заденет³¹.

Внезапно охлаждённый такой спокойной и логичной уверенностью, гробовщик покачнулся на своих длинных и чрезмерно худых конечностях. Grimаса сомнения в собственной правоте замерла на краешках его поджатых губ.

– Сдаётся мне, гном тебе что-то не договаривает, – закрепляя результат, добавил Ашморк расслабленно. – Но ты заходи, если посоветоваться надо будет.

Шляпник прикрыл оба глаза и умолк в безмятежном спокойствии.

Ногс, стоявший перед ним в некотором отупении, не сразу смог прийти в себя.

– Вам ещё чем-нибудь помочь? – демонстративно приветливо и чересчур добродушно спросил его Ген.

– Не нуждаюсь. – отчеканил вампир и, развернувшись, спешно вышел на улицу.

– К Рыночной площади поспешил. – сообщил мальчишка. – Рукостроев искать.

– Пусть ищет. – зевнул Ашморк. – Не до него нам. Шляпы разложил?

– Нет ещё. Много ведь.

Решив, что без него дело не сдвинется, и ещё раз зевнув, мастер встал и тоже принялся разбирать горы

³¹ Распространённое заблуждение в части обыденного волшебства. Безграмотность и недалёкость в вопросах магии и чародейства порождают верование в подобные «общеизвестности». В оригинале эта догма звучит так: «Волшебное-вкопанное в землю лишь более волшебное-выкопанное быть может» И речь тут исключительно о затратах магической энергии: откапывать тяжелее, чем закапывать. Уж кому-кому, а старику Ногсу надо бы это знать!

материала и залежи фурнитуры, гоняя Гена по всей мастерской.

Развязывая свёрток за свёртком, разбирая ящик за ящиком, шляпник и его подмастерье неуклонно задвигали свою мастерскую в рамки привычного делового порядка.

Когда солнце стало потихоньку выкрадывать себе всё больший участок пола, не разобранными остались лишь личные вещи хозяина дома. Всему остальному нашлось своё место. Ашморк, порядочно уставший и не желавший продолжать тратить силы на «всякую ерунду», велел Гену:

– Все эти бывшие пожитки стащи в кладовку, что в моей спальне. И надо бы нам что-нибудь поесть.

Последней фразе Ген несказанно обрадовался. Ему уже давненько казалось, что в его пустом животе бурчали голодные орки. Однако прервать работающего дядю было поступком, близким к самоубийству. «Ещё немного, и между теми, что тут вот, слева и теми, что чуть правее и пониже, начнётся знатная потасовка», – думал он о громком урчании, таща на второй этаж какое-то тряпье, замотанное в рваную подкладочную ткань.

Ашморк поднимался вслед за ним по лестнице, размышляя о том, что раньше еда была ближе – чаще всего они обедали прямо в зале за стеллажами. «Однако, опять же, запах в мастерской стоял невыносимый», – напомнил он самому себе. И вспомнив, пожалуй, самый яркий эпизод, окликнул мальчишку:

– Ген, помнишь нам на праздник весёлого водопада Дастия Грохнут принесла заливное из тухлого карпа?

Ген, уже возвращающийся на первый этаж за следующей котомкой, скорчил гримасу ужаса и отвращения.

– Вот только то, что он тухлый, мы с вами заметили, когда верхнее желе было практически полностью съедено.

– Верно. А эта клуша всё никак не уходила... Помнишь? И её силком не выставишь, и карпа мимо неё не выбросишь... Воняло-то потом как...

– Это «потом» продолжалось две декады, если вы забыли. – уже разминувшись со шляпником, бросил мальчишка, не оборачиваясь.

– Не забыл. – буркнул мастер. – Всё провоняло. Насквозь.

– Да-да. И готовые шляпы потом на улице проветривали. Помните? До дождя.

– Точно. А после дождя выбросили и заново делали.

– И с клиентов мерки на лавке снаружи снимали. – заметил Ген, проносясь в сторону хозяйской спальни с двумя тюками.

– Да уж... – с усмешкой ответил поднявшийся в кухню-гостиную Ашморк. – Ну, что сегодня ждёт нас здесь? – спросил он у кухни.

Ничего не ответившая кухня доступно стояла у стены.

– Ген, – вновь окликнул он пробегающего в сторону лестницы мальчишку. – Ты же тут наверняка всё уже излазил. Давай, рассказывай. Чем будем обедать?

– Яичницей. – уверенно ответил Ген.

– С чем?

– С огурцом, солью и сухарями. – ещё более уверенно ответил Ген.

– А с чем ещё? – спросил Ашморк начавший открывать все дверцы подряд.

– Ну... – потянул Ген. – Можно запивать водой.

Шкафчики были частично пусты, частично заполнены чистой фаянсовой посудой. Только в одном, расположенном рядом с печью, находилась корзинка с дюжиной яиц и кульком чёрных сухарей. Там же лежал большой огурец и рядом с ним стоял туюсок с крупной солью.

– Не густо, не густо. – разочарованно размышлял шляпник. Однако есть хотелось сильно, а ходить на рынок было долго. И затратно.

Дров, которые лежали в печи, должно было хватить, и, чиркнув спичкой, Ашморк пустил к ним огонь. Сняв со стены тяжёлую плоскую сковороду, он поставил её на конфорку и достал всю провизию на столешницу.

Когда сковорода нагрелась, мастер слегка посыпал её щепоткой соли и, разбивая скорлупу о край, вылил на горячий круг восемь яиц. Полопав желтки, он повертел сковородкой в воздухе – яичница равномерно растеклась, заискрилась и аппетитно запахла.

Огурец был порезан пополам, а каждая половинка уложена на отдельную тарелку. Ашморк добавил сухари и поставил посуду на стол.

Когда Ген занёс последние коробки в гардероб, на выходе из спальни его ждала сервированная тарелка, в которую дядя выкладывал из сковородки толстый кусок горячей яичницы.

Ген бухнулся в кресло, подтянул тарелку к себе и уже с набитым ртом вспомнил и приличия, пробубнив:

– аыба...

– На здоровье! – ответил ему Ашморк.

Не торопясь, он сел в кресло, посыпал огурец солью и принялся за трапезу.

После какого-никакого обеда Ашморк уже было задремал в удобном кресле гостиной, когда внизу мелодично прозвенел колокольчик.

– А вот и новый клиент! – воскликнул Ген.

Едва приоткрыв глаз, шляпник с удовольствием успел заметить затылок паренька, спускающегося вниз длинными прыжками. Не спеша вытаскивать себя из такого комфортного покоя, Ашморк подумал, что для парнишки вся эта суета – лишь очередное весёлое приключение. И настроение у него такое отличное оттого, что приключение это не связано для него с какими-либо обязательствами, а лишь с новшествами и открытиями. И ещё, – думал шляпник, – именно такой Ген не даёт ему, Ашморку, спускаться во тьму уныния и самобичевания³².

Ген тут же вернулся с сообщением:

– Новый клиент. Высоченный такой... – и исключительно ради дяди добавил: – В цилиндре.

– Кофе ему предложи и сразу дуй к Музусу. – велел шляпник. – Скажи тому – завтра заплатим³³. – добавил он в спину уже спускающегося мальчишки.

Только после этого, тяжело вздохнув, Ашморк выкорчевал себя из родного уже кресла и направился к лестнице.

³² Посмеяться над мальчишкой всегда было приятно, даже (и тем более) если тому это не нравилось. Да и для бичевания подмастерье подходил замечательно...

³³ Вот уж кто-кто, а скряга и жмот Музус и тараканов-то забесплатно не поил. «Завтра заплатим» означало, что на следующий день Ген отнесёт кружку с лежащими внутри монетами взамен тех, что были выданы кофевару авансом заранее.

Посетитель встретил Ашморка, стоя посреди мастерской. Наклонив голову, он внимательно и неторопливо осматривал хозяина оценивающим взглядом. Он так пристально разглядывал шляпника с головы до ног, что казалось, покупать собирается именно его.

– Приветствую вас в нашем скромном салоне, известном в самых изысканных кругах уважающих себя горожан.

Высокий молчал, держа цилиндр в левой руке, правой опираясь на тонкую чёрную трость.

– Вы к нам заглянули случайно или кто-то из наших многочисленных и весьма довольных клиентов посоветовал вам наши услуги?

Взгляд ещё раз пробежал по мастеру вверх-вниз и обратно. Мужчина сказал:

– Я присяду. Ваш малец утёк за кофе. Я его не пью, но спасибо.

Ашморк на мгновение воздел глаза в немом «вот ведь...» и, выдохнув, указал на диванчик:

– Конечно. Пацан ещё...

– Меня зовут Мистер Фант. Мне вас посоветовали. Не имеет значения, кто. – пришедший удобно устроился на диване. Цилиндр и трость он аккуратно пристроил на подушки слева от себя.

Шляпник присел в кресло напротив и, не опуская взгляда, стыдливо переложил стопку журналов с поверхности столика на его нижнюю полочку.

– Наши клиенты...

– Мне нужен убор. – твёрдо перебил Ашморка высокий, пристально наблюдая за его рукой.

«Вот новость-то», – подумал Ашморк, с досадой вынимая руку из под стола.

– Цилиндр.

Тут мастер вполне заметно удивился.

Качество головного убора, принесённого Мистером Фантом, было определённо высочайшим. Опытный глаз шляпника отметил это ещё с лестницы.

Идеально плоское донышко, матовые фетровые стенки тульи, такой же матовый шёлковый бэнд и чёткие острые края полей, о которые, казалось, можно порезаться – всё было правильной формы, идеальных пропорций и несомненно высочайшего качества. Никто в Рутине и её землях не способен столь хорошо выполнить цилиндр, кроме, конечно, самого Хеддерсона, и значит, Мистер Фант прибыл издалека. А ещё, это определённо самый дорогой головной убор, который когда-либо приносили сюда, в мастерскую.

«А чем же плох тот, что при вас?», – хотел спросить шляпник, однако, решив не торопить события, промолчал и внимательно посмотрел на клиента.

Мистер Фант, пристально глядя на Ашморка, выдержал паузу до трёх.

– Для визитов. – кратко закончил он, ответив на немой вопрос, и, скрестив пальцы, откинулся на спинку дивана.

Шляпник сузил глаз, пытаясь прицениться к клиенту и его гардеробу. «Дорог, шикарно дорог. Ни пылинки. Спокоен и уверен в себе, хоть и издалека. И весьма-весьма не прост», – подумал он. – «За что же ты готов заплатить?»

В этот момент в мастерскую шумно ворвался Ген. Хлопнув обеими створками входной двери, он торжественно

водрузил на столик двойную гостевую кружку³⁴, парящую тонкими ароматами, и несколько отступил к окну, всем видом ожидая поощрения. Мистер Фант спокойно смотрел на шляпника сквозь струящиеся в воздухе испарения. В мастерской воцарилась Тишина.

Единственное, что не раздражало Ашморка в этот момент – постепенно наполняющий комнату кофейный запах.

– Ты вот что, дружок. – сдвинув брови начал шляпник (у Гена тут же округлились глаза от такого обращения). – Кофе на кухню снеси. И побудь там, пока мы с Мистером Фантом про заказ потолкуем. – и после паузы добавил: – Я тебя кликну, как нужен станешь.

Ген, отчётливо поняв, что сделал что-то не то, а время для препирательства неподходящее, обиженно смутился. Он обеими руками взял со столика кружку, пятясь, обогнул диван и спешно скрылся на лестнице. Тишина всё ещё была тут.

Проследив за удаляющимся подмастерьем шляпник сконфуженно посмотрел на посетителя. Взгляд Фанта был всё так же спокоен.

– Так в чём особенность? – Ашморк решительно и твёрдо прогнал Тишину вместе с собственной досадой. – Ведь вы здесь за этим?

³⁴ В заведении Музуса Ашморк держал три гостевых кружки. На одинарной были более всего заметны следы помады надоедливой Дастии, на той, что с четырьмя ручками отчётливо выделялись парные царапинки коготков средних конечностей Сорокона Кинера, а на ободке той, что принёс Ген, всё ещё были видны два скола от алмазных клыков судьи Ламандерса.

– За этим. – ответил клиент. – Сам цилиндр должен быть таким же, как этот. Когда я говорю «таким же», я имею в виду «таким же!». Не просто «похожим», не «очень похожим», а «точно таким же». Он не должен быть хуже и не должен быть лучше. Он не должен отличаться размером и формой. Он должен быть из такого же материала и пахнуть он должен также, – потянув носом, Мистер Фант вспомнил о доставленном напитке: – Уж точно не кофе!

Шляпник сжал челюсти.

– Всё перечисленное касается всех частей этого убора за исключением...

Ашморк вновь досчитал до трёх.

– Сколько у вас подмастерьев? – Фант неожиданно сменил тему.

– Один этот мальчишка. – мастер задумчиво кивнул в сторону лестницы. Он пока не понимал, куда клонит Мистер, но заказ представлялся ему достаточно доходным, чтобы закрыть минимум пятую часть имеющегося у него долга. Впрочем, даже если шестую часть – тоже хорошо. «Подобные цилиндры сами по себе не меньше золотого стоят, плюс работа столько же, плюс добиться полного сходства... ».

– Кто он вам? – вопрос ещё глубже и интересней.

– Племянник. – и всё ещё внутренне кляня Гена за кружку добавил, выговаривая слоги: – Род-ной.

– И много болтает?

– Да постоянно... – машинально ответил мастер, и спохватился: – Когда в работе помогает, не заткнуть, так и льётся. А пошлешь куда, слова из него не вытянут. Записки писать приходится.

Фант сжал губы и поморщился.

– И много бегают?

– Да нет. – не понимая, куда клонит Фант, шляпник заосторожничал: – Клиенты сами всё больше заглядывают или нарочных посылают. Но все заказы я сам выдаю – оплату чтобы мне напрямую отдавали. А если к кому отнести – его тут запираю. «На улицу», – говорю, – «ни ногой». Да он ведь деревенский у меня. Стеснительный. Робкий.

Последнее совершенно не вязалось с тем Генном, который, встретив клиента бодрыми приветствиями, тут же ускакал за двойным напитком, и Ашморк понял, что во вранье несколько перегнул.

Однако Фант обратил внимание не на это:

– Оплаты ему не доверяете?

«Что-то многовато твоего беспокойства для двух золотых с половиной», – подумал шляпник.

– Кто заработал, тот и считает³⁵.

– Верно... – задумчиво проговорил Фант. – Нет ли у вас каких либо препятствий для исполнения срочного заказа? Или, быть может, некоторых обстоятельств, способных помешать выполнению или отвлечь от него?

– Нет, сейчас мы как раз освободились. Сдали заказ в конце прошлой декады. – и, побоявшись показаться слишком незанятым, а также для удержания клиента в тонусе, шляпник добавил: – В начале следующей декады два больших заказа, но для вас всё успеем закончить.

– Хорошо. – протянул Мистер Фант. – Очень хорошо.

³⁵ Пятнадцатая из семнадцати основных заповедей расчётного устава гильдии Прибылей и Перспектив гласит: «Кто доходные средства заработал, тот их конечно и считает. Кроме тех случаев, когда не побоялись нанять счетовода.».

– А нет ли каких либо кредиторов, способных парализовать вашу работу внезапной описью имущества или хуже того, наймом представителя «Радикального Решения»?

– Мистер Фант, – обречённо-укоризненным тоном ответил шляпник. – Я принадлежу к числу уважаемых деловых горожан, состою в Гильдии Прибылей и Перспектив и привык честно вести свои дела. Несомненно, тот кто посоветовал вам обратиться ко мне, должен был это засвидетельствовать.

– Прекрасно! – так же протяжно воскликнул клиент. – Поймите меня правильно, я лишь стараюсь обезопасить свои вложения.

– Разрешите взглянуть на цилиндр. – протянул руку Ашморк.

Фант, подавшись вперёд, передал головной убор.

– И впрямь хорош, как я и думал. Где работает столь искусный мастер?

– Так вы сможете изготовить ТАКОЙ ЖЕ убор? – проигнорировав вопрос, парировал Фант.

– Конечно.

– В пять дней уложитесь?

– Совершенно точно уложимся.

– Прекрасно. – Фант удовлетворённо откинулся назад. – Предлагаю ударить по рукам и обсудить детали.

– Но мы не утвердили цену.

– Мне приводили примеры стоимости ваших работ. Думаю, цена меня устроит. Пять дней, точно такой цилиндр по озвученной вами цене... – Фант протянул Ашморку руку и тот пожал её, машинально протянув в ответ свою. – С учётом особенностей, которые мы сейчас обсудим, и клятвой держать всё в строжайшей секретности неразглашения под

смертельным обещанием. – добавил клиент, глядя в расширенные глаза шляпника и не отпуская его вырывающуюся руку.

Ашморк наконец отдёрнул руку и ошарашенно уставился на Фанта:

– Как вы...? Что вы себе позволили?

– Что мне потребовалось, то я себе и позволил. – высокомерно ответил тот.

– Но вы удержали мою руку силой...

– Успокойтесь и не устраивайте истерику. – прервал его клиент. – Уверяю, в накладе не останетесь. Даже напротив.

Взгляд заказчика был твёрдо устремлён на шляпника. Голос оставался спокойным и растянутым. Всё это оказало на Ашморка гипнотизирующее действие. Он сидел в кресле в некотором трансе, погружённый в себя от внезапного унижения, и пытался осознать положение, в которое попал.

Договор смертельного обещания, скреплённый рукопожатием (или ногопожатием, или взаимным облизыванием, если у одной из сторон нет ни рук, ни ног) являлся третьей высшей степенью ответственности делового Рутинца³⁶. Мало того что Ашморк, как сторона такого договора, была связан его обязательствами до их полного исполнения без возможности отказа, так и само смертельное обещание ничего хорошего никогда не сулило. Несмотря на весь свой многолетний опыт, несмотря на его осторожность при ведении любых переговоров, шляпник и предположить

³⁶ Иерархия степеней ответственности легальных деловых операций Гильдии Прибылей и Перспектив торгового города Рутина.

не мог, чем обернётся для него разговор с этим долговязым иноземцем.

«Неужели я стал так плох в договорных делах, что позволяю облапошить себя первому встречному проходимцу? В хорошем, конечно, цилиндре, но ведь проходимцу... О чём я думаю вместо того, чтобы слушать и продавать? Теряю хватку? Неужели мне, Хеддерсону, уже не удаётся следить за поведением собеседников, так как ранее?»

И ведь подобная оплошность произошла с ним уже второй раз за нынешнюю декаду, – с ужасом осознал он. – «Позавчера подвальный старик, сегодня этот негодяй. Ах да – ещё Ногс с его дурацкой дырой... Ну ладно, кто-то обязательно поплатится за свою злость в мой адрес... Эх, зря отправил Гена наверх – был бы свидетель принуждения... И вообще, надо начинать вводить мальчишку в дела клиентов. Пожалуй, он готов. И глаз у него цепкий, и за словом в суму не полезет. И считает вроде неплохо...»

Только тут Ашморк заметил, что губы нахала, сидящего напротив, двигаются в такт его мыслям, а значит тот набрался наглости и говорит ему что-то ещё.

– ... детали и некие неординарные функции. Сейчас я вам подробно расскажу. Думаю с вашей стороны будет правильно быть внимательным, точно меня понять и тщательно всё запомнить, не создавая излишних записей и, конечно, без привлечения лишних участников.

«Не ты тут будешь это решать», – холодно подумал Хеддерсон. – «Договор связывает нас обоих, и как уж мне действовать, я определю самостоятельно. А отказаться ты теперь не в силах. Смертельное обещание всегда взаимно!»

– Ге-ен. Спустись. – громко позвал шляпник, спокойно глядя в удивлённые глаза клиента. И, выслушивая

протесты во всех околосцензурных выражениях, выдержав длинную паузу, понадобившуюся подмастерью, чтобы присоединиться к нему, произнёс: – Вот теперь давайте начнём. И поподробнее, пожалуйста.

Фант негодуя замолчал. Он осознал, в какой узкий коридор загнал себя самого. А также то, что шляпник, судя по его решительному взгляду, обязательно собирается этим его положением пользоваться. Осмотрев с головы до ног удивлённого мальчишку, стоявшего напротив рядом с креслом и откровенно тарачившегося на него, Фант перевёл глаза на Ашморка и спросил:

– Необходимость участия третьего лица настолько велика?

– Несомненно. Заказ отнюдь не рядовой. – ответил тот.

– Ясно. Однако я напому, – Фант ещё раз решил надавить на шляпника – Вся ответственность неразглашения лежит на вас целиком.

– На нас с вами. – глазом не моргнув поправил его хозяин мастерской и довольно улыбнулся.

Фант поджал губы, прочистил горло и, уставившись на Ашморка, заговорил.

– Цилиндр требуется мне для особых деловых визитов. И должен быть снабжён некоторыми не вполне обыденными функциями. В нём должен быть ежедневник с точными напоминаниями, зарисовщик ближайшего и отдалённого окружения, распознаватель всего сущего и запоминатель всего происходящего. Для этого, – он бросил краткий взгляд на Гена, – В тулье должны быть сооружены отделения по размещению соответствующих квинков, а сам

головной убор не должен отличаться от имеющегося, дабы не смущать деловых партнёров по пустякам.

Фант замолк, оценивая произведённый эффект.

Шляпник задумчиво разглядывал журнальный столик, периодически устремляя глаза к потолку. Его сведённые брови при этом приподнимались вправо и вверх, и напоминали ступени густой волосатой лестницы. Он явно прикидывал стоимость предстоящей работы, будто бы ничуть не удивлённый ею самой.

Фант был поражён. У него закралась мысль, что его оригинальная идея вовсе не так оригинальна, а для шляпника подобные условия чуть ли не ежедневная обыденность. Однако спрашивать напрямую он не стал, зато мельком взглянул на мальчишку.

Подмастерье, стоявший рядом с креслом, глупо улыбался.

«А этот, видать, идиот. Впрочем, это, пожалуй, к лучшему», – подумал он.

С какими только идеями не приходили в мастерскую за её долгую шляпную историю, однако ничего подобного сегодняшнему запросу до сих пор не случалось.

Ашморк, осознавший, что придётся иметь дела с какими-то там квинками, да ещё наверняка с магией, которую он обычно старательно избегал, был поражён способностью долговязого гостя преподносить всё новые и новые сюрпризы. До этого дня о квинках-помощниках или каких-либо прочих квинках Ашморк знал лишь по неприличным анекдотам и сомнительным слухам, носившимся по рынку. Однако ни один из этих, весьма уважаемых горожанами, источников информации не давал

никаких сведений о том, кто они такие, какие они на самом деле, как с ними управляться и даже какого они размера. И уж точно никто и никогда не упоминал при нём о возможности заселения этих тварей на собственную голову путём встраивания их в головной убор. Внезапно оказалось, что выполнение обычного заказа, пусть даже несколько чудного, будет мучать шляпника большим количеством разнообразных хлопот.

Но самое важное в данный момент было то, что Ашморк не имел ни малейшего представления о стоимости подобных существ. И, значит, не мог назвать даже примерную цену готового изделия. А сейчас это имело решающее значение!

Мысли метались у него в голове с огромной скоростью, и, чтобы скрыть волнение и не выказать клиенту собственную квинковую некомпетентность, приходилось изо всех силы шевелить пальцами ног и закатывать глаза к потолку, изображая тщательные расчёты.

Наконец, досчитав до двадцати семи, уставившись в одну точку, плотно сжав губы и покивав головой он жестом велел Гену наклониться. Мальчишка, который совершенно не представлял, как можно выполнить подобный заказ, тоже старался не показать своего удивления, и в качестве защитной меры повесил на себя самую глупую улыбку, которую смог скривить. Склонившись к шляпнику, он, подыгрывая, изменился в лице, серьёзно нахмурившись.

— К Волкоду. Цену квинка. Мигом. — прошептал ему мастер прямо в ухо.

Смышлёный мальчишка кивнул и тут же выскочил за дверь.

– Они должны быть там все вместе или каждый по отдельности? – спросил Ашморк Фанта, когда за Геном захлопнулась дверь.

– Это не имеет значения. – ответил клиент. – Мне неизвестно, как их надо содержать, однако знающие люди говорят, что чем меньше эти твари общаются друг с другом, тем спокойнее их хозяину. Впрочем, места в цилиндре не так уж много.

И в качестве наживки добавил:

– Думаю, вам видней. Наверняка подобные обстоятельства ранее не становились для вас помехой.

– Мне потребуется ваш цилиндр. – сказал Ашморк, не обращая внимания на последнее высказывание. – И даже при наличии образца давайте снимем точные мерки.

Он поднялся и принёс от стола длинный кожаный ремешок с пронумерованными делениями и светло-коричневую форму заказа.

– Сидите прямо. – скомандовал шляпник.

Фант тем временем незаметно покосился на бланк, выискивая графы, предназначенные для описания магических функций головного убора и его необычных поселенцев. Ничего не разглядев, он застыл в ожидании процедуры.

Не торопясь, тщательно выполняя измерения, Ашморк заносил все данные в соответствующие поля формуляра. Когда пустых мест в бланке не осталось, а времени прошло совсем немного, он перевернул листок и начал дописывать что-то ещё. Когда и обратная сторона была практически заполнена, шляпник произнёс:

– Необходимо будет подождать, пока я занимаюсь расчётами вашего заказа. Посидите, почитайте журналы. Кофе вам не предлагаю.

Всё ещё удивлённый таким спокойствием Фант только кивнул в ответ и откинулся на спинку дивана.

Старательно изображая мыслительный процесс, мастер отошёл и согнулся над рабочим столом. Он изрисовал и исписал ещё четыре листка, до момента, когда вернулся запыхавшийся Ген. Как только тот показался в дверях, Ашморк прислонил палец к губам и поманил мальчишку к столу.

– Ну? – прошептал он в нетерпении. – Только цену. – добавил он, зная, что подмастерье начнёт рассказ с подробного описания дороги к волшебнику.

– Четыре золотых за штуку. – прошептал в ответ Ген.

– Ыхы... – промычал шляпник. – Прилично.

Он взял чистый листик и набросал несколько чисел. После произведённых расчётов вновь вернулся к заполненному бланку с размерами долговязого и проставил в нижних строчках вычисленные суммы.

– Мистер Фант! – довольным тягучим голосом объявил Ашморк. – Вот и всё.

Шляпник уселся обратно в кресло, положил формуляр перед собой и продолжил:

– Общая стоимость составит тридцать шесть золотых монет торгового города Рутины. – И пока челюсть клиента не придавила его колени, довольным тоном добавил: – С единоразовой оплатой всей стоимости заказа до начала его выполнения.

– Но это выходит за все рамки... – начал было Фант.

– Так там четыре квинка-профессионала.

– Но четыре – это не четырнадцать.
– Верно, но каждому надо создать отдельные условия для работы.

– Но даже если откинуть стоимость их самих...
– Останется изготовление такого же цилиндра.
– Но этот цилиндр у очень дорогого мастера обошёлся мне...

– ...ТОЧНО ТАКОГО же цилиндра.
– Но даже это не объясняет...
– Остальное наценка за участие в договоре смертельного обещания. Мы же договорились, что цену я назову после обсуждения деталей. Цена такова. Когда угодно расплатиться? Сегодня или в ближайшее время? Сами понимаете, начать подобный заказ без озвученной мной оплаты не представляется возможным.

Фант глядел на него ошарашенно. Теперь он погрузился в размышления о собственной способности вести подобные переговоры. Сумма была безусловно завышена, но отказ от рукопожатного договора смертельного обещания, да теперь ещё и при свидетеле, был совершенно невозможен. Забери пучина этого мелкого нахала!

Больше Фант колебаться не стал:

– Жду вас завтра в обеденное время в постоялом пансионе «Роша Десне». У вас пять дней.

– Конечно. – согласился шляпник и добродушно улыбнулся. – С завтрашнего обеда у нас пять дней. Как только оплату получим.

Фант скрипнул зубами, поднялся, взял трость, бросил на шляпника тяжёлый испепеляющий многозначительный взгляд и молча вышел. Ашморк, поднявшийся с кресла в вежливом провожающем жесте, выдохнул и рухнул обратно.

Невероятности

Ген проводил взглядом уходящего в надпортовую сторону долговязого клиента и развалился на диванчике. Тишина захватила мастерскую целиком.

Глава 5. Чёрный рынок

Ашморк Хеддерсон спешно спускался по широкой каменной лестнице. Подозрительно оглядываясь, он торопился к орко-рикше, внутренне радуясь, что там его ожидают два нанятых для сопровождения Страха.

Даже не вставши с кресла при появлении Ашморка, мистер Фант сидел закинув ногу на ногу, очевидно указывая вошедшему на разный уровень их социального и делового положения. Но не это тревожило шляпника – расплачиваясь, заказчик, пристально глядя в его глаза, отсчитывал золотые монеты резко и равномерно стуча по столу каждой из них. Обретённая накануне уверенность стремительно покидала мастера. Не смея отвести взгляд от неестественно пронзительных студенисто-серых глаз, с каждым ударом он всё больше и больше погружался в ужасающее осознание чудовищной зависимости собственной жизни от своего глупого и необдуманного решения, принятого недавно³⁷. С последним тридцать шестым ударом Ашморк опустил глаза на лакированную столешницу, где одинаково лежащие волнистые золотые кружочки составляли идеально ровный квадрат шесть на шесть. «Словно ранний утренний бриз гонит золотую волну из угла в угол судьбы... Ведь он и не моргнул, а как всё точно...» – ошарашенно подумал шляпник.

Фант взял небольшую паузу, давая ему насладиться золотым зрелищем, после чего положил между монетами

³⁷ Череды решений, если быть точным. Впрочем, можно было бы, конечно, во всём винить соседа с его глупыми интерьерными причудами, но в тот момент Ашморку это просто не пришло в голову. А жаль – было бы куда проще винить другого вместо себя любимого.

свою трость, отделив от квадрата одну треть. Ашморк поднял глаза и уставился на клиента.

– Я несколько подстрахую мои инвестиции.

– Мы же говорили о полной предоплате.

– По моим данным, заложенные вами расходы покроются авансируемой суммой. – с улыбкой ответил Фан. – Более чем.

– Интересно было бы взглянуть на ваши данные. – нахмурясь, парировал Ашморк.

– Быть может позже, при окончательном расчёте, мы захотим сравнить наши теории. – ещё шире улыбнулся Фант.

«Издевается», – подумал Ашморк. – «И испытывает, конечно».

Долговязый протянул ему бархатный чёрный мешочек, ловко подцепив его со стола металлическим ногтем на безымянном пальце левой руки.

«Проницательного»³⁸ вчера у него не было...» – подумал Ашморк. – «Клиент подготовился».

Он посмотрел на оставшиеся на столе монеты. Шляпник знал, что даже с подобным авансом он ничего не проигрывал, но всё же это было несправедливо.

«Это нечестно началось.» – напомнил он себе, – «Почему это должно честно продолжиться?»

Вновь подняв глаза на протянутый ему мешочек для монет, Ашморк похолодел, инстинктивно стянув его за золотистую бечёвку с зеркально-блестящего ногтя-лезвия.

³⁸ Короткий тонкий закруглённый раскладной нож, надеваемый на средний или безымянный палец. Придуманный карманниками, он давно стал символом тёмной стороны делового мира Рутини. Откровенная демонстрация Проницательного всегда выражает явную, ничем неприкрытую угрозу.

Сглотнув и уже не поднимая взгляда, он стрёб монеты и молча покинул дорогие покои.

– Он и вправду заплатил вам тридцать шесть золотых? – с неподдельным удивлением спросил ожидавший внутри повозки Ген. Его широко раскрытые глаза смотрели на дядю с нескрываемым восхищением.

– Почти. – недовольно ответил шляпник. Несмотря на всю сложность ситуации с долгом, несмотря на возможность безвозвратно потерять семейную реликвию, он предпочёл бы не иметь дело с подобным клиентом, и конечно же не брать заказ с непонятными магическими элементами.

– На Сомнительную, – бросил он орку. – Примерно пятый дом³⁹. – и опрокинулся в подушки от резкого рывка рикши.

Страхи быстро и спокойно скользнули следом.

Смотреть вперёд было невозможно из-за сильного потока набегающего ветра, кроме того, всё мелькало с такой быстротой, что взгляд попросту не фокусировался. Поэтому несмотря на высокую скорость рикши и периодические заваливания на бок на поворотах, Ген вскарабкался коленями на диванчик и высунулся в заднее окошко.

За рикшей слева и справа на полном ходу следовали два Страха. Из-под колёс поднималась коричневая дорожная пыль, поэтому сзади ничего не было видно. Однако по бокам глаза успевали выхватывать перепуганных прохожих, судорожно уступавших дорогу скоростному транспорту. Замеченные им дети с интересом таращились на Страхов и

³⁹ На Сомнительной улице всё было сомнительно: в нумерации домов никто никогда не был уверен, собаки лаяли неуверенно, и ходили там одни сомнительные типы, вроде бы неуверенной походкой...

что-то громко кричали, тыкая пальцами в их сторону. Ген был в восторге!

Примерно у пятого дома на Сомнительной улице мрачный помятый шляпник и весьма довольный жизнью подмастерье выбрались из орко-рикши, чтобы определиться с самой главной составляющей предстоящего заказа.

На месте дома волшебника Волкода никакого дома не было. И уж совершенно точно не было дома волшебника Волкода. Ген был ошарашен – только вчера он бегал сюда и дом стоял на этом самом месте. Именно на том месте, где сейчас громоздился чёрный покосившийся забор, косые гнилые ворота и обугленный остов сруба какой-то мелкой избушки. «Даже при всём желании белокаменный дом с фаянсовыми наличниками не смог бы обгореть до такого состояния», – подумал Ген.

Однако Ашморк, привыкший к фокусам старого приятеля и знавший сомнительные обычаи местных жителей, уверенно направился к болтавшейся на одной петле калитке. Толкнув хлипкую створку, он как будто погрузился в тёмно-серый кисель и сразу же пропал из виду.

Ген, осознавший, что имеет дело с отводящей магией, о которой читал в «Популярном волшебнике⁴⁰», ринулся за ним.

Очутившись в тёмной комнатке, набитой старыми тележными колёсами, каменными молотками, резными арбалетами всех размеров и развешанными по стенам увесистыми гномскими топорами, Ген несколько растерялся

⁴⁰ Периодический листок для желающих знать, когда бояться, а когда восхищаться волшебниками, издаваемый при поддержке Городского Магического Сообщества.

и огляделся. Единственный незанятый оружием участок напротив так выделялся, что его невозможно было не заметить. Пройдя сквозь стену, он наконец-то ввалился в знакомую ему гостиную, где и настиг шляпника, который мрачно стоял перед ещё более мрачным чародеем:

– ... ко мне своих рукостроев. Будь они неладны. – Ген выхватил самый конец эмоциональной тирады.

– Пришлось снова дом перепрыгивать. – вздохнув, продолжил Волкод. – Так ведь за калитку сунулись. Однако хоть и любопытные, но глупые и жадные – как обычно. Дальше подарочной комнаты пройти так и не могут. Жаль конечно, что теперь придётся какое-то время с таким фасадом работать – не ведьма же я какая-то на пепелище клиентов водить. Причитается с тебя, Аш. Причитается...

– Так сам по клиентам пройдишь – поди заказов не меньше случится. – неуверенно посоветовал шляпник.

– Сам пройдишь – едко передразнил его Волкод. – Что-то ты не двинулся по клиентам от своего облезлого сарая. – и совсем издевательским тоном добавил: – Даже денег занял, чтобы облицовочку переменить...

– Мне жаль, что они и сюда припёрлись. – извиняющимся тоном проговорил Ашморк. – Ведь чуть-чуть подвинули-то...

– А мне это чуть-чуть вот таким фасадом нарисовалось. – обречённо промолвил Волкод. И встряхнув бородой вдруг опомнился: – А сюда-то тебя что принесло?

– Так ведь я на цилиндр необычный заказ принял. Хороший. У тебя про квинков уточнить пришёл. Где их по четыре золотых берут? И как определить, какой на что излажен?

Ещё на середине первого вопроса Волкод крайне удивлённо посмотрел Ашморку прямо в глаза. Шляпник замолчал, пару мгновений смотрел в изумлённые глаза волшебника и перевёл вопросительный взгляд на Гена. Тот, в свою очередь округлив глаза до размера золотой монеты, ошеломлённо уставился на чародея.

Некоторое время Тишина резвилась в полном одиночестве...

Волкод прервал её громким хохотом, а мастер и подмастерье уставились на него в полном недоумении.

– Так мальчишка у тебя быстрее любого квинка... – писклявым смехом заливался волшебник. – Рот откроешь его и след простыл... А... ха-ха-ха...

Теперь уже вконец раздражённый шляпник повернулся к подмастерью, и тот почувствовал себя продырявленным. Гену ничего не оставалось, как скорчить удивлённую гримасу и развести руками, предусмотрительно почти полностью втянув голову в плечи.

Волкод тем временем немного поуспокоился и сквозь смех пояснил:

– Прибегает этот твой заяц вчера и с порога: «Квинки для шляпы сколько стоят?» спрашивает – ни «здрате», ни «приветствую Вас уважаемый». Я, естественно, не отвлекаясь и не оборачиваясь – занят же, как обычно, – отвечаю ему, что «по четыре золотых покупают розового мелкого необразованного экземпляра, дрессируют его, что не быстро, а порой и опасно. И везут потом в Рутину только лишь усмирённых и экзаменованных, сертифицируют в ОКС ГМС⁴¹

⁴¹ ОКС ГМС – Отдел Квинковой Сертификации Городского Магического Сообщества

и там же выставляют на годовые аукционные торги, как раз прошедшие три декады назад. Там, по двадцать-тридцать золотых в зависимости от назначенной способности те квинки разлетаются как горячие пироги с телячьим жиром. Так о каком назначении ты хотел узнать?» и поворачиваюсь к двери, а его и след простыл. На каком моменте твой мальчишка слинял, не знаю, но, судя по вашему виду, до конца он точно не дослушал.

Ашморк, шокированный открывшимися подробностями, медленно и обречённо опустился на стоящий рядом со стеной табурет.

Ген, осознавший, в какую ситуацию он вогнал своего дядю, был готов провалиться сквозь гладкие доски белёсого волшебнического пола.

Тишина снова обратила на себя всё внимание. И её снова беспардонно прервал волшебник:

– Если я правильно понимаю, расчёты затрат по заказу оказались несколько занижены? – весело обратился он к шляпнику.

Тот молчал, уставившись в одну точку. Ген, вспотевший, переминающийся с ноги на ногу, выдавил:

– Занижены.

– Ну, друзья мои, такое бывает. Заработаете на следующем заказе. Верните аванс, извинитесь, скажите, что время никак не позволяет. И всё будет хорошо!

– У нас... э... у дяди договор смертельного обещания. – почти прошептал мальчишка.

Волкод удивлённо-непонимающе уставился на Гена. Потом перебросил взгляд на сидящего мастера:

– На шляпу? Хеддерсон? Ты из ума выжил? А ты где был? – снова обратился он к Гену. – Куда смотрел? Сумасшествие приходит незаметно!

– Тот джентльмен сам на него накинудся и руку, говорит, не отпускал...

– А ты чего? Кочергой его надо было. Ты кочерги ни разу в руках не держал?

– Они это без меня...

– И это тоже без тебя, и про квинков я рассказывал без тебя, кочерга-то видимо по тебе залежалась...

Ашморк, белый словно сосед-гробовщик, молча сидел на табурете и, поскольку никто вокруг не предлагал взаймы сотню золотых монет, прикидывал, какие дела ему надо успеть завершить до наступления момента истинного позора и неминуемой кончины.

– Всё? – Волкод вырвал его из витиеватых размышлений. – Похоронил себя? Безумец! Слушай вот о чём. – Ашморк поднял уставшие глаза, а Ген, казалось, целиком превратился в гигантские уши.

– Слышал ли ты про Чёрный Рынок?

– Байки же это вроде бы. Рассказни. – начал было Ашморк, но, глядя в серьёзные глаза волшебника, тут же осёкся.

– Всем известно, что он есть, но никто о нём не помнит. А те, кто помнят, в него не верят. И всем от этого хорошо. А многим – так просто жизненно необходимо... – таинственно проговорил Волкод.

Ашморк, уловивший свет в конце норы, в которую его затягивали обстоятельства, развернулся к другу и, оперевшись руками на колени, внимательно его слушал.

— Сертификацию проходят далеко не все квинки. Ещё больше тех, кого на сертификацию и не отправляли вовсе. Бракованный товар так сказать. Однако! — он жестом показал начавшему было возражать шляпнику, что необходимо терпение. — Однако, многие из этих недоделашей вполне годны к исполнению своих назначений. Просто по каким-либо причинам их не решились отдавать в ГМС. Ведь надо напомнить, что не прошедшие сертификацию квинки подлежат распылению, дабы не портить породу и не мешать годовому аукциону. Вот и отбраковывают их воспитатели заранее, чтобы сбыть на сторону или в другой город отправить. Так вот эта часть на Чёрном рынке и задерживается. При том, что проводился аукцион совсем недавно, именно на Чёрном рынке вы наверняка сможете подобрать себе подходящие экземпляры.

Волкод умолк, наслаждаясь произведённым впечатлением — не каждый день удаётся вернуть к жизни кого-нибудь десятком-другим предложений.

— Где? — только и смог произнести шляпник.

— А вот это несколько сложнее. Чёрный Рынок на то и чёрный, чтоб быть покрытым завесой тайны. Рановато сейчас конечно, однако пока доберёмся... Ты сюда на чём?

— На орке.

— Очень хорошо. Со Страхами?

— Со Страхами.

— Очень правильно. Деньги при тебе?

— При мне.

— Замечательно. Карманов же много? Разложены?

— Конечно.

— Вот! Узнаю прагматичного друга. Поедем.

Волкод, встряхнув рукавами, схватил длинный посох, самостоятельно стоявший всё это время рядом с ним, и ринулся к двери.

– Ах, ну да, малой, дуй вперёд. Разведай там отсутствие широкоплечих представителей низкого общества.

Ген, обрадованный куда больше, чем его дядя, с готовностью ринулся вперёд. Через весьма короткое время его голова просунулась в дверной проём и произнесла:

– Никого.

– Скороспел. – недовольно пробормотал Волкод. – По сторонам-то глянул?

– Ага. – слышалось уже из-за двери.

Махнув посохом, волшебник погрузил себя в туманный кокон, из которого тут же вышла препротивная тощая ведьма с загнутым на бок носом.

– Поехали. У меня туда абонемент. – прошамкала она и заковыляла к двери, подпирая своё длинное тело сучковатой клюкой.

В том, что Чёрный тупик называется так из-за оттенка совершаемых в нём делишек, Ашморк не сомневался ни разу. Однако то, что название имеет столь прямое отношение к самой тёмной стороне Рутины, он совершенно не догадывался.

С орком он расплатился заранее. Страхов тоже отпустили. Как сказал Волкод, «только самоубийца станет нарушать установленный порядок Чёрного тупика».

Гена, хоть тот и сопротивлялся, высадили у Рыночной площади, поскольку на Чёрный рынок незрелым юношам был разрешён только вход.

К остановившейся в тупике рикше через некоторое время впритирку медленно подкатилась чёрная закрытая со всех сторон повозка, запряжённая ничем не примечательной лошадкой. Дверь сбоку отворилась сама собой. Волшебник, вернувший себе собственное обличье, пригнувшись, перешагнул туда и скрылся в из виду. Ашморк, полностью доверившись другу, последовал за ним.

Шляпник пришёл в себя, когда повозка остановилась. В полной темноте он первым делом обшарил себя – всё, как ему показалось, было на месте. Жилетка, как и прежде давила на плечи весом упакованного в неё золота.

– Волкод... – позвал он тихо.

– Угу. – отозвался тот утвердительно. – Там на подушках рядом с тобой чёрный балахон. Одень, завяжи и ни при каких обстоятельствах не распахивай. Лицо будет полностью скрыто капюшоном. Так и должно быть – ни ты никого не должен узнавать, ни тебя никто не должен узнать! Помни – никого и никто! Иначе останешься служить этому месту навсегда.

Подождав, пока шляпник перестанет копаться, он спросил:

– Готов? – и, услышав утвердительный ответ, открыл дверцу повозки. – От меня ни ногой.

«Светлее не стало», – подумал Ашморк, спускаясь со ступеньки.

Темнота необъятно расширилась и обдала их влажным холодом. Впереди вдалеке мерцало слабое свечное пламя, рождая прозрачные волнующиеся тени. Безо всяких звуков повозка за их спинами тронулась и сразу же скрылась в темноте. Волкод двинулся в сторону свечи, и шляпник,

боясь отстать в этой абсолютно тихой темноте, поспешил за ним. Когда они подошли, пламя высветило толстого невысокого орка в шлеме наподобие горшка. Узкие щёлки глаз светились тусклым жёлтым светом. Не обращая на них никакого внимания, низким хриплым голосом он промямлил заученную тираду:

– Вас тут не знают и вы никого не знаете. Вас ни о чём не спрашивают и вы ни о чём не спрашиваете. Вы ни кого не видите и вас никто не видит. Вы ничего не приносите и ничего не уносите. Всё, что окажется у вас после выхода – ваше и было вашим всегда. Все законы, о которых вы слышали ранее, только слова. Все законы, о которых вы узнали сейчас, призваны уберечь ваши жизни. Заходите на Чёрный рынок – и никакого иного выбора у вас нет.

С последними словами орк потянул за бечёвку, свисавшую откуда-то сверху. Звякнул глухой колокольчик, раздался негромкий скрежет, и часть каменной стены приоткрылась узкой тёмной щелью, позволяя им протиснуться внутрь.

Ашморк не строил догадок о том, как может выглядеть Чёрный Рынок. Но то, что он действительно окажется чёрным во всех смыслах, как то не приходило ему в голову.

Уже на входе было понятно, что они находятся в большой вместительной пещере. Только вот размеров её из-за темноты никак нельзя было определить. Протиснувшись сквозь узкий створ каменной двери вслед за Волкодом, шляпник с любопытством выглянул из-за его плеча.

Внизу, в необъятной по величине темноте, на сколько хватало глаз, мерцала сеть неровных линий. Будто янтарные

соты или светящуюся паутину расстелили по дну иссохшего подземного моря. Линии были неровны и местами прерывались. Но чаще они окаймляли неправильные чёрные многоугольники. Здесь тоже было очень тихо. Лишь два факела справа слегка шипели, съедаемые спокойным и оттого как-бы демонстративно ненасытным пламенем. Между ними спускалась каменными ступенями добротная лестница, высеченная прямо в скале.

– От меня ни ногой. – предупредил ещё раз волшебник.

– Ни ногой... – в зачарованной задумчивости повторил шляпник.

Узкие мостки, поперёк выложенные толстой чёрной доской, были приподняты над каменным полом на высоту среднего колена. Под мостками местные торговцы расставляли клетки с ледяными горными саламандрами⁴², что и обеспечивало свечение дорожек сквозь щели, оставленные между досками. Так красиво смотревшиеся сверху, вблизи они выглядели грязно и совершенно ненадёжно – при ходьбе мостки заметно шатались, кое-где не было досок, а от стоящих повсюду клеток жутко воняло.

Постоянно оглядываясь, любопытно озираясь по сторонам, боясь оступиться, а ещё сильнее боясь потеряться,

⁴² Ледяные горные саламандры или, как их называют жители ледяных гор, лягоды, помимо своей чудовищной нечистоплотности, известны своей способностью накапливать тепло в течение нескольких тёплых декад, чтобы залегая в продолжительную спячку под слоем наползающего льда постепенно согревать себя и своё потомство. Если же лягоде не удаётся уснуть из-за отсутствия льда вокруг неё, то она начинает тускло светиться, постепенно выпуская накопленное тепло. Хорошо заряженные молодые лягоды способны светиться десять и более декад.

Ашморк шёл прямо по пятам волшебника, правой рукой незаметно ухватившись за его балдахин. Волкод был здесь явно не впервые. Он без колебаний направлялся по мосткам в нужную им сторону, по пути отнекиваясь от шёпота оживлённо предлагающих им свой разнообразный товар таких же бесформенных фигур в чёрных халатах с капюшонами. Руки (кое-где копыта или щупальца) преграждали путь их ногам в стремлении привлечь и остановить, однако никто ни разу не попытался ухватиться за подол.

«Если бы мы шли с ними на одном уровне, то мы бы уже не шли», – подумал шляпник.

Происходящее вокруг него поражало ещё и тем, что никак не нарушало тишину. Это, конечно, была не та Мёртвая Тишина, о которой можно только мечтать (даже страшась её наступления), но всё же Почти Тишина! Шептания всех этих торговцев, тонушие в складках одежды и бесконечной чёрной высоте, не нарушали общего спокойствия, царившего над рынком. Лишь там, где в настоящий момент шла активная торговля, можно было услышать негромкие голоса.

Пока они целеустремлённо⁴³-неуверенным⁴⁴ шагом двигались куда-то вглубь-вправо, Ашморк вслушивался в шёпот, высматривая что-нибудь похожее на квинков. С охотничьим любопытством он пытался разглядывать в темноте предлагаемые товары. И хотя контраст подсвеченной снизу дорожки не давал различить большинства предложений, слух и отдельные фонари, выставленные торговцами, позволяли ему получить

⁴³ Волшебника

⁴⁴ Шляпника

некоторое представление о местном ассортименте. Во многих местах стопками лежали толстые закованные цепями тома по чёрной и прочей, запрещённой в привычном обществе, магии. Повсюду стояли большие котлы, котлы поменьше, горшки, горшочки и склянки. В некоторых что-то светилось, некоторые были запечатаны воском и рунами, а некоторые, как и книги, были обмотаны толстыми цепями. Впрочем, даже это не всегда удерживало их содержимое внутри – пузырящиеся подтёки, писк из под крышек и мелкая глиняная дрожь отбивали всякое желание заглядывать внутрь.

Здесь продавали прорву всего магического, о чём нормальный шляпник и подумать бы не смог. Из увиденного ему сильнее всего запомнились большая прозрачная бутыл с глазами разного размера. Пока они с Волкодом проходили мимо, глаза, по понятным причинам не мигая, таращились на них, провожая взглядом слева-направо. Жутковатое зрелище заставило Ашморка оглянуться – белые, с красными подтёками и разноцветными сузившимися зрачками шарики продолжали бессердечно глазеть им вслед. Внутренне содрогнувшись, он поспешил за своим спутником.

Волкод обернулся, проходя мимо деревянной кибитки, у которой вместо стен во всю высоту были длинные полки. На них вперемешку безо всякого порядка громоздились грубо тканые мешки, склянки, чугулки, пучки трав, разнообразные засушенные чучела и несколько толстых чёрных томов с торчащими закладками разных цветов и материалов.

– Имей ввиду – лучший ассортимент для запрещённой кулинарии. Я иногда балуюсь на досуге... – в его голосе зазвучали мечтательные нотки. – Когда время позволяет... и кухня починена. Если что, знай – понадобится

та самая летучая фасоль⁴⁵, найдёшь её только тут. Нигде больше нет.

Ашморк, припомнив их давнишние кружковские занятия, смущённо прыснул.

На одном из поворотов надпись на чьей-то натянутой шкуре сообщала: «Скупка-Продажа Всего не Нового». А ниже табличка выжженным шрифтом добавляла: «Нашёл свою украденную вещь – получай скидку (мы всё понимаем)». Пространство за рекламной конструкцией было завалено горой вещей, различить которые в темноте не представлялось возможным. И в тот момент, когда шляпник переключил своё внимание на что-то другое, разборчивый сладковатый шёпот прямо в ухо донёс ему: «Твою любимую флейту, Аш, отдадим с ощутимой скидкой. Остановись».

⁴⁵ Летучая фасоль завозится в Рутину контрабандно-морским путём. Места произрастания этого семени держатся в строгом секрете. Входит в состав некоторых экзотических блюд запрещённой кухни, в эликсиры силы и молодости, зелья и снадобья. Основным эффектом летучей фасоли является летучесть её поедателя, как говорят, за счёт неких стремительных газов. Однако съедаемая доза должна быть строго определённой для каждого индивида. Известно, что поддерживая точную дозировку и периодичность приёма, можно продержаться в полёте многие часы. При переедании же образующиеся газы, прихватывая всё на своём пути, решительно покидают жадное тело через ближайшее доступное им естественное отверстие. Скорость и дальность полёта обладателя подобного эффекта различны, а вот лечение одинаково долгое, болезненное и безнадёжное. Совсем, конечно, плохо, если передозировка случилась, а ближайшего естественного отверстия нет...

В Рутине продажа, покупка и использование летучей фасоли запрещены под страхом лишения адреса – ни один серьёзный рутинец не желает, чтобы над его головой происходило что-то, что заставляет эту самую голову задирать – этак и цилиндр может опрокинуться.

Ноги несли его дальше, отпускать халат сопровождающего было нельзя, и Ашморк, ошарашенный услышанным, лишь оглянулся через плечо на высокую фигуру в таком же бесформенном балахоне, что и у всех остальных. Флейта из бордового орешника была подарена ему в раннем детстве и была его любимым предметом, напоминающем о ком-то важном и нежном. Она пропала однажды. Он всегда думал, что просто затерялась, как это происходит почти со всеми вещами с нашим взрослением. Ашморк попытался задать вопрос Волкоду, но тот лишь отмахнулся, торопливо шествуя вперёд:

– Никто тебя не узнаёт и ты никого не узнаёшь. Это здесь главное.

Не разбирая дальнейшей дороги, шляпник продолжил путь, погрузившись в собственные воспоминания, и очнулся лишь уткнувшись в спину волшебника, когда тот остановился напротив чёрной палатки, обставленной со всех сторон горшками различного вида и размера. На крышках большинства из них виднелись навесные замки, что очень позабавило Ашморка.

– Смотри, Вол, какой чудной горшечник. – прошептал он. – В нашей скобяной лавке такой товар обязательно по отдельности продавать станут – горшки отдельно, замки отдельно. Что, я думаю, куда как правильней. Это как шляпу в комплекте с ушами предлагать...

Удивлённый взгляд обернувшегося спутника заставил шляпника замолчать.

– Мы пришли. – сурово промолвил Волкод. – Что надо, выкладывай вон тому капюшону. Зачем они тебе – ни слова. И без имён. И торгуйся до последнего. И лучше

шёпотом – не надо, чтобы все вокруг знали, с чем мы отсюда уйдём. Вперёд.

Волшебник сделал приглашающий жест и, уступая место шляпнику, отступил дальше и добавил:

– С дорожки не сходи. Особенно без меня!

Кивнув, Ашморк обратился к тучной фигуре, сидевшей на одном из причудливых горшков:

– Уважаемый, – и отметив, что капюшон повернулся к нему, продолжил шёпотом. – Здесь у вас есть такие небольшие квинки? Такие, которых можно в шляпу спрятать?

Волкод крепко стиснул зубы.

– Каких надо финкаф хоросему? – тонким женским голосом ответила фигура.

– Квинков. – поправил её Ашморк и, показывая руками уточнил. – Таких вот. Маленьких.

– Финкаф котолые какие? – добродушный тонкий голосок словно издевался.

– КВИН-КОВ. – по слогам проговорил шляпник уже совсем не шёпотом. – Таких вот, маленьких. – он снова показал пальцами предполагаемый им размер помощников.

Волкод крепко сцепил свои руки за спиной.

– Да! Хоросый вы нас! Финки будут маленькие. Какие Хоросэму надо?

Ашморк открыл было рот, чтобы всем вокруг дать понять, что глупая торговка горшками на замках, очевидно, ничего не понимает, как вдруг, получив хорошего тумака в спину, сообразил, что требуется ответить уважаемой представительнице подпольного делового сословия.

– Ежедельщик, рисовщик, распознавщик и запоминовщик. – прикрыв рот ладонью, заговорщицки сообщил он, перековеркав умения квинков.

– Угу. – довольно пропела мадам торговщица. Завертевшись на месте, она схватила два небольших горшка и выставила их на дорожку. Чуть поразмыслив, видимо, вспоминая, она переставила с места на место ещё несколько горшочков, и с самого низа извлекла сначала третий, а затем и четвёртый горшки.

Шляпник присел перед четырьмя чёрными чеплашками. Все крышки были плотно закрыты, а на петлях болтались небольшие замочки. По бокам горшки огибали мелкие надписи, часть из которых сообщила шляпнику, что сдерживающие чары, наложенные на эту посудину, призваны уберечь владельца от вероятно возможных потерь.

– А можно на них посмотреть? Ну, перед покупкой. – Ашморк как можно серьёзней посмотрел в темноту торгового капюшона.

– Сетырнасать золотых мунет Рутины. – радостно сообщила фигура.

– Так тут действительно отличная цена! – с радостной улыбкой прошептал шляпник волшебнику. Тот неподвижно возвышался по левую руку и недовольно хмурил брови под капюшоном.

Усомнившись своей удаче, Ашморк решил уточнить:

– За всё?

– Са фсё? – удивлённо пискнула торговка. – Са один!

Он покачал головой:

– Двадцать за всё и по рукам?

– Двасать са всё? Нет-нет. Сорокдыва.

– Двадцать за всё. Как большому клиенту!

– Двасать са всё? Засем сэлых сетыре финка бульсому клиенту?

– Пойми, – начал Ашморк, – Я мастер по изготовлению шля... Ах, больно же.

Волкод, пнувший его в лодыжку, видимо, совершенно не раскаивался в содеянном, поскольку вместо извинений молча погрозил шляпнику кулаком.

– Не важно, в общем. Двадцать за всё. – обиженно пробубнил Ашморк потирая болящую ногу.

– Нет-нет-нет. Ну солокопять. Ну и по рукам?

– Двадцать. Во... дружище, отличная цена? – издевательски спросил он, в голос обратившись к Волкоду.

– Конечно. – холодным тоном ответил тот.

– Двасать са всё? Не-не. – скороговоркой лепетала торговка. – Мимо проходи горосанин. Тлисатьвосем. Куда как ни сло...

– Двадцать за всё. Пойдём, мой друг, в тот навес у центрального входа, где нам обещали в таких же горшочках за двадцать четыре. – Ашморк разогнул колени.

– Нету навеса у сентральново хода. Ну пусть двасатьдевит.

– Точно. Не у центрального. Но за двадцать. Пойдём Во... дружище.

– Двасатьсетыре за всё. Ладно-ладно. – скрипнула торговка и протянула в их сторону пустой туюсок.

– Постой. – остановил уже начавшего доставать монеты Ашморка Волкод. – В чаросумку их всех пересади. Не натаскаешься этих тяжестей, а нам ещё в пять мест.

– Вместе всех сетверых? – тонко воскликнул капюшончик.

– Да. Им попривыкнуться надо. Мы в курсе дел. Упаковывай.

– Ладно-ладно. – удивлённо ответила фигура.

Что-то бормоча себе в капюшон про опасность, тесноту и глупость, торговка достала из под настила дорожки светло-коричневую кожаную торбу. Распустив узел на толстом красном шнуре, она обеими руками полностью растянула обшитые края в стороны.

– Не суметь! – предупредил её капюшон.

По одному она брала горшки с деревянного настила дорожки, хитрым движением снимала замок, шепча что-то, снимала крышку и перекладывала маленькие спящие тельца в глубь торбы на твёрдое кожаное дно.

Ашморк впервые увидел представителя этого подсобного племени. Несоизмеримость их пропорций бросалась в глаза: большие головы на худом хлипком тельце, большие ладони с длинными пальцами на тоненьких ручках и большие морщинистые ступни на тощих ногах.

– Они нормальные? – спросил он Волкода. – Малахольные какие-то. Не подохнут?

Волшебник закатил глаза и удостоил спутника лишь растянутым «Ууугууу».

Наконец последний квинк был переложён в новую переноску. Крепко затянув шнурок, торговка завязала его простым саморазвязывающимся узлом. Поверх узла она обернула ярко-синюю ленту вышитую защитными метами и, будто бы совсем не торопясь, принялась заштопывать её светлой металлической нитью.

– Это чтобы не сбежали. – пояснил волшебник. – Так и надо.

Довольно быстро закончив, носительница капюшона снова протянула Ашморку туесок. Шляпник взглянул на Волкода, и тот уставшим голосом напомнил:

– Оплату просит. – и добавил. – Здесь из рук в руки стараются ничего не передавать. Зараза всякая... Сам понимаешь. Ну и чтобы грязными деньгами не испачкаться.

– А! – Ашморк бросился отсчитывать монеты, вытаскивая их из различных карманчиков своей жилетки.

– Сумка хороша, но сетыре вместе страшно! Са сумку добавить надо.

Доплата образовалась неожиданно, но торговаться было поздно. Шляпник отсчитал все монеты и по одной бросил их в жадный туесок.

Внимательно проследив за тем, как золотые падают в деревянную посудинку, торговка достала из горшочков небольшие квадратики ткани. На каждом было что-то вышито, но прочесть Ашморк не успел. Скомкав и впихнув ему в ладонь все четыре платочка, она прошептала:

– Пости не сытые узэ. Сразу надо рассадить по одиноське и плотно кормить. Муного. Пока совсем не откасутся.

– Кормить? – удивлённо переспросил шляпник почему-то у своего спутника.

Тот утвердительно покачал головой, а торговка, потянув Ашморка за рукав, перейдя на низкий тон, тщательно проговорила по слогам:

– Му-но-го! Мунооого кормить.

Слегка ошеломлённый от такого напора покупатель лишь потряс головой. Сунув вышитые кусочки ткани в карман жилетки под балахоном, он предпочёл поскорее покинуть место сделки, направившись в обратном направлении. Сумка, будучи небольшой, но тяжёлой, скучала, и, ища компанию, билась о его лодыжки, болтаясь на

Невероятности

пришитом к ней длинном широком ремне, который он, Ашморк, крепко сжимал в левой руке.

Слегка поклонившись владелице палатки, Волкод отправился следом.

Глава 6. Пропажа

Арка Вот стояла, облокотившись на деревянную подпорку фруктовой лавки. День только начался, а она чувствовала такой голод, будто бы не ела целую декаду, что, конечно, было не так. Совсем ничего она не ела только со вчерашнего обеда, когда умыкнула надкусанную слойку, оказавшуюся жирным, противным, холодным пирогом. Оттого утреннее настроение её было голодным. Уже несколько минут она пыталась незаметно увести самое большое блестящее красное яблоко из плетёной пузатой корзины. Торговка, с товаром которой Арка «сотрудничала» вот уже несколько лет, не спускала с воровки прищуренных глаз, а её натруженная рука привычно лежала на рукояти увесистой чугунной кочерги. От этого задача становилась ещё пикантней и увлекательней.

Мелкая негодяйка Азабелла Аркадия Бамбарбия Во Трипс, именуемая на улицах Рутины Аркой Вот, давно держала в напряжённом тоне всю Рыночную площадь. Пока она прогуливалась между торговых рядов, её пристально сопровождали десятки глаз, а бизнес был практически парализован – никто не хотел лишаться даже самой малой части собственного, дорогого сердцу, имущества. Избавиться от неё не переходя насильственную черту тоже не представлялось возможным, поскольку не пойманная ни разу, Арка Вот не числилась в списке нонгратных персон, вывешиваемом на главной рыночной доске, а значит перед цензурным законом она была абсолютно чиста. И тем не менее её слава играла против неё самой – работать под пристальным наблюдением было практически невозможно, поэтому чаще всего Арка обходила Рыночную площадь

стороной, лишь изредка совершая здесь демонстративный променад, чтобы абсолютно безнаказанно досадить этой рыночной братии одним только своим появлением, лишая их возможности продавать в угоду собственной выгоде.

Когда грозная торговка в очередной раз двинулась в ответ на подобравшуюся ближе чем следовало Арку, та сразу отдёргнула руку, мило улыбнувшись своей сопернице.

Поняв, что сегодня ей здесь нечего ловить, Арка уже было собиралась попробовать удачу в другом месте, когда её внимание привлёк диалог двух давно потерявших свою молодость тёток.

– ...И вот вы представляете, иду я потом обратно, а дом-то словно новёхонький! – во весь свой пискляво-хрипящий голос ворчала тётка постарше (вообще-то совсем старушенция). – Чистый и не покосившийся, в окнах стёкла все прозрачные, как непонашенские. И вот я думаю, где-то же он столько деньжищ отхапал, что дом больше прежнего выстроил?

– Так мастер всё же... – заметила вторая. – Накопил может...

– Накопил? – передразнила старая пискля. – Да где вы видели, чтобы на шляпках так наживались? Впрочем, всё эти его расфуфыры дворцовские. Не удивлюсь, если в подполе он швей в цепях держит, а сам всё гусем прогуливается. Цепи-то ему конечно сосед его и ладит, наверняка, так сказать, по знакомству. А что не так если, так и второй соседка уверена не отказывает – гробов-то полным-полно – говорят и складик он себе подыскивает – тоже видно на удавленных подпольных швеях наживается. Банда – как есть! А этот-то, главарь-то, то с чемоданчиком, то с саквояжиком. Шляпки

телегами вывозят, а деньги он наверняка сумками теми и таскает!..

Арка Вот замерла в стойке охотничьей собаки. Мимо такой информации ни один уважающий себя рутинец соответствующей профессии никогда не пройдёт, а она себя, конечно, очень уважала и небезосновательно считала известной горожанкой (в узких торговых рядах). Бочком-бочком, стараясь подвинуться поближе к незамечавшим окружающих тёткам, она запоминала любую услышанную информацию в самых мельчайших подробностях.

Однако профессионализм настоящего рыночного вора не в том, чтобы уметь сосредоточиться на выбранной им цели, а в том, чтобы, сосредоточась на этой самой цели, не упускать из внимания всю остальную окружающую среду – смотреть на себя в ситуации сверху, мгновенно реагируя на внешние факторы. Именно это умение и позволило опытной воровке краем глаза заметить мелкого пакостливого Лага с Помоечного тупика, который хоть и был в два раза⁴⁶ меньше самой Арки, однако уши имел необычайно вытянутые, очевидно имея на своём генеалогическом дереве пару эльфийских веток. И вот сейчас эти уши ей особенно не понравились, так как были направлены чётко в сторону болтающей парочки.

Тем временам разговор, в котором нельзя было упустить и словечка, продолжался, и Арка не могла

⁴⁶ Что такое, как правильно говорить и как правильно писать «в два раза» Арка знала исключительно потому, что в возрасте пяти лет открыла для себя, что не все люди делятся на торговцев и воров, и, решив узнать, откуда у остальных берутся деньги, помимо прочего открыла для себя арифметику.

сдвинуться с места, хотя наличие конкурента её определённо не радовало. В тот момент, когда она вновь переключила своё основное внимание на пожилых болтушек, вторая собеседница, молчавшая большую часть времени, завистливо спросила, покачивая головой:

– Так ведь вы правы должно быть. Вот откуда у него столько? Шляпками-то действительно так много не нашёшь...

– Вот-вот, – поддакнула первая. – И наверняка чем-то ещё приторговывает. И уж я конечно доподлинно не могу сказать, но сами понимаете где! – и шёпотом на весь ряд добавила: – На чёрном рынке, конечно!

Они, причмокивая, с осуждением синхронно покачали головами.

– А ещё этот его сорванец-подмастерье! Знаете его? Я когда там мимо проходила, он мне ни с того ни с сего нахамил! Вы можете себе представить?

– Небось решил, что на домище ихний вы не так посмотрели.

– Именно так как надо и посмотрела! Ух, попадись он мне под горячую руку, я бы ему так уши надрала! Ведь никакого уважения к старшим!

– А как его зовут-то хоть? – спросила вторая.

– Да Геном его кличут. Дружок внучка́ моего непутёвого. – презрительно отозвалась первая.

И вот в этот самый момент кусочки пазла в голове прохиндейки встали на свои места⁴⁷. Тот же пазл моментально сложился и в голове её соперника.

Арка и Лаг одновременно уставились друг на друга. Оба понимали, что двоим на этой дороге добычи не хватит (не важен размер, главное – не делиться!), а значит, соперник должен быть устранён совершенно безжалостно. Улыбнувшись, и по-дружески подмигнув Лагу, сообразительная⁴⁸ Арка первой вскинула в его направлении руку и пронзительно закричала:

– ВООООР! ГЛЯДИТЕ НА НЕГО! ВОН, ЗА ПАЗУХОЙ У НЕГО!!!

И, мгновенно убравшись в напирющую толпу, Арка уже убегала подальше от площади, сжимая в руке большое блестящее яблоко.

Чуть позже, обыскивая уже не раз поколоченного Лага, стража с удивлением выяснила, что у известного воришки в карманах относительно пусто. Ну то есть нет ничего такого, что могло кому-то ещё кроме самого Лага понадобиться, что было весьма удивительно. Однако удивляться страже было не положено, и его всё равно решено было посадить в

⁴⁷ Здесь необходимо заметить, что в какой-то мере в торговом городе Рутиня друг друга знали все. Если кто-то не знал кого-то лично, то знал его дядю, или пасынка, или хозяина, или батрака... Словом, если кто-то не знал о ком-то, это не значит, что кто-то его не знает, кто-то просто не знает, что знает кого-то через кого-то. И уж это точно не означает, что тот, кого кто-то не знает, не знает этого кого-то! Если так случилось, что кто-то кого-то совершенно не знает, и тот, кого не знают, тоже не знает кого-то, то этого кого-то необходимо тщательно проверить – а точно ли он Рутинец? А может, он шпион засланный?

⁴⁸ Оттого до сих пор и не пойманная.

промоглый ящик⁴⁹ хотя бы до утра – для профилактики (впрочем, такого мудрёного слова они, конечно же, знать не могли).

– Вроде бы я рассказал тебе всё, что о них знаю. Остальное сам выясняй.

Волкод помолчал.

– Главное, голодом не держи. А лучше всего избавься от них побыстрее. Готовь шляпу, но без меня их в неё не сажай. – он поморщился. – За помощь я с тебя отдельно возьму – слишком уж хлопотно.

Ашморк кивнул. В тот же момент от резкой остановки повозки он сильно качнулся вперёд и чуть не кувыркнулся. Волшебник придержал его за плечо, вернув своему спутнику равновесие.

– Всё. Удачи. Ко мне пока не ходи – рукострои опять увяжутся. Я на днях к тебе сам загляну.

⁴⁹ Промоглым ящиком назывался ящик в котором было всегда промогло. Подвешенный на вертящуюся на невысоком шесте жердь, ящик сплетённый из гремячей лозы по воле ветра вращался одновременно вокруг своей оси и вокруг оси упомянутого шеста. Располагаясь на той стороне Рыночной площади, где Большая Базарная улица, ведущая от главных ворот Рутин, изгибаясь становится Главной Портовой улицей промоглый ящик ловил все основные ветра центрального континента и Правого моря. Стремительные кручения практически сразу уничтожали моральный и физический облик временного обитателя ящика. Надо также отметить, что даже не будучи включённым в число зарегистрированных пыточных устройств Рутин, промоглый ящик пользовался злобещей репутацией, и в него было запрещено сажать невинных более чем на сорок восемь часов. Впрочем, чаще всего этот срок был в два или четыре раза меньше, от того, что очередь на его использование не иссякала...

Ашморк, сосредоточенный на полученных в отношении квинков инструкциях, снова кивнул.

Когда шляпник и волшебник вышли из чёрного кэба на окраине Рыночной площади, уже почти стемнело. Тусклые жёлтые фонари, вереницей опоясывающие торговые ряды, расходились перед ними в разные стороны.

– Ещё раз удачи – коротко напутствовал его Волкод. – Помни, нас там не было.

Он плотно закутался в плащ и направился в сторону порта.

Было поздно, и вымотанный переживаниями шляпник решил отправиться в сторону Бурой улицы напрямую через Рыночную площадь. Открытые торговые ряды уже пустовали и только некоторые крытые палатки ещё принимали у себя посетителей. Ему давненько не доводилось бывать на рынке вечером, и теперь он с позабытым удивлением наблюдал, как безжизненно сейчас это, обычно кипящее дневной энергией, пространство. Лавируя между мусорными горками, оставшимися от насыщенного торгового дня и уворачиваясь от удивлённых толстых чёрных крыс, в этот час рассматривающих его исключительно как потенциальную еду, шляпник старался шагать быстро и уверенно. Он миновал несколько средних и маленьких толп, которые приходилось обходить поодаль с большой осторожностью. Аудитория этих сборищ была частично крайне весела и не сдержана, а частично мрачна и показательно агрессивна.

Ашморк очень пожалел, что не двинулся по освещённой аллее вокруг Рыночной площади, однако возвращаться было уже поздно – второй раз крысы вряд ли будут столь удивлены его появлением и своей добычи точно

не упустят. Поэтому, ругая себя, он всё скорее двигался вперёд, крепко сжимая грубый холщовый ремень на котором болталась увесистая кожаная сумка.

«Вроде маленькие, а какие тяжёлые...» – подумал Ашморк. – «И такое странное название, чаросумка. Скорее чароторба или чаромешок. Ручек нет – только ремень: через плечо таскать. Ещё это может быть чарорюкзак. Или чарокотомка. Она кожаная конечно и весьма приятная на вид. Хорошо, что её не надо будет отдавать – этих-то жильцов переселят. Оставляю её себе. Как трофей. Чароавоська ещё... Впрочем, чаросумка звучит хорошо. А и впрямь – повешу на стену, будет напоминание о столь интересном заказе...»

Когда Ашморк буквально выскочил из торговых рядов к началу Бурой улицы, он решил немного притормозить. В боку кололо, дыхание сбилось, лодыжки полностью одеревенели. Тут, в свете фонарей, было много людей, крысы сюда, понятное дело, не совались (становиться едой им тоже не очень хотелось), и шляпник наконец спокойно перевёл дух.

Зевак в аллее развлекали два глупо одетых клоуна-фокусника. Первый, весёлый размалёванный человек в цветном полосатом цилиндре, показывал фокусы, доставая из различных мест раз за разом вновь пропадающие платки, леденцы, колокольчики и грязного потрёпанного кролика, судя по широко раскрытым глазам, пребывающего в глубоком шоке. Детям и некоторым прохожим, у которых было достаточно свободного времени, чтобы тратить его на такие глупости всё это, очевидно, очень нравилось.

Неторопливо обходя это представление, Ашморк недоумевал: «Какое неуважение к цилиндру! Надо же, разрисовать столь строгий предмет мужского гардероба!» – он всегда терпеть не мог паяцев и считал, что в голову

нормальному джентльмену такое не ударит. – «Цилиндр может быть любого цвета, если, конечно, это цвет чёрный». – он фыркнул, всецело выражая своё презрение.

Косясь влево на неугомонного окружённого людьми и испортившего свой головной убор артиста, Ашморк слишком поздно заметил второго противно-весёлого иллюзиониста. Тот, в свою очередь, видимо, тоже не сразу заметил шляпника, поскольку именно в этот момент, крутанувшись на каблуке с криком «Э-ге-гей!», дёрнул шнурок из толстой пёстрой продолговатой трубки прямо перед лицом мастера. Хлопушка выстрелила, оглушительный грохот разнёсся по Рыночной площади. Дым и разноцветные конфетти полетели Ашморку прямо в глаза, которые тот, к счастью, вовремя успел зажмурить.

От неожиданности он упал навзничь и на мгновение потерял сознание всего окружающего...

Если вы знаете имя рутинца, значит, вы знаете о нём всё. При желании, и, конечно, соответствующих возможностях. Возможностей у Арки хватало, а желание переполняло её и просто-таки выплёскивалось наружу.

Избавившись от конкурента, Арка стремительно покинула рынок. Доедая по дороге спелое сладкое яблоко, по Окружной аллее она направилась к пересечению с Непоношенной улицей. Там размещалась одна из палаток Сетевой Жизни.

Держащий её Затрав Кухарь знал поимённо не только всех своих покупателей, но и большинство их родственников, как близких, так и далёких. Многих клиентов ему приходилось навещать в различных лечебницах, где знакомство с семьёй входило в стандартный набор процедур

оправдания причин тяжёлого отравления, острого кишечного недомогания или избыточно-запущенного ожирения. Затрав, как и большинство палаточников, продавал привозную стряпню Сетевой Жизни, давая в больницах объяснения лишь как свидетель содеянного.

У Арки и Кухаря давно сложились устойчивые деловые отношения. Арке нужны были слухи и личные взаимосвязи, а Кухарю – продукты по весьма сходным ценам, независимо от их предыстории и срока давности – продавать их как марочные.

Время было междуобеденное, однако вокруг палатки, как обычно, топтались несколько клиентов. Затрав разогревал купленную еду намеренно медленно – он считал, что массовка вокруг торгового места значительно увеличивает его привлекательность. Подождав, пока рядом с окошечком никого не будет, Арка прильнула к решётке:

– Только не пытайся мне продать свою стряпню. – с ходу отрезала она. – У меня дело.

– К-конечно. Йй-я же тут ппросто так стою. Ззаняться нечем. – пробубнил Затрав. – Ччего надо?

– Есть тут пацан в округе, Геном зовут. Так мне ему кой чего передать надо. Он где живёт?

– Тебе в ппирог чего ппобольше, жира или пповидла?

– Зубы мне на заговаривай. Как найти его?

– Ты мможешь и без пповидла заказать. Как ппостоянный клиент.

– Ну Затрав. Отстань. Где он живёт? Дом, говорят, новый...

– Мможешь даже ппирог не ззабирать...

– Хорошо! – измождённо сдалась Арка.

– Ддавай три кррога.

– Яблоки из партии прошлой декады?

– Два крога и четыре ш-шара, – недовольно процедил продавец.

– А жир с того раза, когда я из него копыта вылавливала?

– Оддин-надцатть шаров, – проворчал Затрав. – Меньше не приму.

– И булку тоже оставь при себе.

Арка выложила на прилавок одиннадцать мелких круглых монеток в форме волны, и Затрав, быстро обведя взглядом пространство за её спиной, сгрёб их огромной лапцей куда-то в глубину окошка.

– Ббурая улица. Ддом шляпника Ххендирсана. Этот ммалой ппри нём ппроживает.

– А-а-атличный пирог, – громко произнесла воровка развернувшись на месте. – Пряма разом заглоти́лся! – и, провожаемая подозрительно-недоумёнными взглядами, она без промедления отправилась дальше.

По Окружной аллее она выскочила на Бурюю улицу и уже через полтора десятка домов обнаружила новенькую вывеску на свежем, нетронутом ещё годами и птицами, фасаде.

Пройдя по улица туда-сюда пару раз, воровка сквозь большие чистые окна разглядывала находящихся внутри персонажей.

Переминавшийся с ноги на ногу, всё время теребивший свою одежду прыщавый юнец был несомненно Генем. Он явно был здесь у себя дома, а нервничал по причине того, что двое других, вероятно, обсуждали что-то дорогое. Её чутьё не могло подвести – такие эмоции на лицах собеседников могли свидетельствовать или о крупном

барыше, или о смертельном риске, что впрочем, в Рутине, всегда две стороны одной и той же монеты.

Тот персонаж, что сидел на диване, был очень высок и явно богат. Однако, судя по тому, как он держался, добыть у него деньги будет не просто. Его деньги, как и его ботинки, наверняка слишком прибраны. Заперты в такой шкафчик, который охраняется получше, чем Музей Достоинства Нации. И отдаст он деньги, как упомянуто выше, лишь в погоне за большой наживой или в случае смертельной угрозы⁵⁰.

Третий находившийся в гостинной персонаж, судя по всему, был хозяином мастерской – тем самым шляпником, о ком судачили две клуши на базаре. Он, безусловно, был очень осторожен. Явно перестраховывается, когда дело касается денег в большом количестве, нежели он привык. Однако именно привычки таких и подводят. Привык к небольшим деньгам – нечего и отвыкать. Большие деньги в руки попадут, а как удержать, не знают – таких клиентов Арка особенно любила...

«Лишь бы эти двое не оказались партнёрами», – думала она. – «Впрочем, вряд ли. Слишком уж разные. Может, высокий с него мзду собирает. Явно не простецкий такой типажик».

В очередной раз остановившись напротив и заняв позу глубоко изучающей трёхстрочный прейскурант молодой леди, Арка в мутном отражении стекла прачечной отметила пацана, спешно покидающего мастерскую в надпортовую сторону. Приоткрывшая входную дверь женщина с подозрением осмотрела воровку и после прямого вопроса о

⁵⁰ До высот махинатора Арка Вот ещё не доросла, хотя тщательно готовила себя к этому поприщу, а ставить граждан Рутину на фатальную черту в её планы вообще не входило.

том, которую часть своего наряда барышня собирается стирать в первую очередь, той пришлось переместиться к скобяной лавке. Там, как оказалось, она могла находиться практически бесконечно. Впервые узнав все значимые и незначимые подробности о наследственных гвоздях и перламутровых подковах, она всё глубже погружалась в бездонную скобяную тему. За это время Ген вернулся, и совсем скоро опять покинул дом, удалившись в противоположную сторону.

Представившийся Капсом усатый хозяин лавки, набитой, по мнению Арки, всяким хламом, видимо не разговаривал уже несколько лет. Или давно не встречал такого благодарного и заинтересованного слушателя, как эта вежливая молодая домоуправительница одного из поместий Высокопортового квартала, представившаяся как Тинеция Свами. Ей было всё чрезвычайно интересно, а её хозяева, судя по всему, были восторженными ценителями старинной, и, конечно, весьма дорогой медной, оловянной и серебряной утвари.

В целом, по мнению Капса, дело шло к очень удачной сделке.

В целом, по мнению Арки, лучшего наблюдательного пункта тут было не найти.

Тем временем явно запыхавшийся Ген вернулся. Несколько погодя высокий распрощался и ушёл. За ним Арка решила понаблюдать позже и только после наведения справок у Кухаря – подобного сорта персона, заподозрив неладное, может сделать неожиданно фатальный для своего преследователя ход, а потому надо быть предельно осторожной и предварительно запастись информацией.

Начинало темнеть. По Бурой улице от фонаря к фонарю перебирался заспанный зажигатель. Видимо закончивший сегодняшние дела шляпник скрылся на втором этаже и Арка, распрощавшись с воодушевлённым продавцом до завтра, отправилась восвояси.

Лезть в ночи внутрь мастерской у неё не было никакого желания – судя по базарному диалогу, дом был перестроен магическим способом. А значит, неожиданные ловушки, скрытые вороловки и прочие неприятности вполне могли подстергать незваного посетителя в любом месте строения.

Утро застало город погрузившимся в свежий молочный туман. Такой прекрасный пункт наблюдения, как скобяная лавка, был ещё закрыт. И даже если бы он уже открылся, стоило его поберечь, пока неизвестно, как долго продлится эта кампания.

Арка сидела на расстоянии нескольких домов от мастерской на этажерке корабельных ящиков, составленных в узком проезде у фрахтовочной конторы. Тара, казавшаяся насквозь пропитанной морской вонью, была ещё крепкой, хотя поселившиеся в ней солёные древоточцы уже однозначно предрекли её неминуемую кончину. С этой позиции можно было видеть мастерскую целиком, и рассеивающийся туман всё чётче выделял детали наблюдаемого объекта.

Расчёт был так же прост, как и всегда: выследить жертву, имеющую при себе ценности, сесть ей на хвост (иногда почти что в прямом смысле), дойти вместе с жертвой до шумного, людного, желательно тёмного места и незаметно похитить то, что удастся похитить. Обычно удавалось

незаметно вытащить кошель или срезать поясной узелок. Иногда получалось стащить небольшую поклажу. За большую, ввиду невысокого роста и недостатка сил браться было опасно. Самое главное, считала Арка, не попадаться в поле зрения жертвы – это и непрофессионально, и неэтично, ведь вам с ней и дальше жить в одном городе, ходить по одним улицам, встречаться, смотреть друг другу в глаза, а возможно – даже здороваться.

Девчонка поёжилась. Брюки и доставшаяся по наследству рубашка промокли насквозь, а утреннее солнце никак не хотело появляться из-за сплошных, лишь местами потрёпанных, низких облаков. В животе неприятно урчало, напоминая хозяйке о весьма важной функции этой части организма.

Напротив, в Торчащем переулке, открылась кофейня, в которой старик Музус по доброте душевной иногда наливал Арке кружечку вторичного кофе. Хозяин кофейни искренне думал, что благоволит этой тощей девчонке⁵¹, в то время как она всякий раз сливала себе в запасную кружку кофеин зазевавшегося посетителя, выливая тому, в свою очередь, вторично заваренные отжимки. Впрочем, сейчас она была бы рада чему угодно, что теплее её окоченевших коленок, однако покидать наблюдательный пост было никак нельзя –

⁵¹ Старику чудилось, что вечно голодная дерзкая девчонка как две капли воды была похожа на его сгинувшую давным-давно красотку-дочурку. И хотя разум его точно знал, что быть этого не может, большое сердце твёрдо выбрало объект своей привязанности и заботы. Никто во всём свете, включая Арку, об этом, конечно, не догадывался. Однако строить в отношении Музуса глупые безосновательные теории вслух решались немногие. А те недалёковидные, кто решались, использовали этот шанс лишь единожды...

безмерно дорогая цель была ощутимо близка. Воровка это чувствовала.

Время шло. В мастерской засветились окна второго этажа, но никаких других изменений не происходило. Тем временем, оживающая улица зашумела, загалдела и зацокала. Пробившиеся с неба тёплые лучи подсушили одежду наблюдательницы и согрели её саму, никак, к сожалению, не утолив злополучный голод.

Не выспавшись от переживаний за предстоящее дело, Арка пыталась оставаться бодрой и бодрствующей как только могла. Пока её окружала утренняя прохлада, это не казалось трудной задачей, однако, с появлением небесного света и приходом тепла, веки становились всё тяжелее. В тот момент, когда её подбородок в очередной раз соскользнул с кулачка, опёртого локтем на коленку подставленной ноги, она вновь вздёрнула голову и широко раскрыла глаза, нацеливая взгляд на мастерскую своего интереса. И, вот оно!

Ген закрыл за собой входную дверь и скорым шагом – «Он, видимо всегда так ходит», – подумала Арка, – двинулся в сторону Рыночной площади.

Арка несколько раз моргнула, уселась поудобнее, обняла свои колени руками и сосредоточилась. На этот раз долго ждать не пришлось. Зато пришлось удивиться! Спустя весьма непродолжительное время Ген вернулся в сопровождении двух полупрозрачных Страхов. Они заняли места по сторонам у крыльца мастерской, а мальчишка тут же скрылся внутри.

Ещё большее удивление ждало Арку несколько моментов спустя: к дому, поднимая клубы пыли, резко подкатилась орко-рикша. Видимо, только её и ждали.

В дверях появился шляпник вместе с мальчишкой, они сели в повозку и та, сопровождаемая Страхами, резко устремилась прочь.

С одной стороны найм Страхов и орко-ригши не предвещал ничего хорошего – за такой повозкой гоняться бесполезно, а связываться со Страхами можно лишь потеряв предварительно голову. Однако, всё это подтверждало базарную версию о неприлично высоком шляпниковом доходе, который вскоре, по справедливым понятиям улиц, должен сократиться на украденную Аркадией дольку.

Проводив взглядом пыльное облако, рассеивающееся в сторону Окружной аллеи, воровка коротко сплюнула, спрыгнула с ящиков и направилась к старику Музусу – погреться чем-нибудь крепким и как-нибудь крепко обдумать произошедшее.

Сизый пар, поднимающийся над кружкой, остро щипал обоняние и заставлял глаза слезиться. Шершавые грубые стенки согревали её практически чистые и теперь весьма тёплые ладошки. Сидя в уголке тёмного, местами совершенно непроглядного, сводчатого зала кофейни, она сжимала в руках чудом (мольбой и лестью) доставшуюся ей порцию лучшего утреннего кофе – «Знатный Перчик» был известен далеко за стенами торгового города Рутины. Состав напитка был открыт абсолютно всем и при этом никому. Старинный рецепт семейства Музусов, выписанный старательным вензельным почерком на жёлтой промасленной бумаге, был вывешен на самом видном месте над камином в центре кофейного зала.

Арка подняла голову, и в очередной раз убедилась, что потрёпанный документ в старинной раме располагается на своём законном месте.

Рецепт гласил:

Знатный Перчик

*Чёрный молотый перец: пол ногтя.
Красный молотый перец: четверть ногтя.
Чёрный молотый кофе: юная пригоршня.
Земельная вода: полкружки с третью.
Посуда должна быть тяжёлой.
Печь должна быть каменной.
Огонь должен быть медленным.
Не позволяй себя торопить.
Не торопись сам.*

— — —

Сладкого не жалей.

Все, кто хотели украсть это рецепт, уже давно его украли. Все кто хотели его приготовить, уже попытались. Все, кто хоть раз попробовали его здесь, искренне смеялись над попытавшимися и возвращались сюда. К Музусу. К «Знатному Перчику».

Арка погладила кружку, ощущая все её неровности, и сосредоточилась.

Проследить за рикшей не представлялось никакой возможности. Это понятно всякому. Значит сегодняшний день вряд ли принесёт желаемый успех, однако вот так сразу списывать столь ценное время со счетов было никак нельзя.

«Что у нас есть?» – размышляла девчонка. – «Первое. Некто имеет возможность нанять двух Страхов и орко-рикшу для поездки по городу. Тут всем известно, что удовольствие это совсем не дешёвое, а значит, должна быть какая-то веская причина – деньги, конечно.» – Арка хищно улыбнулась. – «Вряд ли таким способом шляпник добирается до своих клиентов.

Второе. Если он уехал из мастерской, значит в мастерскую он должен и вернуться, поэтому наблюдение прекращать никак нельзя.

Третье. Если он уехал в сторону Рыночной площади, с большой долей вероятности именно с той стороны он и будет возвращаться.

Четвёртое. Чтобы подобраться к жертве совсем близко, придётся каким-то образом остановить рикшу, а это задача не из лёгких. Впрочем, с моим необычайным талантом и должной мотивацией осуществимо всё!

Пятое. Чтобы остановить рикшу, нужны помощники...»

Арка отхлебнула сладкого крепкого напитка, успевшего остыть как раз до того приятного состояния, когда горло остаётся практически не обожжённым. Вернее, обожжённым, но не температурой, а только самим напитком.

«Чтобы остановить орко-рикшу нужна толпа народа. Вопрос: как собрать толпу? Ещё вопрос: где её собрать?..

Где, в принципе понятно – поскольку возвращаться шляпник будет со стороны Рыночной площади, толпу необходимо собирать там, где от Окружной аллеи начинается Бурая улица. Место не особенно узкое, но учитывая, что рикше придётся делать здесь поворот, и скорость будет значительно снижена – успех вполне вероятен.

Осталось придумать, как организовать саму толпу...»

Арка отхлебнула ещё, прикрыла глаза, откинулась на спинку скамьи, вытянула ноги и, довольная собой, удовлетворённо расслабилась. Ей уже виделось, как в суете толпы, возле (так удачно) перевёрнутой рикши она (очень вовремя), протянув руку между чьих-то сапог, (легко) вытягивает чёрный, полный золота, саквояж и, пронырнув (как только она одна умеет) сквозь напирающих зевак, скрывается с добычей никем (как обычно) не замеченная. Постепенно девчонка погрузилась в тёплую приятную дремоту.

– Не оторвёт!

– Оторвёт.

– Нет, не оторвёт.

– Оторвёт обязательно.

– Нет.

– Точно.

– Не оторвёт. – голос громко и пискляво настаивал на своём.

– Может оторвать, и, конечно, оторвёт. – спокойно давил на своём бас оппонента.

– Нет, не может. Не может!

– Может.

– Не может.

– Может.

Арка раздражённо приоткрыла глаз. Напротив за маленьким круглым столом расположились два противных клоуна.

– Двойную чашку! – громко прописклявил высокий. – Не может. И сегодня я пью первым.

– Обязательно может, – вставил толстенький и спеша добавил: – Ты вчера пил первым. Сегодня моя очередь.

– Ты дважды пил в прошлую декаду.

– Я дважды пил в прошлую декаду за то, что ты дважды подряд пил в позапрошлую.

– Не-не-не. Тот позапрошлый раз был за твой подряд до того позапрошлого раза.

– Твой позапрошлый был просто двойным подрядом. И поэтому все прочие подряды были ответными на твой позапрошлый. Так что сегодня пью первым я!

– Ничего подобного. Твой до моего позапрошлого был вообще почти трижды подряд...

– Трижды? Ты говоришь трижды?

– Давай у Музуса спросим, – апеллировал писклявый.

– Да ему-то почём знать? – удивился басистый.

– Просто ты каждый раз устраиваешь истерику: первый – не первый... Все привыкли считать. Музус, эй! – крикнул он, сотрясая светильники и окончательно разбудив всех посетителей. – Скажи Ляпоньке, что сегодня пью я! Что он прошлой декадой дважды первым был.

– Платит сегодня кто? – отозвался от стойки негромкий, тяжёлый и хриплый голос.

– Выкус вообще никогда не платит, – отозвался Ляпонька. – Всё ему тут задарма достаётся.

– Значит ему первому и пить! – спокойно отрезал Музус. – Пока ты, дурак, не поумнеешь.

– Понял? – радостно воскликнул Выкус. – Музус, он всё помнит!

Толстенький насупился.

– Ты не ценишь доброты!

– Я ценю кофе.

– Это вторичный кофе.

– Конечно, вторичный. Ты же не в состоянии купить нам иной...

– Ещё как в состоянии. – процедил Ляпонька сквозь сжатые губы.

– В состоянии несостояния...

– Я себе первый возьму, когда пить первым буду!

– Посмотрим.

– Посмотрим.

«Зануды», – подумала Арка. Сон ей уже перебили, но открывать глаза и двигаться было лень. Полулёжа, она продолжила обдумывать свой план, стараясь не отвлекаться на неприятных соседей.

– На Лавочную сегодня пойдём, – сообщил Выкус Дон. – Там веселей получается.

– На Лавочной прошлый раз сильно побили... – скривился Ляпонька.

– Бегать надо быстрее.

– Нечего троллю в лицо из клизмы брызгать – они этого не понимают. Низкий разум...

– А мы перед игровыми салонами не станем останавливаться. Ну их. Скучные они стали и кулакастые слишком.

– Давай Лага позовём на окорманку – дополнительные монеты наши карманы не оттянут.

– Лаг нам от своего кошелька ни разу процент не отплатил. Лишь пару монет. И те отбирать пришлось. К тому же Лага вчера в промозглом ящике видели – он ещё пару дней с лежака не поднимется.

– Поделом.

– Несомненно.

«Вот оно», – Арка поймала пролетающую мимо возможность.

– Вы просто не с теми работаете, – произнесла она, не открывая глаза, достаточно громко, чтобы это слышали клоуны, но не остальные посетители кофейни.

– Конечно не с теми, – задумчиво ответил Ляпонька. – Начиная вот с этого клоуна...

– Сам ты клоун, – выпалил Выкус. – Это я с тобой мучаюсь вечно. «Беги», говорю, «бить будут», а ты стоишь и стоишь...

– Я по десять монет плачу за такое, – вновь встряла в разговор воровка. – Обычно. Если вечер особо удачный, даже кофе на утро за мой счёт! Первичный кофе, конечно!

Преппирательства за соседним столом разом прекратились.

Самым трудным оказалось уговорить клоунов работать целый день. Однако Арке, обозначившей лицемерным лицедеям заманчивые и, главное, гарантированные барыши, это удалось. Она не знала, когда возвратится шляпник, и любой потерянный момент грозил обесценить все усилия предыдущего дня. Именно поэтому мелкая негодяйка всеми силами гнала двух нерасторопных

клоунов к пересечению аллеи, окружавшей Рыночную площадь, и Бурой улицы.

Народ, привлекаемый лицедеями, то прибывал, образуя плотную ухающую толпу, то убывал, уворачиваясь от струящейся из наручных помп разноцветной воды и громких раскатов липкого конфетти. Арка, опасаясь, что в нужный момент толпы зрителей будет недостаточно для остановки орко-рикши, пыталась создать толпу в те промежутки, когда зрители внезапно рассеивались. Она старательно держалась в первых рядах, создавая видимый интерес поклонницы клоунского искусства. Поэтому спустя некоторое время на нее нельзя было взглянуть без сострадания – её волосы слиплись и были спутаны, а одежда насквозь промокла. Вся она была облеплена гадкими кружочками дешёвого конфетти, которые линяли, и их подтёки, перемешиваясь с краской разноцветной воды, образовывали совершенно жуткие оттенки лилового, фиолетового и коричневого.

– Не цельтесь в меня! – кричала она клоунам всякий раз, когда её окатывала новая волна их внимания, но напрасно.

Вместо высматривания приближающейся повозки, Арка тратила все свои усилия на организацию сплочённого интереса окружающих, однако вымотавшись вконец, она решила сказать двум этим балбесам, что работать надо по другому, иначе столь сложно задуманный план грозил полностью провалиться.

С криком «Стойте!» она бросилась прямо к ним и затараторила:

– Толпа! Мне нужна толпа!!! Мне надо, чтобы вы, бездари, не пугали людей, не давали им разбежаться по

сторонам, а держали плотное кольцо вокруг себя в этом самом месте!

– Чего это? – возразил Выкус. – Разбегающиеся и карманов-то не чувствуют.

– Сколько кошель ты уже насчитала? – вмешался Ляпонька.

– Нисколько! – проорала она им в ответ, и тут же осознала всю пропасть собственной ошибки. Увлечённая организаторской задачей, она напрочь позабыла про воровство.

Клоуны ошарашено замерли.

– Тю... Всё напрасно... Выкус, мы тут бьёмся битых три часа... Похоже нас хотят надуть.

– Похоже на то. – Выкус привычным жестом нащупал секиру во внутреннем кармане правой штанины.

– Мы не станем убегать в этот раз? – мягко спросил его Ляпонька. И не спуская глаз с Арки, сдвинулся влево, обходя её сбоку.

– Не сегодня, Ляпонька. Не сегодня.

Арка, дожившая до своих дней лишь благодаря обострённому внутреннему чутью и патологической подозрительности, поняла, что придётся прямо сейчас сообщить клоунам свою (и их) основную цель, иначе провалится не план, а её собственное, такое ценное и дорогое, здоровье. А может – и целая жизнь!

Она выставила руки вперёд ладонями и выпучив глаза громко зашептала:

– Постойте-постойте. Всё не ради какой-то толпы, не ради десятка монет, дело куда как сложнее и доходнее.

Клоуны переглянулись, Ляпонька сдвинулся ещё левее и мягким движением крепко обхватил локоть девочки. Толпа,

которую никто не обливал разноцветной водой, кольцом сжималась вокруг троицы. Два клоуна и полинявшая девочка, кричащие посреди Окружной аллеи, притягивали внимание явно интригующей развязкой.

– Тут должен промчаться шляпник. В орко-рикше. – продолжала шептать воровка. – У него саквояж. Толпа нужна, чтобы не проехал мимо. Хорошо, если перевернётся. Торговаться не буду, но монет добавляю.

– Ты же перестанешь пить кофе, если мы закончим представление прямо сейчас! – громко объявил Выкус.

Толпа удивлённо загудела. Грязную девочку видели многие, но кофе не видел никто.

«Знают, где искать меня», – подумала Арка, понявшая намёк на её постоянное пребывание в кофейне Музуса. «Таким, пожалуй, лучше отдать обещанное. А значит, обещать много не стоит».

– Дам ещё десять монет, – прошептала она, глядя вверх на Выкуса. Тот, осознав свою значимость, громко произнёс, обращаясь к собравшимся:

– Представление для девочки будет стоить ровно 50 монет, и она всех вас на него приглашает!

– Это в качестве наценки за сложность при координации совместных действий в условиях тесного контакта с потенциально враждебной и агрессивно настроенной зрительской аудиторией, – Ляпонька аж светился, шёпотом заканчивая эту сформулированную сентенцию ей прямо в ухо. Его рука продолжала плотно сжимать её локоть.

Собравшийся вокруг сброд ахнул и стал напирать – всем хотелось глянуть на разноцветно-грязную девчонку,

отдавшую такие деньги за уличное развлечение окружающих.

«Хорошо, что волосы слиплись и лицо перекрывают», – подумала Арка. – «Такая слава мне точно ни к чему».

– Будут вам ваши пятьдесят монет, – косясь на Ляпоньку процедила она. – Но утренний кофе не ждите.

– Сами купим, милая. – растянулся в улыбке клоун и разжал сильные пальцы. – Ты только в нужный момент не пасуй.

Выкус выстрелил конфетти вверх и представление продолжилось. Толпа, мигом позабывшая о несуразной добродетельнице, полностью увлеклась бесплатным зрелищем.

Жадные клоуны знали своё дело! Весь день Арка бегала от одного края толпы к другому. Не зная, с какой стороны появится повозка, она проглядела себе все глаза, пробежала себе все ноги, потратила себе все нервы. За это время в толпу зрителей влетело всего две орко-рикши. Одна из них оказалась пустой и стараниями извозчика была безопасно остановлена. Вторая очень даже отличненько перевернулась, сбила кучу зевак, врезалась в твёрдое пуза тролля. В общем, всё как задумывалось – пiski, визги, неразбериха и всё прочее обеспечение хорошей кражи... кроме пассажира. Арка была на месте до того, как рассеется облако пыли, но ни сумки, ни мешочка, ни саквояжика у пассажира не было. Были только проклятия и угрозы. Впрочем, его никто не винил (попробуй перевернуться в орко-рикше) и не слушал (и без того шумно). Даже возникшая после этого драка была воспринята как часть выступления. Одним словом, день пролетел в суете. Опасаясь, что шляпник всё-таки вернётся с другой стороны Бурой улицы, Арка уже четырежды просила

Ляпоньку (Выкус Дон, со словами «не клоунское это дело», категорически отказался) сходить проверить, не вернулся ли хозяин в мастерскую. Пришлось пообещать ещё пару монет, причём обоим, поскольку Выкус объявил о двойной нагрузке во время отсутствия партнёра.

Уже совсем стемнело, когда Арка, прислонившись спиной к холодному фонарному столбу, решила передохнуть. Её размышления густой тяжёлой пеленой давили на ускользящее чувство контроля. Совсем недавно Ляпонька в очередной раз подтвердил, что в мастерскую вернулся лишь мальчик, и шансы ещё оставались. Однако ужас возможного провала уже давно комом подкатывал к горлу. Нельзя было не заметить, как клоуны, продолжая работать на публику, не спускали с неё глаз. Всякий раз встречаясь с их холодными жестокими взглядами, она сглатывала тот самый подступивший к горлу ком и с энергичной надеждой глядела по сторонам.

Неожиданно из тёмных торговых рядов мимо неё спешно прошагал шляпник. В правой руке он нёс коричневую торбу на широком расшитом ремне. Судя по натяжению ремня и размерному покачиванию, сумка была весьма увесистой.

Появление человека с ценным грузом без пары охранников-троллей со стороны центра Рыночной площади после заката так ошеломило воровку, что она в оцепенении продолжала удивлённо таращиться на удаляющуюся в его руке желанную ношу. Шляпник тем временем сбавил ход и, огибая толпу зевак слева от него, двинулся в сторону Бурой улицы.

Выйдя из ступора, Арка аж подпрыгнула. Мысль об удаляющейся сумке заставила сердце удвоенно стучать.

Поймав взгляд клоунов, строя гримасы и указывая пальцами обеих рук на Ашморка, она двинулась следом за ним.

Выкус, сообразив, что «клиент» обходит его со стороны Ляпоньки, для привлечения внимания зашумел, показывая смешные фокусы с петардами. Расчёт удался – шляпник, по пятам которого сквозь народ двигалась грязная девочка, обратил на происходящее своё внимание и с каким-то странным осуждением стал разглядывать высокого клоуна. Совершенно не смотря куда идёт, он буквально наткнулся на оказавшегося точно в нужном месте Ляпоньку.

Хлопушка выстрелила вовремя, дым окутал отпрянувшего и не удержавшегося на ногах шляпника. Воровка схватила выроненную тяжёлую сумку и бросилась наутёк.

Арка спешно шла по Топорному переулку, сжимая длинный ремень только что украденной сумки. Хотя торба была не большой, но довольно примечательной, и Арка была уверена, что разговор двух женщин на рынке не обманул. Расшитая блестящими нитями, с толстым шнуром поверх горловины, сумка была явно не простой (уж Арка-то знает, на какие сокровища может вывести болтовня престарелых сплетниц!), и в этой сумке точно есть что-нибудь очень-очень ценное.

Периодически оглядываясь, она завернула в ещё один, более тёмный переулок, рядом с Рыбным тупиком, где располагалось её жилище (хотя, скорее, это было временное убежище, ведь в силу «профессии» Арке часто приходилось менять место жительства). В тусклых лучах ночного светила она поставила добычу на широкий камень, служивший днём

столом для чистки рыбы. Воняло здесь совершенно невозможно, однако ночами тут было пустынно – в темноте даже кошки сюда не совались. Арка прислушалась – шороха крыс – ночных хозяев Рыбного тупика тоже не было слышно, а значит пока это место можно считать не слишком опасным.

Забравшись на камень и дотянувшись до лучей ночного света, дрожа от нетерпения, воровка впервые внимательно рассмотрела добычу. Поверх швов по полоскам кожи были нашиты металлические серые нити, в которых Арка с изумлением узнала олово⁵². То, что ей попалась закрытая чарами сумка, только увеличило ожидание верной удачи. Готовая ко всему, она достала из поясного ремня серебряные ножницы с дополнительными свинцовыми вставками⁵³. Девочка аккуратно разрежала синюю ленту и легко развязала толстый красный шнур.

Предвкушая несметные богатства, способные резко приподнять её социальный статус на доселе недостижимую высоту, Азабелла Аркадия Бамбарбия Во Трипс заглянула внутрь.

⁵² Для работы с магией используют или олово, или медь.

⁵³ Свинец крайне плохо проводит магию и поэтому, как и серебро, служит от неё защитой.

Глава 7. Дороти

Прагматичный мистер Рикки Двадцать Пятый Пай тайно гордился лишь тремя решениями в жизни: полным разрывом со своей деревенской семьёй, правильной и своевременной женитьбой и дальновидным наймом Дороти Д'Катчер.

Рикки родился в бедной, но гордой семье Бобоногов, жившей в такой глуши, что к ним не заезжали даже бродячие библиотекари. В семье Зануды Ри (как называли его многочисленные младшие братья и их сверстники) насчитывалось около сорока человек, включая маму, папу, старого глухого деда, про которого никто ничего не знал, невесток, трёх старших братьев, старший из которых уже приближался к такому возрасту, когда вынужден просить внуков принести стакан «милому дедушке Мэт» (потому что сам не можешь встать с кровати), семи младших братьев, которые были самыми настоящими дармоедами и нахлебниками (по «скромному» мнению Рикки), детей старших братьев, внуков детей старших братьев и старой козы Кости-да-Кости, которую пытались доить на всю эту ораву голодных недовольных ртов. Остальные члены семьи, которых было в два-три раза больше, были где-то далеко и про них никто не вспоминал. Раз в год кто-нибудь упоминал «Ах, надо бы послать тётушке Сью новогоднюю открытку», но упоминанием, к счастью, это и заканчивалось.

Всё изменилось, когда Рикки отправили в Рутину с местным мясником, возившим раз в три декады колбасы к торговым воротам. Пойманного с куском окорока помощника не было бы в живых, если бы Рикки вовремя не дал ноги. Так он и остался в Рутине. Меняя лесть на выгоду, через пару лет

он прислуживал в богатых домах Высокопортового квартала, а спустя ещё несколько лет был устроен в особняк одного из самых состоятельных родов Рутины.

До Рикки славная история фамильного рода Пай насчитывала семнадцать деловых поколений, а прежде них семь купеческих. Вертикаль этого семейного древа была так вертикальна, что единственный глава семьи всегда был недостижим для прочих родственников своей высотой и уступал своё место, лишь отходя на вечный покой. Так было до предпоследнего семейного витка, когда после похорон Крокета Двадцать Четвёртого Пая вдруг выяснилось, что наследника по мужской линии у него не имеется. Самому Паю было, конечно, не до того, чтобы следить за тем, какого пола у него дети – успеть бы за делами. Жена его также была сосредоточена исключительно на себе и вопрос о наследии свалился на её несостоятельную персону в момент крайнего эмоционального беспокойства, что быстро и окончательно доконало вдову.

А вот чистильщику семейной ночной одежды по имени Рикки, шустрому и не отягощённому множеством одновременно решаемых задач, положение дел стало понятно заблаговременно, и юная и прекрасная Зинария Пай была вовремя очарована простенькими, но милыми подарками, юмором, учащённой болтовнёй – а позже даже некоторой страстью.

Ускоренно женившись, Рикки с корыстным честолюбием и нескрываемым удовольствием принял фамилию супруги. Громко высказывая во всеуслышание своё стремление выровнять пошатнувшееся древо, про себя он радовался окончательному избавлению от презируемой им деревенской фамилии Бобоног.

Рикки безмерно льстило положение и повсеместно оказываемый ему почёт. Принятое им в возрасте девятнадцати лет состояние было вложено в постоянные дома и таверны, в пристани и корабли, в краеугольные шахты и кузницы по всему побережью, в обширные овощные поля и прекрасные индюшатники, в дюжину мельничных дворов и широко развитую по всему континенту торговлю. Даже восемьсот семьдесят девять ступеней, ведущие в Нижний порт Рутины, принадлежали семейному древу Пай и приносили весомый годовой доход. Стабильное будущее было оплачено щедрым авансом. Жизнь представлялась Рикки прекрасным путешествием на золотой карете в возвышении над всеми бывшими, настоящими и будущими невзгодами. Отрубив и отбросив в себе всё прошлое, он погрузился в элитарное состояние благоденствия.

Однако выровнять семейное древо получилось, лишь полностью его уронив.

К сорока двум годам Рикки Пай остался вдовцом с единственной сохранившейся в его собственности пекарней, где он жил и работал с младшим из четырёх сыновей. Впрочем, и этот сын, достигший того возраста, когда молодому человеку уже возможно жениться, как и старшие, спешил покинуть своего отца навсегда.

По мере отъезда сыновей Рикки был вынужден нанимать вместо них работников, что очень било по карману – те отказывались работать за крышу над головой и кулёвую похлёбку (рецепт, который Рикки помнил из своего

деревенского детства⁵⁴). Сначала ему пришлось нанять тестомеса, а потом и двух пекарей. Даже кое-как ведя дела, Рикки не представлял себе, Как Он Сам может стоять за прилавком и обслуживать всех этих вечно голодных и недовольных проходимцев (именуемых посетителями). Когда младший сын, несмотря на все мольбы и угрозы отца, объявил, что не собирается участвовать в поддержании вертикали семейного дерева и съезжает завтра до обеда, Рикки совсем было отчаялся. Промотанное состояние жены уже давно осталось в прошлом, фамилия Пай последние десять лет никому не внушала былого уважения, а кредиторы, отправляемые поставщиками, набираясь наглости, заходили теперь прямо в торговый зал, не стучась со стороны чёрного хода, как бывало прежде.

Именно тогда в пекарню и забрела девушка по имени Дороти.

Сейчас, спустя пару лет с того самого дня, она, протирая столики у окон, ненароком бросила взгляд на улицу, где, как это обычно бывает после полудня, суетились деловые и не очень деловые горожане. Её взгляд остановился на ничуть не изменившейся скамейке у фонтана, и Дороти с

⁵⁴ Содержимое овощного куля вперемешку с острыми камнями мылось и взбивалось в глубоком чане на два-три раза, после чего варилось на медленном огне пару часов. Варёво разливалось в горшочки с узким донышком, куда сбивался скальник, песок и прочие тяжёлые непроваренности. Если же оно подавалось гостям, то отчистку от твёрдых примесей делали до подачи на стол. Даже в самой известной на континенте поварской книге некой бабки с далёких гор, сей рецепт никак не упоминался, и Рикки, считая его своим уникальным умением, и слышать не желал о замене на что-то более съедобное.

улыбкой припомнила, как давным-давно очутилась на этой площади.

Дороти, происходившей из достаточно древнего и знатного рода охотников на драконов, было не в новинку стоически адаптироваться к любым условиям и к любому уголку Ближнего мира. Её детство закончилось в возрасте десяти лет, когда на их родовой замок в Драконьих горах неожиданно напало семейство разъярённых драконов. Даже много лет спустя Дороти отчётливо помнила всё до мелочей: они сидели в большом зале и ужинали. Её отец и дед наперебой рассказывали, как украли в охотном походе кладку серебряных яиц плоскоголового смертника. Хвастались, как, заматавая следы, пробирались длинным ущельем по ледяному ручью, как ночевали среди Вершинного озера на чернёном плоту, пережидая драконье буйство, творящееся в окрестных лесах...

Налёт неиствующей стаи драконов сжёг дотла весь замок. Вплоть до самых подвалов. Уцелели только нижние конюшни, расположенные в узкой пещере у скальной башни. В этих конюшнях чудом спаслись Дора и её тринадцатилетний брат, которым сразу после съеденного торта наскучила болтовня взрослых, и дети выбежали на улицу, чтобы прокатиться по округе.

После учинённого разбоя драконы поселились в оплавленных стенах, и выжившим жителям пепелища пришлось покинуть родные места.

Немногочисленная, чудом уцелевшая обслуга рассеялась по окружающим деревням. Дору с братом приютил муж погибшей в пожарище кухарки. Служивший в замке пекарем Дарон всегда был привязан к детям и, оставшись

вдовцом, забрал сирот к себе. Он старался обеспечить их всем в меру своих сил и способностей, однако уже в возрасте двенадцати лет Дороти окончательно поняла, что деревенская жизнь никогда не даст ей того, что она хочет. Она перебралась в городок Даль на Скалистое побережье и по рекомендации Дарона поступила в обучение к полуслепому вязальщику сетей. Спустя год Дороти училась у портнихи, потом помогала местному пекарю, а позже – торговала бакалеей и тканями. Дальнейшая жизнь Дороти Д`Катчер протекала на обоих берегах Толстой реки и спустя много лет привела её, как и каждого активного жителя, в торговый город Рутину.

Накопившая за прошедшие годы не только опыт, но и некоторый капитал, она решила обосноваться в Рутине, предварительно оценив, подходит ли ей это место.

Но обо всём об этом, конечно, никто не знал, а сама Дороти предпочитала никому и не рассказывать.

По приезду, оставив вещи в гостинице, она с самого утра отправилась гулять, руководствуясь путеводной карточкой, выданной ей услужливым метрдотелем.

Ни разу не бывавшая в самом известном месте нашего континента, Дороти с интересом бродила по этому большому городу, в котором всё было чудно и удивительно. К полудню она и утомилась, и проголодалась одновременно. К этому времени ноги вывели её к деловому центру Рутины – Овальной площади. Здесь биржи и игорные дома соседствовали с особняками зажиточных горожан, а административные постройки перемежались вывесками коммерческих гильдий. Посреди огромной, мощёной серо-синим гранитом, площади располагался прекрасный, овальной формы, фонтан. Струи воды мелодично журчали,

пересекаясь в воздухе, а облако водной пыли создавало в воздухе яркую радугу. Вокруг были расположены скамейки с витыми подлокотниками, между которыми стояли толстые кадки с небольшими, но пышными кустами. Дороти, порядочно уставшая от длительной прогулки, присела на край одной из скамеек и осмотрелась.

Жизнь вокруг кипела. Деловые горожане сновали по площади во все стороны с очень важными лицами. Суетливые и серьёзные, они смешили Дороти своим напыщенным и несуразным видом. Неподалёку располагалась палатка с чудной вывеской «СЕТЕВАЯ ЖИЗНЬ. РУТИНА 12» и соответствующей этому месту надписью «Жить ты можешь в долг, но еду оплати». В палатку стояла очередь из нетерпеливых клерков всех возможных форм и мастей. Под широким навесом позитивный молодой вампирчик в ярко-красной бандане, которая с трудом сдерживала его лихо завивающуюся шевелюру, быстрыми длинными пальцами упаковывал в свежие зелёные листья пироги, булки, отрезки чего-то очень сочного, что Дороти не смогла распознать на расстоянии. Тут же он наливал в подставляемые посетителями кружки, которые те предусмотрительно приносили с собой, горячий напиток оранжевого цвета – видимо, настойку на каких-то местных ягодах или травах, а может быть, на ягодах с травами... Болтая с покупателями без остановки, делал он это всё так быстро и ловко, что Дороти невольно залюбовалась процессом. Обслуженные клерки рассеивались по площади и, кто кучками, а кто по одиночке, с аппетитом принимались за выданную им обеденную порцию.

И только тут Дороти поняла, насколько она голодна. Жизненный опыт категорически отказывался рассматривать ближайший ларёк в качестве безопасного источника пищи, и

путешественница обвела взглядом окружавшую её площадь слева направо. Вторая вывеска, которая обращала на себя внимание оголодавшего путника, была расположена на фасаде углового здания, зажатого между Банковской и Растратной улицами. «Пай & Сыновья» поверх большого багета прямо-таки притягивала глаза. Удивившись клеркам, стоящим в очереди к киоску при наличии столь привлекательного заведения поблизости, она направилась напрямик к заманчивым жёлтым витринам.

В зале, на удивление, было пусто, не считая одинокого громко сопящего человека, облокотившегося на прилавок с противоположной стороны. Дверной колокольчик за спиной Дороти звякнул, голова спящего соскользнула с подставленной руки, и, внезапно проснувшись, он бесцветным голосом проговорил:

– Рутинные булки на все времена в центральной пекарне «Пай и сыновья»... Рутинные булки... Рутинный хлеб... Бери и вали к себе на обед... – последнюю фразу человек попытался выкрикнуть, но это у него явно не получилось и он добавил:

– Лучшие булки во всей Рутине...

Долговязый персонаж средних лет смерил Дороти унылым взглядом, поморщился и скучающе вернул голову на руку, совершенно не собираясь реагировать на посетителя дальше. Дороти же удивлённо оглядела запылённое помещение. На окнах кое-где была заметна паутина и блёклые разводы – видно, кто-то когда-то попытался отмыть стекло, но потерпел неудачу где-то в самом начале. На полу тоже было полно пыли, царапин и даже крохотных дырочек. Краска на стенах местами облупилась и сквозь неё проглядывала почерневшая древесина. Одним словом, вид

пекарни явно не соответствовал претенциозной вывеске, красовавшейся снаружи.

Дороти прошла вдоль витрин. В правой витрине были выложены хлеб и пироги. В той части, в которой лежал хлеб, половину занимали отдельно отложенные крупные булки с надписью «вчирашний» и ещё несколько штук с надписью «пазовчирашний». Пироги тоже были разделены, но по принципу «сладкое» и «нисладкое». При этом рядом с пирогами лежала треснутая деревянная табличка с вырезанной надписью «Точно Не Испорченные! Р.П.»

В левой витрине были выложены два торта и по несколько пирожных и пирожков, лежавших на деревянных решётках. Льда под решётками видно не было, и Дороти решила, что сладкое она точно купить не станет.

«Это ж какую чудесную пекарню тут можно было бы основать если выгнать такого никчёмного пекаря!» – мечтательно размышляла путешественница. – «Витрины чтобы поменьше были, и поставить их полукругом, вычистить, выбелить и завезти свежего льда...»

В это время колокольчик мелодично звякнул, и в зал вбежал коротконогий мальчишка во всём клетчато-коричневом. Даже его кепка, лихо повернутая козырьком набок, была клетчатой и коричневой.

– Пирог с морковкой для гостей мистера Оакхарта. – совершенно не поздоровавшись, выпалил он и добавил: – Только свежий – гости мучаться не должны. Так управляющий велел передать!

Стоящий за прилавком долговязый человек смерил мальчишку тем же самым скучающим взглядом, что и Дороти. Не глядя протянув руку в правую витрину, он

выложил перед собой посыпанное мукой хлебопекарное изделие неправильной формы.

– Управляющий велел просить свежий пирог! – упрямо повторил мальчишка.

– Этот и есть самый свежий. – пробубнил продавец.

– Управляющий велел сказать, что если не будет свежего, он будет требовать возврата долга уже завтра.

Долговязый глубоко вздохнул.

Он бросил выпечку обратно в витрину и скрылся за ширмой, прикрывавшей вход на кухню.

Принесённый им на толстой доске пирог и выглядел, и пах как пирог. Пацан схватил доску и прямо с ней двинулся к двери.

– Деньги где? – крикнул ему вдогонку пекарь.

– В счёт долга, велели передать... – прокричал мальчик из-за двери, не оборачиваясь.

– Жгучий репейник тебе на крыльцо, – злобно процедил пекарь и, обратившись к Дороти, мрачно спросил. – Что брать будете?

Этой фразой и тем как она была произнесена, он окончательно уверил Дороти в том, что брать здесь ничего не следует.

– Спасибо, я пожалуй пойду. – медленно сказала Дороти и двинулась к выходу.

– Да что с вами со всеми не так! – воскликнул пекарь, схватившись двумя руками за крышку прилавка. – Что вам всем такого подавай, чего вы тут не увидели? Пироги им не достаточно свежие, хлеба им не достаточно мягкие, торты не вполне сладкие, а пирожные, видите ли, перегретые. Всякая низкая челядь считает возможным указывать мне, что да как! Что за покупатели на мою голову собрались на этой поганой

площади в этом скудном паршивом городишке? Печёшь-печёшь, из сил выбиваешься... Всем всё не так и не этак! Пеките сами себе, коли тут не нравится. Чего приходите?

Ошарашенная таким громким откровением Дороти удивлённо застыла в дверях. Неожиданно для себя она обернулась и выпалила:

– Да у вас паутина на окнах, не пойми кто их мыл. Полы – грязные, стены – облупленные. Булки несвежие. Под тортами льда не видно. Пирожные все кособокие. Пироги, мне кажется, с прошлой декады лежат. Да и вы сами совершенно не аппетитный. Стоите, на всех дуется! Но, конечно же, у вас покупатели виноваты...

– Конечно виноваты! – окончательно вскипел долговязый. – Дождись сначала, чтобы кто чего купил, а потом и стены обновляй! Пауки тут каждый день, а покупателей поди поищи!

– Так потому и нету у вас покупателей, что вместо них к вам пауки заползают!

– Так они и заползают, потому что тут нет никого!

– Так вы возьмите и приберитесь, может и покупатели придут!

– Сама возьми и приберись, коли такую чушь тут вслух городишь!

– А вот я взяла бы и прибралась. Поглядели бы потом!

Оппоненты резко замолчали и уставились друг на друга. Один был в ярости от подобного с ним общения и давно накопившихся претензий к этим несносным посетителям, вечно старающимся дать максимально тупые советы. Другая – от собственной откровенности и возмущения от того, как можно было испортить столь

хорошее место столь гадким к нему отношением. Первым Тишину нарушил Рикки (это, конечно, был именно он):

– Платить я буду только с продаж. Ни монетки за ваши убеждения по поводу паутины. И обед себе оплачиваете сами, если похлёбку не будете.

– Идёт. – приняла вызов Дороти. И, указав на витрину с пирогами, с издёвкой заметила: – Вы это вот сами печёте?

– Не сам. Пекут пекари. Их тут двое и оба бездельники. А с пирогами почти всё в порядке. Никто пока не отравился... за последнее время.

– А вы-то тут чем занимаетесь? – спросила Дороти, чтобы окончательно расставить всё по местам.

– Я – Рикки Пай. Я тут владелец. Рикки Пай Двадцать Пятый, между прочим! – гордо добавил он.

– То есть кроме как уныло встречать клиентов, вы тут ничего и не делаете?

– Да я тут занимаюсь всем! – оскорблённо провозгласил владелец. – Но кое-что готов уступить персоналу. – добавил он более миролюбиво.

Дороти, в голове которой уже сформировался план переустройства этого убогого заведения, прищурила правый глаз и самоуверенно заявила:

– Давайте вы уступите мне всё. А сами не будете вмешиваться.

– Как – всё? – возмутился Рикки. – Я, между прочим, владелец!

– Давайте вы будете владеть на расстоянии. – Дороти шёпотом добавила: – И пауков с собой забирайте.

Рикки Пай нахмурился. Он был совсем не рад, что его пытаются выгнать, однако, впервые с момента практически полного разорения кто-то пытался устроиться к нему на

работу по собственной инициативе, а не по принуждению. Правда, выглядело это весьма и весьма подозрительно.

«Может прибрать к рукам она решила мою пекарню?» – думал Пай Двадцать Пятый, очевидно, забыв, что здание заложено уже дважды.

Рикки заново смерил взглядом нахальную особу: аккуратное зелёное платье с большим бантом сзади на поясе, соломенная шляпка, тоже с бантом в цвет платья и ладная дамская дорожная сумка с золотым замочком в виде бантика – всё свидетельствовало о присутствии хорошего стиля и знатного происхождения. Однако манера столь простого общения не вписывалась в образ представительницы высокого сословия и Рикки решил, что бедняжка старается выбиться в люди (ах, как это знакомо). Что, потратив все свое состояние на хороший внешний вид, тем самым желает привлечь к себе его внимание как известного, знатного и надёжного работодателя.

Решив не разочаровывать бедняжку, Рикки Двадцать Пятый Пай благородно и великодушно принял предложение этой целеустремленной особы и позволил ей вести дела всего его семейного бизнеса⁵⁵.

– Идёт. – торжественно выдохнул он. – Приступайте. Я буду наверху. В покоях. Спускаюсь к вам завтра. Вас, кстати, как называть?

– Доротея Д'Катчер из Драконьих гор.

– Да-да, конечно. – мягко улыбнулся Пай. – «Позволим ей ложь о горах и драконах», – подумал он, – «Хочет казаться значимой, пусть так. Не выгонять же за это». – и, ухмыльнувшись, по-отечески добавил: – Понимаю,

⁵⁵ В смысле, дела его единственной пекарни.

Доротея, понимаю. Я и сам когда-то приехал в Рутину издалека, и смотрите: выбился в люди. У вас несомненно получится.

Не зная, как реагировать, Дороти решила промолчать.

– Ну так я сегодня пошёл – дела. Половина выручки должна быть готова завтра к вечеру. Я проверяю по расходу. И парни тоже будут следить!

Рикки выгреб все монеты из коробки, стоящей за прилавком и, скрывшись за ширмой, гаркнул:

– Олов.

– Ау? – ответил откуда-то из глубины пекарни низкий грубый голос.

– Тут у нас новый сотрудни...ца зала. Погляди, чтоб ничего не упёрла. С тебя же вычту.

Глубокий продолжительный стон, переходящий в рычание, засвидетельствовал, что угроза является вполне себе весомой, и, по всей вероятности, уже применялась ранее. Дороти хмыкнула, откинула столешницу прилавка и отправилась знакомиться с пекарней и её обитателями. Сместив ширму в сторону и пройдя насквозь пекарное помещение, расположенное за торговым залом, где с одной стороны дышала жаром одна из трёх массивных печей, а слева пустели стеллажи с едва-едва заполненными поддонами, она вышла в просторный полукруглый зал с высоким потолком. Зал плохо освещался двумя безопасными трёхлягодными светильниками⁵⁶ и был практически пуст. Местами у стен лежали мешки различной наполненности, стояли шкафчики и стеллажи с банками, горшками и

⁵⁶ Светильник, сделанный с использованием ледяных горных саламандр.

коробками всевозможных форм и размеров. Посреди зала лежал длинный широкий камень, отлично вытесанный сверху, а над ним, погрузив руки во внушительную гору теста, возвышался широкоплечий и угловатый тестомес. Судя по угрюмому взгляду исподлобья и хмурой ухмылке, это и был Олов. Он свысока оглядел Дороти с головы до ног и, не отрывая от неё взгляд, продолжил играючи месить пекарную массу.

Из-за спины тестомеса с улыбкой выглядывал ещё один присутствовавший в зале невысокий человек румяного вида.

Справа от Дороти, где-то в далёком углу, хлопнула дверь. Рикки покинул здание.

Там же на мешках рядом с выходом лежал и явно похрапывал кто-то ещё.

– Давайте знакомиться, – уверенным и мягким голосом приветствовала присутствующих Дороти. – Я – Дороти. Вы, видимо, Олов.

Олов, руки которого не останавливались ни на мгновение, не сводя с неё глаз, медленно кивнул.

– Меня зовут Тиса. Тиса Мяк. – весёлым голосом сообщил румяный. – Я пекарь.

– Конечно, Тиса Мяк, – улыбнулась Дороти. – Рада знакомству. А там? Там кто-то спит?

– Там Крак. Он спит. Печь одну топим – дрова экономим. Крак вечером на утро печёт. А сейчас спит – что ему делать?

– Вот как, – констатировала Дороти. – А расскажите, как у вас вся работа устроена?

С самого начала ироничного рассказа Тисы о пекарне, в котором не было ни слова по сути дела, Дороти поняла, что

её не воспримут всерьёз, пока она не зарекомендует себя соответствующим образом. Прервав пекаря на полуслове, она стала задавать ему вполне профессиональные вопросы:

- У кого покупают муку?
- У кого начинку?
- У кого прочие ингредиенты?
- Откуда берётся вода?
- Где хранятся рецепты?
- Во сколько приходят сотрудники?
- Куда и через какое время девают старый хлеб?

И так далее...

Тиса отвечал ей всё более обстоятельно и, окончательно увлёкшись своим рассказом, отправился показывать печи, откровенно хвастаясь собой и сетуя на мизерные объёмы выпечки. Вернувшись с удовлетворённым пекарем обратно, Дороти попросила Олова рассказать о его работе и показать ей помещение склада со всем его содержимым.

С интересом для себя девушка отметила, что и на складе, и на кухне, было чисто и аккуратно, а значит, и Олов, и Тиса, и, видимо, Крак, обладают усердием, необходимым для успешной работы, и проблема здесь вовсе не в них.

И она начала действовать.

Первым делом Дороти вывесила на дверях объявление и изнутри закрыла пекарню на засов.

После этого она кликнула Олова и велела везти мусорную тележку прямо в торговый зал. Тот, не задавая вопросов, прикатил объёмистый грязный ящик, и они втроём выбросили всю выпечку, какая лежала в витринах –

та была явно старой, а часть уже дурно пахла. Всё, что испортилось в пекарне и на складе, тоже пошло на выброс.

Когда Олов покатил ящик на задний двор, Тиса, крихтя, заявил, что хозяин не одобрит такого перерасхода – ведь новой муки не будет, пока старые хлеба не разойдутся, а выброшенная начинка, лежавшая тут с прошлого года, так и вовсе раритет и местная семейная реликвия...

– Успокойся. – ответила Дороти, – Он тут теперь не командует. Тут теперь команду я – а значит, хлеб будет свежим, и мука на это точно найдётся.

Немало удивившись такой узурпации власти, пекарь, тем не менее, поутих.

Они вместе промыли и протёрли витрины, после чего Дороти отправила Тису за краской, обстоятельно объяснив ему, какую надо купить, и что никак нельзя забыть про кисти. Деньги она выдала ему сама и, записав сумму в небольшой деловой блокнот, велела пекарю вернуться обратно с квитанцией.

Возвратившись с покупками, Тиса застал Олова и Крака передвигающими витринные стеллажи, торговые стойки и столы. Дороти стояла на высоком барном стуле, прислонившись спиной к входной двери, и, сверху обозревая помещение, указывала тестомесу, куда какую мебель переставить. Когда всё стояло на нужных местах, довольная девушка слезла с возвышения и объявила:

– Я понимаю, что с утра в ваши планы не вписывалась эта реновация, но если мы не сделаем этого сегодня, завтра мы не сможем открыться. А каждый день очень дорог! Поэтому прямо сейчас я занимаюсь влажной уборкой оконных стёкол, Тиса и Крак аккуратно красят витрины, Олов чистит и красит стены и потолок. После этого я крашу

торговые стойки, Тиса – столы, а Крак и Олов стулья. И под конец моем пол. Но! – поспешила добавить она, – Это не всё. После этого перемещаемся в пекарню и Олов готовит тесто, Тиса и Крак пекут весь ассортимент по отобранным мною рецептам, а я выдвигаюсь за необходимыми продуктами и свежим льдом.

Сотрудники пекарни Рикки Пая смущённо переглянулись. Суеты сегодня уже было больше, чем за пару предыдущих декад, и никакого энтузиазма озвученное предложение не вызвало.

– Давайте так, – Дороти пошла ва-банк. – До настоящего дня вы теряли своё время в унылом, никчёмном месте, которое и пекарней-то не назвать, без каких либо надежд на интересную работу, обозримые перспективы и хороший заработок.

Олов слегка кивнул, и подметившая это Дороти уверенно продолжила:

– Постоянных покупателей тут не бывает, одноразовые посетители не возвращаются никогда, даже если им предложить доплату, а высоко зарабатывающие деловые просто обходят этот угол площади стороной. Если для вас это норма, то значит, я в вас сильно ошиблась. Вы можете покинуть это место раз и навсегда, найти что-то похожее и где-то там продолжить терять своё время.

Дороти, конечно, храбрилась, ведь если всё пойдёт не так, как ей захотелось, наутро именно её первой выставят за порог.

– Однако! – продолжила она без паузы, чтобы никто не смог её прервать. – Если вы останетесь, то будете вознаграждены не только успехом нашей совместной работы, не только своим местом в будущей лучшей городской пекарне

и не только выросшим личным доходом – вы будете вознаграждены собственной гордостью за то, что нам с вами это удалось!

Дороти выдохнула и вопросительно уставилась на троих озадаченных аборигенов.

– Всё это чушь, – первым откликнулся Крак. – Теперь вместо параноика Пая тут шибанутая дамочка, решившая стать командиром. Пойдёмте, парни – будет время проспать.

И, прошагав мимо посторонившейся Дороти к двери, пекарь отодвинул задвижку.

– По пиву? – он оглянулся и подмигнул Тису и Олову. – Вы как?

Тиса, оттопырив губы и задрав глаза вверх вправо, прикидывал что-то в уме. Носок его башмака нетерпеливо отбивал по камням какой-то ритм. Олов, напротив, был недвижим и хмуро смотрел куда-то вниз.

– Вы, парни, совсем одурели? – взвизгнул Крак. – Она вас дурачит! Шкафы тут не так стоят... Да как ни поставь – место тухлое. Оставайтесь, коли первой попавшейся юбке командовать позволяете.

Он помедлил ещё. Хмыкнул и плюнул на пол.

– Я пошёл. Пропадайте. – и хлопнул дверью – аж стёкла зазвенели.

Дороти задвинула засов и обернулась.

– Может, чаю? – спросила она, чтобы разрядить обстановку. Поболтаем и поделимся идеями.

– Отлично! – воскликнул Тиса. – Сейчас принесу. Олов, двигай стол к прилавку.

К утру зал было не узнать. Гладко покрашенные в мятный цвет стены и белые витрины претендовали на мнение о новизне всего помещения. Серые камни пола были начисто отдраены, а ступени крыльца практически блестели в утреннем свете. Удивительно прозрачные оконные стекла, обрамлённые по верхней границе накрахмаленными занавесками, приятно контрастировали с ярким канареечным фасадом.

Всю ночь Дороти никому не давала расслабиться. Когда была закончена окраска, как и планировалось, пора было месить тесто и печь новый хлеб и пироги. Ограниченный набор начинок, уцелевших после приборки – яблоки, морковь и изюм – позволял приготовить совсем небольшой ассортимент выпечки. Однако ночью у торговок, знакомых Тису, удалось купить мёд, патоку и ядро земляного ореха, что значительно увеличило число пирогов и сладостей.

Из витрины были убраны все объявления, выскоблены или заменены поддоны и разложен свежий искрящийся лёд.

Наступило утро и они, совершенно иные, готовы были принять новых покупателей.

Дороти прикрыла окна после длительного ночного проветривания, перевернула табличку «ОТКРЫТО» на распахнутой настежь входной двери, поправила салфетки на столах и, опустив прилавок, внимательно наблюдала за происходящим снаружи.

Теперь, когда стёкла в пекарне в кои-то веки стали прозрачными, было хорошо видно, как много горожан проходит мимо, по привычке не обращая внимания на знакомую своими несъедобными произведениями пекарню.

Но не прошло и десяти минут, как прибежал пацан, который был вчера с поручением «принести непременно свежий пирог с морковкой для мистера Оакхарта». Он несколько смутился, не найдя за прилавком привычно безразличной физиономии, однако быстро собрался с мыслями и громко заявил:

– Пирог с рыбой для мистера Оакхарта. Только свежий. Чтобы гости не мучались!

– С рыбой пирогов сегодня нет, – добродушно ответила Дороти. – Рыба вчера испортилась, а новую ещё не принесли. Будут позже. Может, гостям мистера Оакхарта понравятся свежие яблочные пироги?

Пацан удивился и, расширив глаза, переспросил:

– Здесь выбросили то, что испортилось? Вы уверены?

– Я уверена, – покачала головой Дороти. – Сама выбрасывала.

– Старую рыбу не закатали в пирог? Рыбу, ту, что испортилась, выкинули? – ещё раз уточнил пацан.

– Я абсолютно уверена в этом. – снова покивала Дороти.

Пацан ещё раз недоверчиво на неё зыркнул, огляделся вокруг, ещё больше расширил глаза (Дороти уже начала опасаться, как бы они не выпали) и выбежал на крыльцо. Он задрал голову, так, что его кепка спала и глухо стукнула козырьком о ступени. Убедившись, что не ошибся заведением, пацан подобрал кепку, напялил её на себя и вернулся к прилавку.

– Мистер Рикки Пай умер? – серьёзно посмотрев на Дороти, спросил он.

Дороти засмеялась.

– Нет. Просто теперь тут заведу я. Меня зовут Дороти. Передай мистеру Оакхарту этот пирог и наилучшие пожелания. Оплаты не надо – это презент от пекарни.

С этими словами она завернула в пергамент половинный яблочный пирог и передала мальчишке.

Тот всё ещё недоверчиво взял свёрток и принялся. Внимательно посмотрел на Дороти и снова втянул носом запах, идущий из свёртка.

– Хочешь попробовать? – спросила Дороти. – У меня есть пара кусочков на пробу.

Пацан кивнул, и она выложила перед ним два небольших квадрата.

– Один с яблоками, как тот, что у тебя, второй с морковью.

Кусочки быстро пропали в зубастом и, видимо, по-юношески голодном рту. Чуть прожевав пирог, глаза мальчишки восторженно уставились на Дороти, и на лице расплылась широкая довольная улыбка. Благодарно кивнув, пацан утёк так же быстро, как и появился.

Новости, которые были действительно новостями, в Рутине всегда имели форму сплетни, и от того распространялись с соответствующей сплетням скоростью.

Выпеченные в ежедневном количестве пироги закончились уже к полудню. Как сказал Тиса, обычно этого хватало дня на три. Поэтому пекарю пришлось будить тестомеса, второй раз за день замешивать тесто и печь вторые пироги. После бессонной ночи пекарь еле-еле держался на ногах, и к вечеру, когда закончилась и вторая партия, третью он уже осилить не смог – мертвецки спал у печки прямо на дровяных вязанках.

День клонился к завершению. Деловые, захватившие площадь в своём дневном гоне, сменялись неспешными горожанами, прогуливающимися по вечерней мостовой в одиночестве или группами. Дороти зажгла в торговом зале несколько масляных светильников, и снаружи пекарня стала походить на светящуюся всеми огнями застеклённую палубу прогулочного парохода, разрезающего в наступающих сумерках просторы Овальной площади. И это приманило вечерних покупателей – как мотыльки на свет, они слетались к открытым дверям, а уж там, околдованные чудесными ароматами, безвольно устремлялись к витринам.

В это время по лестнице между пекарней и складом сверху спустился выпавшийся Рикки Пай. И первое, что он увидел перед собой – спящего за месильным столом Олова и свернувшегося на полешках Тису.

Громкий крик отвлёк Дороти от разговора с очередным покупателем:

– Лентяи! В моей пекарне вы, проходимцы, совсем не работаете! Только деньги с меня и трясёте! Корми вас... – с этими словами Рикки отбросил ширму и свирепо шагнул в торговый зал.

В зале было несколько посетителей, которые стояли у витрин и прилавка и были заняты выбором. Один из них застыл с протянутыми деньгами. В тот момент, когда перекошенное злобой лицо Рикки показалось из-за ширмы, все разом подняли на него глаза и замерли в удивлении. Только Дороти, как ни в чем не бывало, сдала сдачу, завернула пирог и милым голосом сказала:

– Приятного аппетита, приходите к нам ещё. Пекарня всегда рада видеть вас снова.

Рикки Пай был в шоке. Одновременно четверых покупателей в зале пекарни он не видел очень-очень давно. Кажется, прошлый раз это было на день изгнания всех ведьм – тогда в городе было полным-полно приезжих. А возможно, он путает, и такого не было никогда. Поэтому, кое-как поставив отлетевшую в сторону ширму на прежнее место, он развернулся, ушёл в пекарскую и по лестнице поднялся к себе.

Лишь к позднему вечеру, когда Дороти закрывала пекарню, Рикки вновь показался из-за ширмы.

– Наторговалась, надеюсь? – слегка язвительно спросил он, и, не дожидаясь ответа, открыл коробку с деньгами.

Чтобы не случилось подгиба обеих ног за раз, Рикки присел на стоящий рядом табурет.

– Я уже всё подвела, – откликнулась Дороти. – Там отдельно, в пергамент, завернута ваша половина. Пересчитайте.

Рикки пересчитал. Пересчитал ещё раз.

Он исподлобья посмотрел на Дороти, убрал свёрток куда-то за пазуху и, ничего не говоря, встал, повернулся и вышел. Лишь поднимаясь по лестнице, он хищно улыбнулся и потёр руки.

«Нельзя отказать мне в умении нанимать правильных работников», – подумал он.

Через четыре дня пьянство Рикки Пая достигло такого размаха, что казалось, будто желчь его льётся в пекарню напрямую через вентиляцию. Это, разумеется, мешало продажам. Дороти поругалась с ним в хлам и ультимативно поставила владельца перед выбором.

Спустя одну декаду Рикки Пай съехал в отдельные арендованные апартаменты – деньги ему позволяли.

Комнаты наверху освободились. И хоть грубый владелец не разрешал их занять, Дороти уже с тех пор задумалась о том, как ей использовать второй этаж с максимальной полезностью.

Арка, конечно, очень сильно удивилась, когда на дне украденной торбы увидела четыре спящих тельца. С первого взгляда было понятно, что это не какие-то странные младенцы или щенки – она как-то раз уже видела квинков издалека (фу, мерзкие создания). Второй раз в сумку воровка заглядывать не стала: из неё воняло так, что глаза слезились ещё пару минут, пока она торопливо обдумывала сложившуюся ситуацию. Квинки – это, конечно, не деньги и не богатство в прямом смысле этих слов, но они точно представляют весьма значимую ценность. Возможно – их можно продать; вполне вероятно – их можно очень выгодно продать.

Арка покрепче завязала толстый шнур сумки и принялась обдумывать свои дальнейшие действия. Можно было пойти домой и выспаться, но она-то рассчитывала, что в сумке будут деньги, и можно будет спокойно расплатиться с клоунами, или что там будут какие-нибудь драгоценности, или еще что-нибудь такое, чем можно откупиться от этих опасных идиотов прямо сейчас. Однако квинками просто так не расплатишься. Квинки сами по себе ценны и редки, и если им отдать даже одного из четверых, то это слишком дорого для этих балбесов.

Именно поэтому Арка решила, что домой не пойдёт, а вместо этого отправится туда, где прямо сейчас можно с выгодой избавиться от этой мелкой пакости.

Она была уже достаточно далеко от Рыночной площади, но знала, как переулками добраться до места отправки на Чёрный рынок. «Добегу очень быстро – всего за четверть часа», – думала она, покидая вонючий камень.

К сожалению, реальность не всегда соответствует ожиданиям, и Арка умудрилась столкнуться с, возможно, фатальным несоответствием.

Нырнув в очередную щель между домами, в лучах ночного света она увидела, как напротив в проёме всплыла и остановилась тёмная округлая фигура, преграждающая её дальнейший путь. Арка отступила назад, оглянулась – и тут же шёпотом ругнулась. Путь к бегству тоже был отрезан – худая тонкая тень загородила щель, в которую она только что бежала.

Упала пара капель, и нарочно ждавший трагичного момента дождь обрушился на город со всей силой.

Арка осмотрелась, прищурившись. Конечно, в темноте, да ещё и по мокрым стенам такое вытворять не слишком умная затея, но...

Она не стала продолжать думать, насколько это опасно; просто крепче зажала сумку в зубах, оттолкнулась от пустой бочки и кошкой прыгнула вверх. Закрытые ставни протяжно заскрипели, и Арка понадеялась на прочность петель, нащупывая, куда бы сунуть ногу. Стоило только убедиться, что в ближайшее время она никуда не упадёт, и Арка подтянулась на руках, хватаясь за оконную решётку второго этажа. В ногу угодил острый камень, и она промычала что-то нечленораздельное. Схватившись наконец

за скользкую от дождя черепицу, Арка закинула ногу, и, пыхтя, но не забывая, впрочем, крепко сжимать сумку зубами, влезла на крышу полностью. Подползла к коньку. Отдышалась, откинув голову назад. Обернулась.

Сиротливая и незнамо когда оставленная ею сумка медленно ползла к краю.

Арка бросилась назад, напрочь забыв об опасностях падения с такой высоты. Скользя по скату, она должна была успеть – скорость позволяла, – но треклятая котомка не дождалась, и пальцы проскользили в пустоте, где миг назад ещё болтались кольца толстого шнура. Самое неприятное, что не поймавшая сумку девчонка продолжала скользить к отвесу. Извернувшись в последний момент, она повисла на ненадёжном водостоке и поглядела вниз.

Клоуны залились злобным хохотом. Ляпонька бросился к сумке и тут же пронзительно взвизгнул

– Тут крысы! Выкус! Противные скользкие крысы!

– Да пусть на них. Что в сумке?

– Она пуста!

Арка с грустью ухмыльнулась. Она подтянулась и вновь оказалась на мокрой крыше дома.

– Спускайся, – закричали снизу. – Отдай нам нашу часть и будь свободна.

– Там и раньше было пусто, – крикнула им Арка, впрочем, не рассчитывая, что ей поверят. Снизу раздались угрозы и преотборная брань, но дальше препираться с преследователями было ниже её достоинства и, развернувшись, она поползла по скользкой кровле.

«И денег нет, и клоуны недовольны», – удручённо подумала Арка...

Дороти всегда любила бантики, и бантики отвечали ей полной взаимностью. Плоды их любви хорошо продавались. Особенно популярны были «Булочки-бантики», «Бантики с маком», «Плюшки с бантиком» и особый десерт «Шоколадные бантики». Даже простенькие печеньки «Безбантики» пользовались большим спросом.

Теперь, спустя пару лет, посетители пекарни «Пай & Сыновья» с первого посещения становились постоянными клиентами. Дороти, способствующая этому преобразению, немалую долю успеха приписывала именно рецептам «бантиков», которые она постоянно разрабатывала и улучшала совместно с пекарем Тисой.

Когда до конца рабочего вечера оставалось немного времени, звякнул дверной колокольчик. Зашёл высокий человек, по телосложению которого сразу было ясно – питается он хорошо. Смотря на заметную седину, Дороти предположила, что семья у него точно большая. Мужчина, явно торопясь, ткнул пальцем в стекло витрины и задумчиво протянул, даже не посмотрев на Дороти:

– Коробку «Шоколадных бантиков» и четыре «Бантика с маком», пожалуйста.

Накладывая булочки в пакет, Дороти поинтересовалась:

– Если не тайна, кому покупаете?

– Да жене, – простодушно ответил покупатель. – Последний сын женился и уехал...

– Поздравляю. – вставила Дороти, улыбаясь.

– Остались лишь четверо дочек. – закончил мужчина и измученно вздохнул.

Дороти моргнула сочувствуя, ей стало жаль его, и последнюю пару булочек она нарочно выбрала из тех, что побольше.

Когда покупатель ушёл, она присела на стул, и, ожидая закрытия, до которого оставалось совсем немного времени, свела продажи за день. В такое время лишь редкие спешащие домой горожане ещё ходили по улицам, но начавшийся дождь прогнал их, и Дороти поняла, что покупателей сегодня больше не будет.

Часы щёлкнули, и Дороти, невнятно бормоча себе под нос «Песенку ловца сачком»⁵⁷, собрала свою сумочку, закрыла входную дверь, опустила все жалюзи и, нахлобучив шляпу с жёлтым бантом, вышла через двери склада, заперев их на увесистый чёрный замок с двумя потайными секретками.

Дождь лил как из ведра. Перебежав Растратную улицу прямо по лужам, она спешила к остановке троллевоза, надеясь, что тот не ушёл раньше расписания.

Троль как раз накидывал ярмо. Сложив зонт, промокшая Дороти села на сиденье второго ряда и, помня о том, что сумку выпускать из рук нельзя, поставила её на колени. В сумке Дороти несла «Булочки-бантики»,

⁵⁷ Известная песня жителей равнин, повествующая об энтомологе Галитаке, родившимся, выросшим и выучившимся на равнинных просторах, отправившимся в горы ловить диких бабочек и по привычке в долгом забеге за прекрасным экземпляром «*Visoko-visoko Porhausa*» не заметившим края отвесного скалистого утёса. Будь то в нижней части утёса, энтомолог отделался бы разбитым лбом или сломанной ключицей – вполне вероятно, что ему даже досталась бы бабочка, раздавленная им и утёсом при их столкновении. Но с момента пересечения края верхней части утёса пути энтомолога и бабочки кардинально разошлись. Песня подробно описывает весь путь научного падения энтомологии в горных районах.

«Безбантики» и два «Бантика с маком». Троллевоз тронулся, и Дороти принялась отстранённо рассматривать намокший ночной город. На запах выпечки, разносящийся по салону, залезть в сумку Дороти готова была добрая половина пассажиров, и только уровень культуры не позволял им это сделать – ведь некультурный горожанин не мог ездить на троллевозе, о чём доходчиво доносили «Правила проезда в троллевозах Рутини»^{58 59}

К всеобщему счастью, тролли булочки не ели, а то телега, пожалуй, не тронулась бы вовсе.

Дороти, в какой-то момент осознавшая, что все носы в салоне обращены к её сумке, очень смутилась. Такое в общественном транспорте происходило с её булочками не впервые⁶⁰, и она, как всегда, немного переживая, опустила сумку чуть ниже, поставив её вниз к своим ногам.

Однако некоторые незамеченные окружающими пассажиры, скрывавшиеся под сиденьем сегодняшнего троллевоза, культурой не только не обладали, а в принципе не

⁵⁸ Тролли Рутини помешаны на культуре. Билеты театров, открытых залов и арен прочих культурных мероприятий зачастую на половину раскуплены именно ими. Все организаторы общественных сборищ (если это не спорт, предвыборная речь и бесплатная демонстрация с обязательным приобретением образцов) как минимум половину зала всегда отводят под тролле-сидячие места. При том, что билеты для них продаются втридорога (нормальному троллю и три-то места маловато, но как-то теснятся), заполняемость всегда стопроцентная.

⁵⁹ В частности правила гласили: «§ 4/2. Некультурно поведший себя горожанин или некультурно отреагировавший на некультурное поведение горожанин может быть вышвырнут из салона за любую попавшуюся под руку часть тела. Стоимость проезда, лечения, реабилитации и похорон не возмещаются».

⁶⁰ Вообще-то, всякий раз.

имели такого понятия. Они тихо залезли внутрь и уютно устроились среди выпечки.

Когда троллевоз по просьбе пассажиров затормозил на углу Каретной и Бриолиновой улиц, Дороти подхватила свою сумку, зонтик, и тоже сошла. Троллевоз застучал колёсами дальше по Каретной, а девушка направилась в свои покои, с самого приезда арендованные ею в местном частном пансионе.

Дорога была близка и хорошо освещена длинным строем чугунных масляных фонарей. Дождь всё ещё накрапывал, несмотря на это, прогулка по тихой ночной улице была весьма приятна, однако Дороти казалось, что усталость сегодня сильнее обычного – сумка тянула руку и будто стремилась к камням. И Дороти, не обращая внимания, донесла бы её до самого дома, если бы здесь, на тихой улице, даже сквозь звуки стучащего по лужам дождя не звучало такое отчётливое и противное чавканье. «Чавк-чавк. Чавк-чавк. Чавк-чавк-чавк», – звучало у неё из под ног. Дороти остановилась. Чавканье не пропало, оно было прямо под ней – оно доносилось из её сумки!

Она осторожно приоткрыла застёжки и ахнула. Со дна подклада на неё посмотрели семь наглых прищуренных глаз.

– Чё смотришь? Закрой, мы не доели, – раздался раздражённый хриплый бас. Дороти испуганно захлопнула сумку и почему-то огляделась. Из сумки снова послышалось чавканье. Девушка, привыкшая к неожиданным поворотам судьбы, отбросила идею отбросить сумку и решила разобраться со всем этим дома.

Придя в апартаменты, Дороти поставила сумку в ванную и плотно прикрыла дверь. За приготовлением ужина она решила, что «квинки (она, конечно, слышала о них ранее) – это интересно, и надо бы на них посмотреть». Размышляя, чем же их кормить, она припомнила, что они едят всё, что угодно. Поэтому, открыв для них четыре баночки пряной фасоли, она отнесла их на съедение мелким незванным гостям. Решив на ночь оставить их в ванной, а утром на свежую голову принимать решения, Дороти отправилась спать.

Утром, первым делом проверив своих постояльцев, девушка заулыбалась – квинки выпили вчерашнюю воду из тазика для мытья ног, которую заработавшаяся Дора забыла вылить. В нём же они и уснули. Она смотрела на мелкие хлипкие тельца и умилялась.

«Надо отправить их брату», – подумала Дороти. – «Тут, в городе, этих друзей не прокормишь. И – их надо назвать, они ж такие разные. Вот тот, одноглазый, пусть будет Пистоном. С длинными «музыкальными» пальцами, пусть Пальцами и зовётся. Тот, который постоянно попукивает, будет Пуком, а тот, что жрал в три глотки и грубил мне из сумки вчера, пусть будет Проглотом».

Дороти не стала ждать пробуждения квинков – как ей помнилось, на сытый желудок их можно не слышать декаду, но, для предотвращения конфузных моментов, принимая утренний душ, она аккуратно выставила тазик в комнату.

Собравшись, Дороти ещё раз взглянула на мирно спящие создания, улыбнулась, и, закрыв все окна и двери, отправилась на работу.

Глава 8. Поиски

Твёрдый холод мостового камня давил на лопатки шляпника всем его весом. Осознание этого заставило Ашморка очнуться. Вокруг было много народа с открывающимися и закрывающимися ртами, однако гулкая тишина не позволяла выхватить из пространства ни единого звука.

Склонившийся над упавшим ужасный клоун прикурковато улыбался и, видимо, что-то говорил. Слова постепенно проникали в сознание.

– Дедуля ушибся? – с намеренной издёвкой писклявил паяц. – Выспаться решил тут, на дороге? Тебе карету вызвать... или рикшу?

И под одобрительный смех окружающих добавил:

– Дяденька очень хлопушек боится! Пуганьем пуганый слишком!

Не обращая внимания на клоуна, Ашморк сделал усилие и сел, сопровождаемый дружным хохотом. Непонимающе оглядываясь по сторонам, он постепенно приходил в себя. Силой воли он отогнал тишину прочь и, ошарашенный шумом, ворвавшимся ему в уши, окончательно очнулся.

Мысль о сумке пронзила его голову острой стрелой в тот же самый момент. Он спешно огляделся, обшаривая руками мостовую, но вокруг были только ноги, мусор и чёрный холодный камень. Сумки не было нигде.

– Сумку! Вы не видели сумку? – закричал он толпе. – Такая коричневая, с длинным ремнём?

Ашмарк вскочил на ноги и стал хватать окружающих за одежду, задавая одни и те же вопросы:

– Вы не видели сумку? Сумку с длинным цветным ремнём? Сумку здесь, рядом со мною?

Клоун взвизгнул, и, неуклюже отпрыгнув прочь от шляпника, пропищал почти громогласно:

– Сумки берегите! Дяденька, видать, до них охотник знатный!

Толпа, до этого плотным кольцом окружавшая место представления, бросилась в рассыпную, как стадо от хищника.

– Где моя сумка? – заорал Ашморк оставшемуся ближе всех к нему клоуну. – Где она? – повторял он, наступая на полненького артиста, на лице которого застыла издевательская насмешка.

Толпа, отступившая ранее, с интересом наблюдала за происходящим с некоторого расстояния.

Клоун молчал глядя на надвигающегося противника, и не думая ретироваться. В какой-то момент это смутило нападающего, но решив, что клоун точно должен был видеть куда пропала сумка, он продолжил движение... И весьма болезненно поплатился за это.

Второй клоун, о котором Ашморк совсем забыл, подобрался к шляпнику со спины и дал ему такого тычка в шею, что тот, покотившись кубарем, едва не задохнулся.

Вновь оказавшись распластанным на камнях, Ашморк зарывал от бессилия. Он поднялся на четвереньки и с трудом встал. Рассеянно посмотрев в спины уходящим паяцам, он решил не преследовать их. Никакой сумки у них, конечно, не было – один нёс под мышкой сложенный плакат-вывеску, а второй перекинул через плечо сетку с шарами и прочей разноцветной мелочью. Ашморк было почувствовал угрызения совести за то, что незаслуженно обвинил простых

уличных артистов, однако боль в шее и перенесённое унижение вскоре избавили его совесть от подобного обязательства.

Сумка, однако, была так и не найдена.

Толпа зевак, наблюдавшая всё происходящее, всё так же настороженно смотрела с безопасного расстояния.

– Сумка где? – кричал он жестокой и безразличной толпе прямо в лицо.

– Ты! – показал он пальцем на ухмыляющегося долговязого парня в серой клетчатой кепке. Тот, не скрывая своего веселья, потешался над ситуацией. Толпа в ожидании новых впечатлений отхлынула от нового участника событий и зашепталась. Кто-то, кого шляпник даже не видел за головами, выкрикнул:

– У него она. Точно у него..!

В толпе прокатилась волна хохота.

– Где моя сумка? – заорал Ашморк, окончательно потеряв голову, и бросился к парню. Тот, даже не думая ретироваться, просто вовремя выставил вперёд свою здоровенную длинную ручищу с твёрдым как наковальня кулаком. Налетев на этот кулак со всей своей скоростью, шляпник ахнул, осел, и вновь оказался на камнях. Головной убор, слетевший во время удара, остался лежать прямо перед обидчиком. Тот поддел его ногой и пинком отправил в сторону Ашморка. Толпа снова глухо захохотала и, очевидно, решив, что теперь представление точно закончено, стала расходиться.

– Я дам награду за эту сумку. Постойте! Всякому, кто принесёт мне эту сумку прямо сейчас, я лично выдам целый серебряный! Да даже если вы знаете, у кого она, я дам вам

серебряный... – всё это шляпник твердил уходящим вдаль спицам окончательно севшим, охрипшим голосом.

В скором времени он остался один сидеть на чёрных камнях на перекрёстке Бурой улицы и Окружной аллеи. Впавши в оцепенение, он не видел и не слышал ничего вокруг. Проходящий мимо джентльмен бросил ему медную монетку: она звонко стукнулась о камень и аккуратно приземлилась в его цилиндр. Закапал дождь, и совсем скоро жилетка шляпника промокла насквозь, а его правая нога потонула в собравшейся на брусчатке холодной луже.

– Её украли. – сказал Ашморк, как отрезал, вбивая слова в голову, будто гвозди. Он поднял цилиндр и перевернул его; на подставленную ладонь выпала мокрая потёртая монетка. – Вот и всё, что осталось от меня – и моего состояния. – пустым, лишённым эмоций голосом прокомментировал он.

Добавлять было нечего.

Сначала Ген сидел голодным. Мастер велел ждать его к обеду, но так и не появился.

Будучи несколько обиженным на то, что взрослые не взяли его с собой на Чёрный рынок, вероятно преувеличивая возможные последствия, Ген съел всё, что было приготовлено на обед и для него, и для мастера. Это несколько уняло голод, но не обиду.

Однако, когда солнце красным шаром висело уже над самой крышей раскидистого постоянного двора, находящегося чуть дальше по Бурой улице, Ген забыл про обиду и начал испытывать озабоченность собственным одиночеством.

В нетерпеливом ожидании, устав постоянно выходить на крыльцо, он просто сидел прямо на нём, увлечённо болтая с прохожими на самые разные темы...

Если не брать во внимание отсутствие мастера, это, пожалуй, был один из самых приятных дней в нынешнем году – Ген и не помнил, когда он так беззаботно проводил рабочее время (то время, когда светло). Эта лёгкость напомнила бы ему детство, если бы в детстве такие дни случались.

Смеркалось. Ашморк не появлялся. Это было странно и подозрительно. Опоздание на обед шляпник считал непростительной вольностью, но «прогулять» ужин выходило за все границы приличия.

В раздумьях и безделье Ген ёрзал на крыльце ещё довольно продолжительное время, пока совсем не стемнело. Закапал дождь, и Ген уже было открыл дверь, чтобы укрыться в мастерской, когда заметил бегущего к нему мальчишку.

– Дядя твой... – пробормотал запыхавшийся Диль, – Там. Дерётся.

В любое другое время Ген расхохотался бы в лицо всякому, кто пытается его разыграть, но сейчас физиономия товарища могла убедить даже Страха.

– Дерётся?

– Ага. Дерётся.

– Сам?

– Что сам?

– Сам дерётся?

– Конечно, сам. А ты думаешь, он кого-то за себя драться позвал?

– Э... – уж настолько это расходилось с действительностью, в которой Ген знал Ашморка, что

добавить что-то по существу мальчишка не смог. Он застыл, приоткрыв рот, и в изумлении замер, глядя на гонца.

– Я промок. И мне домой надо. Пока. – и Диль отправился дальше, неуклюже и почти безрезультатно оббегая попадающиеся под ноги лужи.

– Где он? – прокричал Ген ему вслед.

– На Окружной! – крикнул в ответ убегающий друг.

Закрыв дверь, Ген щёлкнул ключом и, уже полностью мокрый, побежал в сторону Рыночной площади.

Дождь набирал свою силу.

В хорошую погоду фонари, окольцевавшие Рыночную площадь, мягко освещали Окружную аллею, отгораживая цивилизованную часть ночного города от анархии, царившей в темноте торговых рядов. Однако сейчас их свет едва добирался до середины брусчатки, смываемый тяжёлыми холодными каплями на чёрные камни.

Выбежав на перекрестие, Ген старался высмотреть что-либо сквозь серые стены дождя, но тщетно – в освещённой части аллеи было пусто, а со стороны домов царила непроглядная тьма, местами прерываемая размытыми пятнами окон. Наугад повернув налево, мальчишка двинулся сквозь темень. Струи дождя стекали по его лицу, затекая в глаза, ухудшая и без того отвратительную видимость. Ген поднял обе руки и сложил их козырьком на лбу. Большие пальцы плотно обняли виски, а указательные прижались ко лбу, и вода перестала попадать в глаза. Удовлетворённый результатом, мальчишка двинулся дальше.

– Дя-я-я-дя! Где ты?

«Даже если какая-то потасовка произошла – во что, конечно, верится с трудом... – тут должна быть толпа зевак и

болельщиков. Если никого тут нет – нормальным зрителям рутинных драк подобный дождь вовсе не помеха – значит, или всё довольно давно закончилось, или ничего и не было – хотя Диль был поразительно убедительным», – размышлял парнишка, осматриваясь по сторонам.

По освещённой стороне аллеи промчалась повозка, шумно разбрызгивая содержимое пересекаемых ею луж. Невольно повернувшись в её сторону, Ген замер, вглядываясь в то место, которое она только что покинула. Там, на досках, покрывавших старую кованую скамью, сидел Ашморк Хеддерсон. Его прямая спина была похожа на столбик с объявлениями, какие в большом количестве стоят в местах скопления горожан по всей Рутине. Оттого мальчик и не приметил его с самого начала.

Руки шляпника лежали на коленях, голова была опущена, а стоящий рядом перевёрнутый цилиндр уже переполнился, и вода стекала с полей круглым аккуратным водопадом.

Ген, решивший, что в упомянутой драке дяде, очевидно, досталось по полной, осторожно приблизился и заглянул ему в лицо. Твёрдое лицо мастера было таким же, как обычно, только струйки воды ручьями стекали с его волос.

– А мне сказали, что вы подрались. – с разочарованием произнёс подмастерье и сел рядом.

Ашморк даже не взглянул в его сторону. Вместо этого, смотря куда-то вдаль, он трагично и устало произнёс:

– Её украли.

– Кого – её? – недоумевающе переспросил Ген.

– Сумку. – Ашморка передёрнуло, и с его носа упала очередная тяжёлая капля.

– Какую сумку? – только тут до Гена дошло: – Которая с чёрного рынка? А квинки? Вы их купили?

Лицо шляпника было каменным.

– Они были в сумке? Их что, украли? Сумку с квинками?

Ген схватился за голову.

– Вы дрались с вором? Прямо здесь? И никто вам не помог? И стражи рядом, как обычно, не было?

Тут мальчишку пронзила следующая догадка:

– Их было несколько! Они так делают... Дядя, мне жаль, что вам тут досталось. А где был волшебник?

Ген всё смотрел в лицо мастера и, не видя никакого отклика, решил, что для расспросов сейчас не лучшее время, а место и погода вообще никуда не годятся.

– Пойдёмте домой. – сказал он, вставая и беря шляпника за руку. – Пойдёмте домой.

Ашморк, к удивлению Гена, без всякого сопротивления поднялся и, ведомый мальчиком, двинулся в сторону Бурой улицы.

Поняв, что они что-то забыли, мальчишка обернулся и, выпустив дядину руку, вернулся к скамье. Он перевернул цилиндр, вылив из него всю воду, и догнал Ашморка.

Всю дорогу до мастерской шляпник прошёл молча. Ген же, не вполне составивший себе представление обо всём произошедшем, пытался дополнить картину, задавая всевозможные вопросы и тут же давая на них всевозможные ответы.

Подходя к крыльцу, мальчишка был убеждён, что ростовщик и волшебник, сговорившись, наняли приезжего мошенника сделать невозможный заказ. Они же подстроили

ограбление с избиением, подослав известную банду Кричащего Крота – «КейКей». Квинки, конечно, тоже были подставные, поскольку настоящих никто (в лице Гена) никогда не видел. А вся развязка, безусловно, была подгадана к ночному проливному дождю!

Проложив мокрый след через зал мастерской, лестницу и гостиную, Ген усадил Ашморка на кровать. Еле-еле он стащил с абсолютно мокрого мастера оба ботинка, но ни брюки, ни, тем более, жилетку, без боя отобрать не представлялось возможным. А поскольку сегодня на долю шляпника уже выпала одна драка, вторую Ген предпочёл не устраивать⁶¹.

– Дядя, ложись. Завтра вчерашнего лучше.

После этих слов он оставил сидящего на кровати мастера, закрыл дверь и отправился к себе переодеваться.

Спустившись в гостиную сухим и повеселевшим, мальчишка решил, что без крепко заваренного тёмно-острого напитка, согревающего в любую стужу, этот длинный и насыщенный день закончится никак не может. Растопив печь парой небольших дровишек, Ген поставил на конфорку наполненный водой заварочный горшочек. И пока потрескивающий огонь снизу лизал чёрный чугун и прокопчёное дно, он, развалившись в кресле, вновь расслабился в приятном безделье.

«День можно считать идеальным...» – улыбнувшись, подумал мальчик и, посерьёзнев, вздохнул. – «Если б только не пропавшая сумка...»

⁶¹ Кто его знает, чем закончилась первая – дядя-то, вон, совершенно не тронутый...

Проворачивая в уме все теории относительно произошедшего, он всё больше и больше убеждался в существовании подлого, хорошо продуманного заговора.

Бурление заварочной воды отвлекло его от размышлений. К его удовольствию, тёмно-острый напиток готовился весьма просто: в кипящую воду добавляется один лист тёмного дерева и тонкий срез острого корня. Оба ингредиента должны быть одинакового размера. Крепость регулируют количеством воды.

В распоряжении Гена были заранее приготовленные составляющие по форме чуть больше серебряной монеты. Таких как раз хватало на две порции вскипевшего заварника.

Для подмастерья особенным удовольствием этого вечера было то, что делиться второй порцией ни с кем не надо, а значит, после первой небольшой кружки крепкого горячего удовольствия будет вторая кружка такого же крепкого и горячего удовольствия. И от этого первая кружка становилась «не последней», а значит, особенно вожденной и приятной!

«Кружка вечерней свободы!» – думал мальчишка, вернувшись в уютное кресло.

Пока он потягивал крепкий напиток, размышления о пропаже отошли на второй план. Сейчас он представлял, как поставит дядю перед фактом: надо, мол, заварочный чайник наподобие гостевого завести, чтобы на четыре порции хватало, или хотя бы на три, если дяде по-прежнему будет достаточно только одной. Что заварочник для этого надо купить чугунный (в лавке напротив), или вообще медный (и такой есть). И греть его только тут, не в камине над углями (растопи его сначала), и не на этой печи (большой и неуклюжей), а на специальной настольной печке с

дымоотводом (такую он видел у Музуса). Что листы и срезы брать упакованными наборами и обязательно порознь (на рынке есть коробками по пять десятков и даже поболее), а не россыпью вперемешку с пылью и грязной соломой (приходится потом их вручную рассортировывать).

За первой кружкой, когда жар уже широко растекался по его спине, Ген тут же налил себе вторую, вернулся в кресло и продолжил размышления на тему планируемого тёмно-острого бунта...

Стон, повторившийся особенно громко, разбудил мальчика в самый неподходящий момент. Ровно в тот торжественный и великий момент, когда рутинцы, признавшие ум и талант приехавшего к ним из недалёких равнинных деревень молодого гения, вручают ему ключи от Верхнего и Нижнего порта. Ключи эти, соединённые меж собой кольцами, вкладывают ему прямо в руки. Ключи тут же растут у него в руках и становятся тяжёлыми корабельными якорями, придавившими его целиком. Он не может кричать, он не может дышать, он стонет...

Стон, не такой громкий как во сне, раздавался из-за двери спальни.

Чуть не выронив опустевшую кружку, Ген нехотя поднялся, тихонько подкрался к двери и осторожно её приоткрыл. Было абсолютно темно. Плотные шторы плотно задёрнуты, а свечи, которые обычно зажигал шляпник, в эту ночь остались нетронутыми.

Ген вернулся к печи, взял с полки масляный фонарик и подпалив лучину от ещё красных углей.

Войдя в спальню дяди, он обнаружил его лежащим под одеялом. Одежда, включая так тщательно оберегаемую

жилетку, мокрой бесформенной кучей валялась у кровати. Дядя стонал сквозь сон и выглядел очень бледно. Губы его были сухими. Глаза хаотично двигались под не полностью прикрытыми веками.

Как когда-то делала его мать, Ген приложил тыльную сторону ладони к большому белому лбу. У дяди явно был жар.

– Селири прала котонка мал... Залока рыс... Надо ыта... – пробормотал шляпник. – Пустошь виляет ласть...

Глядя большими глазами на мастера, Ген растерялся. Постояв немного в размышлениях о дальнейших действиях, мальчишка принял решение. Он поднялся к себе, тепло оделся и, заперев входную дверь, поспешил на Соседнюю улицу.

Квартальный врачеватель Грив постоянно обхаживал их мастерскую с предложением полного поверхностного осмотра и постановки честных несмертельных диагнозов. Однако скупой Ашморк всякий раз отправлял его дальше по улице, говоря вежливое «в соседнем заведении вы будете максимально полезны» или же ироничное «на этой декаде всех уболевших собирают у Ногса», а иногда, будучи не в духе, краткое «не сегодня». При этом Хеддерсон всякий раз пояснял Гену:

– Толку от несмертельного диагноза ни на грош – лечить-то он всё равно его не станет, потому, что не умеет. Никто из местных, сколько ни лечились у этого Грива, ни от чего так и не вылечились. Викбург – как уж он мучился со своей ногой, на которой пальцев недостаёт, а так и хромает на неё. Миссис Карн как с трясучкой ходит уже лет десять, так и ходит, сколько примочек, процедур и обёртываний он ей ни делал, сколько денег она ему за это ни заплатила. А Капс, вот уж кто спускает все деньги на этого врачевателя: – ему чего только не делали: и примочки, и настойки, и мази лечебные, и

даже разговорные перерывы. И что? Ничего. Капс, как смотрелся всегда молодцом, так и смотрится, хотя парню уже семьдесят отсчиталось. Ничего его не берёт, даже Грив бессилен. Уж я не говорю о Шлании Вант, владелице прачечной. Вот кто больше всех пострадал от этого шарлатана. Спина у неё, конечно, теперь не болит, но лишиться такого степенного мужа в одночасье по совету проходимца-завсегдатая... А какие мистер Вант заказывал цилиндры... И где он?... Уж я молчу о Ногсе – как был балбесом, так и остался, сколько у Грива не бывал. Даже кепку не носит – лысину прикрывать. Ну а от смертельного диагноза, который, кстати, этот ротозей ни разу не поставил, пользы и вовсе никакой. Рассказывают, что квартальный врачеватель на Банковской...

Подобные разговоры затягивались надолго, если хозяина ничто не отвлекало, и Ген вынужден был слушать одни и те же доводы всякий раз, когда Грив набирался смелости в очередной раз постучаться в двери шляпной мастерской.

Однако в эту тяжёлую минуту Ген решил, что поскольку дядя не сможет никак возразить, а состояние его, вполне вероятно, способно ещё и ухудшиться, ответственность за его здоровье должна быть переложена с юных мальчишеских плеч на плечи знающего, умудрённого опытом врачевателя. Независимо от дальнейшего развития медицинских событий.

Дождь, к счастью, прекратился, и мальчишка уже очень скоро дёргал засаленный колокольный шнурок на выцветшем обветшавшем крыльце двенадцатого дома по Соседней улице.

Квартальный врачеватель Грив, годы которого давно перевалили за весьма почтенный для рутинца рубеж, внимательно выслушал полный рассказ молодого человека, задал все необходимые на его взгляд вопросы и также внимательно выслушал каждый ответ, уточняя его по ходу повествования. Его крючковатый нос прижимался к верхней губе и прятался в гуще усов. Уши старика были большими и, несмотря на возраст, улавливали всё произнесённое Генom. Видимо, убедившись, что он ничего не упустил, лекарь велел мальчишке ждать на пороге, а сам отправился «собираться к недужному». Грив собирался так долго и так тщательно, будто возвращаться домой уже никогда не планировал. Совершенно уставший от нетерпения Ген, усевшийся прямо в проёме двери, уже успел задремать, когда врачеватель, наконец-то собравший свой саквояжик, ткнул его тростью.

– Ведите меня, горожанин, – торжественно прокрихтел Грив.

«Будто ты дороги не знаешь», – мысленно буркнул Ген, но будучи рад окончанию сборов, вслух ответил:

– Идёмте, конечно.

Как оказалось, порадовался он рановато. Ещё столько же времени они потратили на дорогу до мастерской, потому как попутчик из врачевателя был примерно такой же, как из черепахи или небольшого валуна. От этих двоих неспешного знахаря отличала разве что бесконечная и безудержная болтливость.

К тому моменту, как они наконец-то дошли до мастерской, Ген знал диагнозы всех окрестных жителей, их гостей и родственников на три-четыре поколения вглубь. Впустив Грива в двери, Ген вновь закрыл их и, указывая дорогу, первым поднялся по лестнице.

Поднявшись за ним и войдя в спальню Ашморка, Грив тяжело дышал, его ноги подгибались и, подойдя к больному, он грузно и устало плюхнулся в услужливо подставленное мальчишкой кресло.

– Что с ним, голубчик? – с расстановкой спросил он Гена. – Я отсюда разглядеть не могу.

Ошарашенный Ген обомлел. Если с ушами врачевателя всё было в порядке, то память им явно проигрывала.

– Э-ээ... – начал мальчишка, – Ну, вы понимаете, он лежит... стонет... бредит... у него горячий лоб...

Ген весьма кратко перечислил симптомы и перевёл взгляд на Ашморка.

– А ещё он только что потерял состояние всей жизни...

– Состояние? Жар? Бредит? – переспросил Грив, наклонившись ближе к Гену. – Нам помогут только кляпки⁶², – решительно сказал он и добавил, пожатием губами: – По руту за штуку.

В этот момент Ашморк неожиданно резко сел на кровати. Разом проснувшись, он уставился на Грива широко раскрытыми глазами и сирым, неестественно громким голосом, спросил:

– Вы тоже пришли меня грабить?!

– Вот видите, даже присутствие врачевателя оказывает моментальный благотворный эффект, – совершенно не растерявшись, поучительно сказал Грив,

⁶² Синие склизкие существа, обитающие в болотах верхнего плоскогорья. Известны способностью высасывать большую часть крови, не потребляя здоровую. Однако, зазевавшийся хворник рискует превратиться в нетленную оболочку себя самого, если он или его врачеватель замешкаются или вовсе уснут – кляпки ждать не умеют, и как только закончится кровь больная, примутся за остальную...

обращаясь к Гену. – Больной, вероятно, не совсем готов к лечению. По крайней мере, к добровольному. Вы как-то можете на это влиять?

Склонив голову и прищурившись, он вопросительно посмотрел на мальчишку и, не получив ответа, вздохнул.

– Кляпки, конечно же, голодны, но, пожалуй, потерпят, – с хищным выражением лица Грив погладил саквояж. – Три рута, и я тут же вас покину.

Протестующий Ашморк был оставлен в кровати кричащим, а Ген, заранее вытащивший монеты из собственной копилки, проводил врача до порога. Дорога до дверей мастерской вновь заняла у Грива так много времени, что вернувшись, мальчик застал больного уже спящим. Сон этот был неровный и очень тревожный.

Всю ночь, не смыкая глаз, Ген менял полотенце на лбу Ашморка, и всю ночь тряпка высыхала со скоростью блина на раскалённой сковороде.

Ашморк бредил. Ругал всё и вся. Обвинял в неудачах каких-то клоунов. Пару раз пытался ползти как черепаха, и только к утру, совершенно обессиленный, затих. Наконец и Ген смог передохнуть (хорошо хоть, не передохнуть – для этого он, видимо, устал недостаточно), задремав прямо тут, в кресле, стоящем теперь у края кровати.

Ашморку снился кошмар.

Он оказался на поверхности земли, пылающей бело-огненным цветом – настолько тут всё было горячо... Но нет, он был всего лишь в пустыне. Горячей, раскалённой пустыне, где тут и там виднелись озёра, полные красной булькающей лавы. А ещё повсюду были квинки. Они были

тоже красными и удивительно подходили к этому окружению.

Эти квинки возмущённо шипели, когда Ашморк подходил близко, но и отойти дальше он не мог – эти противные твари были везде и всюду. Окромя них вокруг Ашморка бродили огненные черепашки. Их яркие панцири горели белым, красным, синим и даже зелёным огнём. А он тоже был черепашкой – только водяной, с синеватыми лапами и бледно-голубым панцирем. Абсолютно одинокая водяная черепашка во всей это раскалённой пустыне, и он бродил там, и делать ему больше было нечего, и он брызгал маленькими фонтанчиками воды во всех окружающих, ибо это было единственным, что он мог делать – кроме, конечно, бесконечного брождения. Огненные черепашки шипели и огрызались, но не могли подойти, потому что холодной воды они боялись. И это было единственным, чего они боялись – ведь толпа таких черепашек-вардов может сжечь кого угодно.

Он неожиданно оступился и упал прямо в озеро бурлящей, клокочущей лавы. И все остальные смеялись над ним, ведь наконец-то не осталось на белой земле никого, способного противостоять их огню. Черепахи и квинки обступили озеро лавы по всему берегу и хохотали, тыкая в него своими уродливыми, шипящими лапками. Они радовались, что наконец-то эта, такая отличная от них и опасная черепашка, погибает, и не осталось больше никого, кого им надо бояться.

Умер он со звуком «пшшшш»...

Снаружи уже давно рассвело, когда, протерев глаза, шляпник разглядел в полумраке мальчишку, свернувшегося клубком на кресле в его спальне. Безрезультатно

попытавшись вспомнить события ночи, Ашморк, высунув руку из под одеяла, пошевелил кресло.

Ген потянулся, нехотя приоткрыл один глаз и, медленно наведя его на шляпника, вдруг резко вскочил, уставившись на лежащего.

– Вам лучше? Вы были плохи этой ночью.

– Насколько плох? – не удивившись, спросил Ашморк.

Ген зевнул.

– У вас был жар и вы бредили.

– Бредил? Что говорил? – насторожился шляпник.

– Ругали клоунов и черепах.

– А... ну да, черепах. Сны снились.

И Ашморк кратко пересказал Гену два страшных сна: первый – о том, как врачеватель потребовал с него целых три рута за незваное посещение, а второй – о том, как он провалился в кипящую преисподнюю, полную огненных квинков...

– Действительно странные сны, – задумчиво пробормотал Ген. – Но верить-то им совершенно не обязательно. Абсолютно бессмысленно.

– Так я и не верю, – усмехнулся Ашморк. – Три рута за приём! Кто ж такому поверит...

– Что же вчера произошло? – естественно-озабоченным тоном спросил Ген, глядя прямо на дядю и одновременно меняя неудобную для себя тему.

Шляпник замер. Его взгляд расфокусировался. Было ощущение, что душа нырнула куда-то глубоко внутрь собственного сознания, но не с целью что-либо там обнаружить, а лишь для того, чтобы как можно дольше не выныривать в этот враждебный окружающий мир.

Ген ждал.

Наконец дядя поднял взгляд и посмотрел ему в глаза:

– Виноваты клоуны. – хмуро сказал он. – Не докажешь конечно, но думаю они. Никто после хлопка так быстро сообразить не мог. Поэтому они это, скорее всего. Но точно не скажешь... А если даже не они, то они обязательно всё видели. Видели, как кто-то сумку украл, всё видели и ничего не сказали. Может быть, кому-то просто повезло – руку протянул и забрал, а они промолчали. Со злости или от корысти.

Ашморк помолчал и совсем мрачно добавил:

– Ограбили меня, Ген. Полностью ограбили. А может даже и убили.

– Убили?

– Принеси мне кофе, Ген. От Музуса. Это я хочу себе позволить.

Вернувшись, Ген застал дядю в мастерской.

Ашморк сидел на высоком рабочем стуле у раскроечного стола. Мальчик поставил перед ним двойную кружку кофе:

– Музус передаёт вам свои переживания по поводу вчерашнего. Сказал, что если бы вы были не таким уважаемым клиентом, то и кофе бы он вам прислал бесплатный. И сказал, что для вас самый хороший заварил.

Судя по запаху, кофе и впрямь был наилучшим.

Ашморк погрел руки, обхватив кружку, и в знак согласия покачал головой.

Ген не решался повторить заданный ранее вопрос, о котором он думал всю дорогу по пути в кофейню и обратно, и от того без толку мялся с ноги на ногу. Вид дяди был такой мрачный, что Ген готов был прямо сейчас сбежать к себе в

комнатку или отправиться по «важным» делам, однако понимая, что уходить теперь никак нельзя, решил ждать дальнейших указаний мастера.

– Ты, видимо, забыл о договоре смертельного обещания, – внезапно ответил Ашморк.

Ген опустил голову, чтобы скрыть смущение. И правда... Как он мог об этом забыть?

– Может, это всё-таки Волкод? – он робко подал голос.
– Вы ведь слушали мои вчерашние размышления? Я почти уверен, что это он всё подстроил. Слишком уж гладко как-то. Его рядом нет и тут на вас нападают... Может, он и сумку колдовством с вас стянул? Может, сходить к нему и потребовать всё вам вернуть?

– Ген, Волкод тут не причём. Тебя тоже рядом не было.
– Ашморк серьёзно посмотрел на мальчика. – Ты всё подстроил?

Ген оторопел, выпучил глаза, сделал шаг назад и, замотав головой, громко запричитал:

– Я тут ни при чём, дядя. Я тут на крыльце сидел, вас ждал...

– Шучу я. Успокойся. – шляпник грустно усмехнулся.
– Знаю я, что ты ни при чём.

Ген чуть не заплакал. Он потупил голову, всё ещё пытаясь найти какие-нибудь доказательства своей невиновности и в то же время осознавая, что волшебник действительно не виноват. Как и он сам. Однако самоуничижением он занимался недолго.

– Но ещё можно сшить цилиндр. Это же были не последние квинки...

– Где же я, Ген, других-то возьму?

– На рынке наверняка есть ещё.

Ашморк склонил голову и внимательно посмотрел на племянника.

— На них все деньги потратились? — догадался мальчик.

— Не все, но ещё четырёх мне не купить — не хватит. А без них заказ не сдать, мастерскую не выкупить, и голову не снести...

— Дядя, но ведь вас оглушили, вас ограбили! Кто-то воспользовался удобным случаем и весьма обогатился! Надо обратиться в городскую стражу. Если это какой-то вор, то наверняка стражники должны знать, кто там был и где он скрывается...

— Там не было стражников, Ген. Ни одного. По крайней мере, я ни одного не видел. К тому времени уже зажглись фонари, ты хоть раз видел стражников на Окружной аллее при свете ночных фонарей?

— Я обычно не бываю там в такое время...

— Вот и я обычно там в такое время не бываю. И стражники, как порядочные люди в приличных головных уборах, в такое время где ни попадя не прогуливаются. А потом пошёл дождь... В общем, ни одного стражника поблизости не было.

— Но всё равно можно сходить и спросить, не находили ли кто-нибудь или у кого-нибудь сумку такую...

— Ну точно. — хмыкнул шляпник — Давай у стражников спросим про сумку, в которой незарегистрированные квинки были. Четыре штуки. «Вы, господа стражники, не переживайте, что у них сертификатов нет, они просто на чёрном рынке куплены»... Прямо так и вижу эту картину... Да они первым делом меня спросят, что было в сумке...

Ашморк покачал головой и уронил её на поставленные на стол руки.

Ген сел на стул по другую сторону стола и задумался. Его взгляд уткнулся в небольшую скамью у окна. На скамье лежал выцветший и оттого серовато-жёлтый листок. «КАНЕЧ...» – прочитал Ген.

– Надо дать объявление... – пробормотал он.

Ашморк поднял голову и переспросил:

– Что-что?

– Надо дать объявление, – повторил Ген. – в «Конечное Обладание». Возможно, что тот, кто вас ограбил, вовсе не рассчитывал на то, что в этой сумке окажется. Да и квинки ему, соответственно, как таковые совершенно не нужны. Поэтому, может быть, их можно выкупить или обменять на что-нибудь. Самое главное – их надо сначала найти. А на объявление авось, кто-нибудь да откликнется...

Ашморк покачал головой и ещё сильнее посмурнел.

– Не выйдет... Квинков-то я на Чёрном рынке покупал, спросят меня: «Сертификатик-то покажите, мил сударь», а у меня и нет его...

– Ага, – подмахнул Ген. – Можно тогда... не-а, можно развесить объявления! Тогда, наверное выйдет?

– А квинки-то нелегальные... – вздохнул Ашморк. Теперь он жутко досадовал, что вначале не додумался узнать у Волкода про квинков подробнее. Тогда можно было бы и другую цену назначить, и проблем бы таких не было – подал заявление, и пускай себе Стража ищет.

Тем временем Ген продолжал думать – в конце концов, от успешности поисков зависело и его будущее. Возвращаться в деревню ему жутко не хотелось, пусть он и любил родителей. К тому же, с тех пор минул уже почти год и

Ген не сомневался: в его старом углу уже живёт младший братик или сестрёнка. Или очень скоро будет жить.

Ген глубоко вздохнул, а Ашморк продолжил рассуждать вслух:

– ...Сумка сама по себе приметная. Расписать в объявлении внешний вид и распространить повсеместно. А дополнительно пообещать награду, – сказал Ашморк, глядя прямо перед собой. – На награду может каждый польститься. И тогда можно вовсе не говорить о содержимом. – монотонностью речи Ашморк стал похож на одного зомби по имени Стив, про которого Гену когда-то поведал Диль Карн. – И указать, что я дам награду только тому, кто принесёт эту сумку закрытой... и полной.

И тут Ген задал вопрос, поставивший Ашморка в полный тупик.

– А какая награда будет?

Ашморк уставился на Гена.

– Какая награда... – голова у шляпника и так работала плохо, а тут ещё такие вопросы...

Мало того, что в качестве награды Ашморку предложить было нечего, предлагать он ничего и не хотел. После вчерашней утраты мысли о добровольном лишении чего-то ещё казались просто кошунственными. И, поскольку эта тема была на грани психических возможностей, мысли в его голове переключились в режим самосохранения и плавно завершили данную нить размышлений. Маленькая мысленная пила перерезала незримую верёвочку, шарик раздумий покатился и упал в воронку детской непосредственности:

– Какая-нибудь. Ещё идеи есть?

– А давайте его обманем, – прохиндейски предложил Ген. – Скажем этому Фанту, что они спят там, в цилиндре, и их ни в коем случае нельзя будить – а потом «ты оставлял шляпу без присмотра? А ты заперал её в чаросумку? Нет? Ну конечно, они сбежали». Или просто уплывём куда-нибудь к Южному Крайнему острову. – и Ген подмигнул Ашморку, пытаясь его подбодрить. Но мастер не подбадривался.

После недолгого молчания Ашморк передвинул уже пустую кружку и сказал:

– Нет. Мы должны устроить собственные поиски. Давай-ка ты, Ген, сбегай к перекрёстку Проезжей и Конюшенной, подай объявление. Но про награду ничего конкретного не говори, скажи просто, что будет. И без того жуликов наберётся полным-полно. Затем возвращаясь сюда и садись, пиши объявления, поподробней только. И потом дуй их расклеивать. Все столбики в районе двух кварталов от Рыночной площади обеспечить.

Ген, у которого вчера был прекрасный выходной день, безвольно кивнул.

– Может, сразу же расширить поиски и охватить вокруг три квартала... – задумчиво произнёс шляпник под нос самому себе.

Мальчишка пулей оказался за дверь, оставив Ашморка наедине с собственными мыслями. Те кружились вокруг, как мухи, и мастер попытался одну из них даже прихлопнуть. Самую надоедливую и неприятную – «ничего не выйдет». Не вышло...

Ген бежал по улице, подгоняемый размышлениями, что если ничего не выйдет, он, нынешний первый и единственный подмастерье лучшего шляпного мастера

лучшей шляпной мастерской делового торгового города Рутина, вполне вероятно, будет делить свою⁶³ прежнюю деревянную лавку в старом родительском доме в небольшой деревушке на овощных равнинах с мелким спиногрызом или спиногрызкой. А то и вовсе спать в сениях. Такой вариант развития событий мальчишку, конечно же, совершенно не радовал.

Добравшись наконец до заветного перекрёстка Конюшенной и Проезжей, Ген замедлил шаг и устремился к крохотному киоску, на вывеске которого было написано:

КАНЕЧНАЕ АБЛАДАНИЕ

платный прием абъявлений

Внутри киоска кто-то оживлённо переговаривался.

– ...И послушай, Рози, местный садовник та-а-акое мне вчера по секрету натрёкал! Нет, ты не представляешь, что творится, в этом, как его, «летераторнам фокальтете» ВРУ⁶⁴ вчера там та-а-акое случилось! Кароче, они – «летераторы» – подрались, и знаешь как?

– М-м?

– Закладками, Рози! Нет, ну ты представляешь?! Закладками! Как? Как тебе такое, скажи? Вот у нас в доме на прошлой декаде два гнома сцепились с породистым оборотнем. Так там всё честь по чести: молотки, наковальни, клыки и когти... А эти, срам да и только... А ещё они «подло

⁶³ Именно СВОЮ – в подтверждение этого он даже когда-то выцарапал на ней своё имя. Снизу, чтобы мать не увидела.

⁶⁴ ВРУ – Великий Рутинский Университет

кидались чернильницами!»! Говорят, тамошнему квартальному врачевателю сильно досталось...

Несмотря на то, что ему и самому хотелось узнать все подробности сплетни, вариант со скамейкой всё ещё был весьма вероятен, а потому Ген взял себя в руки и выразительно покашлял. Из узкого зарешёченного окошка высунулась веснушчатая рожица со светлыми патлами.

– Чего тебе?

– Розы, ... – начал было вежливый Ген, но рожица огрызнулась.

– Я не Розы. Розы в окошках Проезжей, а я в Конюшенной. Дык чего тебе?

Ген смутился.

– Мне бы это... Объявление дать.

Рожица на секунду исчезла и высунулась вновь, протягивая коричневый листок из под решётки. Следом появился толстый, засаленный и давно неточеный карандаш, привязанный серой верёвкой, уходившей куда-то вглубь. Ген очень осторожно взялся за карандаш. Тот плотно прилип к его пальцам; облизывать его для лучшего письма Ген не рискнул.

– Корябай, – велела ему рожица. – Про что?

– Сумку потеряли.

– Тогда два шара за слово. Давай-давай, время – деньги. И карандаш не грызи, мы с Розы за них сами платим! – и рожица пробурчала, явно обращаясь не к Гену: – А то искусают всё, потом начальству доказывай, что карандаш сам кончился...

После минуты усердного пыhtения Ген сунул свой шедевр за решётку. В ответ ему прилетело:

– Посчитаю как двенадцать слов, меньше не берём. С тебя там посмотри сколько.

На стене справа от окошка висела таблица, которая начиналась со строки «12 СЛОВ». Напротив стояла расценка – 2к4ш.

И только тут Ген понял, что денег у него с собой не было. Лихорадочно ища варианты, он попытался увильнуть:

– А может, я вам лучше долю от награды дам?

В темноте киоска пошептались, и выдали:

– Две доли! Но оплата вперёд!

Ген секунду подумал и, не найдя достойного решения, жалобно спросил:

– А может, я тогда лучше сейчас домой за деньгами сбегаю?

– Гони. – кратко ответили из киоска.

И уже вслед убегающему Гену донёсся тоненький голосок, растворяющийся в суматохе толпы:

– А может, ещё и две доли?..

Обратная дорога бегом заняла немного больше времени и запыхавшийся мальчишка чуть ли не упал на запёртую дверь мастерской. В спешке открыв её, он едва не споткнулся о «проклятый» порог, но удержался на ногах и громко затопал по лестнице. Вслед ему грустно проплакал дверной колокольчик.

Поднимаясь на свой чердак, Ген мысленно жаловался, что дядя опять не оставил ни шара денег, чтобы можно было хоть за что-то не платить из собственного кармана. «И так уже три рута уплыли безвозвратно... Деньги не дети – под ногами не мешаются!» – думал он. Однако перспектива избавления от скамейки на овощных равнинах по-прежнему побеждала все препятствия.

Пока Ген рассуждал о том, что его личные финансы истощаются на глазах, Ашморк Хеддерсон беспокойно бродил по Рыночной площади, окрестным улицам и переулкам.

Ранее, оставив Гену записку с наказом, как писать объявления и примером самого объявления, на котором справа от подробного текста была нарисована чаро-сумка с указанием цвета, веса, длины ремня и мест потёртости кожи, шляпник силой воли решил, что в качестве награды за находку отделается какой-нибудь шляпой (из старых, когда-то оплаченных и незабранных) или шляпкой (если придёт девушка). Правда, невыкупленные шляпки продавались хорошо и никогда надолго не задерживались, поэтому он решил, что и девушке тоже отдаст незабранную шляпу. Ну или кепку, если девушка окажется миленькой.

Расспросы посетителей рынка, торговцев и неожиданно встреченных стражников не дали никаких результатов. Даже со всей откровенностью прочувствовавшие его потерю, стражники не проявили ни малейшего желания каким либо образом поучаствовать в розыске утраченной сумки.

Спустя несколько часов бесполезных поисков, расспросов, отказов и оскорблений, шляпник, утомлённый неудачей, вернулся в мастерскую, где застал Гена кропящим над написанием очередного объявления.

– Надо позвать сыщика! Как думаете? – выпалил мальчишка, едва шляпник переступил порог мастерской.

Задумчиво посмотрев на Гена, Ашморк обратил внимание на рабочий стол. Слева от подмастерья высилась горка нарезанной бумаги, а справа – небольшая аккуратная

стопочка готовых листочков. Шляпник взял верхний и, убедившись, что дело движется по его указаниям, произнёс:

– Нормально, но давай побыстрее!

Пыхтящий себе под нос Ген привычным образом пропустил замечание мимо ушей и переспросил:

– Как думаете? Ну, про сыщика?

– Не знаю. Дополнительный поисковик нам бы конечно не помешал, но... – начал было шляпник, но подмастерье прервал его:

– У одного моего друга есть дедушка по материнской линии. Так вот у него есть друг детства, внучатый племянник которого занимается сыском! Говорят, преуспевает! – Ген выдал заготовленную ранее тираду и вновь вопросительно уставился на мастера.

– Сыщик это весьма дорого, я полагаю...

– Э... Я могу попросить друга поговорить с дедушкой, чтобы тот попросил своего друга детства уговорить своего внучатого племянника дать нам хорошую скидку.

У каждого жителя Рутины при слове «СКИДКА» загорается внутри тёплое жёлтое пламя свечи, в котором цены стремительно сгорают до тла. Поэтому Ашморк обнадёженно спросил:

– Какая скидка?

– Думаю, будет хорошая. Я очень-очень попрошу!

– Хорошая скидка – это хотя бы за полцены. Может, ему нужен добротный новый цилиндр? – с сомнением в голосе произнёс Ашморк. – Ну... почти новый...

– Я может пойду поговорю? – Ген, с надеждой заглянул в лицо шляпника. – А?

– Давай. – неожиданно решительно кивнул мастер. – Но за спрос денег не плати.

Ген, которому уже осточертело написание объявлений, тут же ускользнул из мастерской. В этот раз колокольчик звякнул ему вслед как-то устало.

В тяжёлых размышлениях обо всём произошедшем за последние сутки Ашморк, переложив листки и объявления на скамью у витрины, расчистил рабочий стол. Перспективы вернуть себе квинков были весьма туманны⁶⁵, но мастер решил, что сейчас надо взяться за создание заказанного цилиндра. Это и вечер скоротает, и дело продвинет.

Спустя некоторое время со складских полок, занимавших всю левую стену, и из расположенных под ними сундуков на столе собрались все необходимые для изготовления цилиндра материалы. Выдвинув из под столешницы широкий и неглубокий ящик, шляпник сложил это всё в него, оставив на поверхности только два листа тёмно-серого плотного фетра. Раскрой поглотил его целиком, и он на некоторое время отвлёкся от тяжёлых мыслей, сосредоточив внимание на работе.

От этого всепоглощающего занятия его отвлёк Ген, вслед за которым в двери мастерской протиснулся полноватый неухоженный субъект.

Первого мига и первого взгляда было достаточно Ашморку Хеддерсону, чтобы понять, что он никогда не захочет сотрудничать с этим ушлым и пошловатым персонажем.

Сыщик был одет в бесформенные и бесцветные штаны и чёрную дырявую майку. Поверх, на плечи, была

⁶⁵ Ашморк себе никогда не врал. Однако в самые тяжёлые моменты его внутреннее Я совершенно точно чего-то не договаривало...

накинута коричневая местами протёртая кожаная куртка. Оба её кармана были оттопырены, и из них что-то торчало. Кусая ноготь большого пальца правой руки, он всё время смотрел в пол, и лишь изредка бросал короткие взгляды на окружающее из под густых чёрных бровей. Оформившаяся лысина была тщетно прикрыта усердно расчёсанными бороздами единичных волос.

«О головном уборе подобные особи просто не знают», – закатив глаза, подумал шляпник.

– Макс Беркли. – представился вошедший и, к облегчению Ашморка, не подал ему руки.

– Ашморк Хеддерсон, – ответил шляпник. – Владелец шляпной мастерской Хеддерсонов.

– Да-да. Мальчик сказал... Я присяду? – и, не дожидаясь ответа, тип взял высокий рабочий стул, поставил его спинкой к Ашморку и уселся на него задом наперёд, грузно облокотившись на спинку.

– Излагайте.

Вновь прикрыв глаза, Ашморк тяжело вздохнул. «Терпеть. Сумку надо найти. Возможно, это тоже шанс...»

– А что было в сумке? – спросил Макс, молча выслушав продолжительный и подробный рассказ шляпника.

– Там материалы для работы. Фурнитура.

– Пожалуй, что много хлопот из-за какой-то там фурнитуры. – процедил сыщик. Теперь он грыз короткий карандаш, которым что-то писал в маленьком узком блокноте.

– Там всё для срочного заказа. – уточнил Ашморк.

– Купить-то заново нельзя? Что там было?

– Купить можно всё, но сейчас – некогда.

– А на поиски у вас время, значит, есть? Иногда поиски затягиваются на пару-тройку декад, а то и поболее.

– Столько времени мы вам предоставить не сможем. – Ашморк пожалел, что согласился на эту встречу, однако просто выставить пришедшего на улицу язык пока не поворачивался.

– Хм. Времени на поиски нет. Покупать некогда. И тут вам срочно под вечер понадобился сыщик, – он усмехнулся. – Сдаётся мне, содержимое вашей котомки было весьма примечательным.

– Там не было ничего незаконного. – бесконечно усугубил ситуацию Ген.

– Конечно. – согласился сыщик и в знак взаимного доверия покачал головой... – Давайте так: вы платите мне пять серебряных монет прямо сейчас и пять серебряных монет ровно тогда, когда я принесу вам вашу бесценную ношу. Я даже заглядывать в неё не стану, чтобы не нарушать данного слова.

– Вперёд за такое не платят, – возмутился шляпник, не желавший расставаться сегодня с чем-либо ещё. – Найдёте – приносите. Я с вами расплачусь по справедливости.

– Платят, конечно, вперёд, – возразил Беркли. – А у вас и выбора нет. Вы, как я погляжу, объявления, вон, заготовили, однако не сильно-то на них рассчитываете, коли меня позвали.

– Выбор есть всегда, – раздражённо ответил Ашморк. – Сейчас я выбираю выставить вас вон, а поиски вести самостоятельно.

– Дело ваше совсем безнадёжное, как я погляжу, – спокойно продолжал Макс. – Я вам больше скажу, вы мне можете и не платить. Содержимое стоит явно больше десяти

серебряных монет, а значит, мне надо поискать эту сумочку самостоятельно. Думаю, покупатели на неё точно найдутся.

Дыхание Ашморка Хеддерсона взяло длинную паузу.

– Вон отсюда! Вон из моей мастерской! – проорал он, наконец вдохнувши. И, пока неторопливый наглец не скрылся за дверью, шляпник так и стоял с протянутой в сторону выхода рукой, с ненавистью провожая уходящего взглядом.

– Ты мне сюда кого привёл? – набросился он на бледного, как свежая плесень, мальчишку. – Мало мне головной боли... Не хватало того, что неизвестно кто и неизвестно как увёл у меня из под носа целое состояние, а возможно – и в гроб меня загнал... А ты привёл того, кто в крышку этого гроба будет гвозди заколачивать? У нас появился конкурент по поискам котомки! Прекрасно! Этого, конечно, не хватало. Про скидку только не поговорили. Между шантажом и грабежом я не успел про скидку спросить!

Ген съёжился на лавке у витрины и зашмыгал носом, смахивая выступившие слёзы.

Только при виде заплакавшего племянника Ашморк осёкся и замолчал. Закралась мысль, что мальчишка, в общем-то, и ни при чём совершенно – он сам беспечно доверился первому встречному, сам потерял квинков. Он сам вляпался в договор. Он сам заложил мастерскую.

Он сам во всём виноват.

Ашморк отошёл, сел на диван и бесстрастно сказал:

– Иди, расклеивай объявления. Хватит на сегодня идей.

Глава 9. Тихий пансион

Вальпургии Псих очень повезло с соседями. А им, естественно, очень повезло с ней. Она, как любая утончённая девушка её лет (число коих было тайной для всех окружающих⁶⁶ благодаря своевременным и обязательно периодическим посещениям салона тётушки Мине на Красноколодезной улице), предпочитала оставлять страсти и суету снаружи своей спальни. Поэтому всегда спокойный и тихий, хотя и весьма дорогой пансион в правом тупике на Бриолиновой улице, в котором она проживала долгие годы, устраивал её полностью.

Сегодня у Вальпургии длился третий по счёту и последний в этой декаде выходной и сейчас, утомлённая, она отдыхала после чтения на мягких подушках низкой и непомерно широкой тахты. Свет из окна с трудом пробивался между плотными полотнищами штор, и в комнате стоял ленивый полумрак. На низком столике курились две ароматных соломинки, заставляя узкую солнечную полосу становиться синеватой.

Чтение отнимало у Вальпургии всё.

Однажды, ещё в юности, она, читающая лишь модную среди следящих за собой горожанок колонку мисс Дитории «как быть Диторией», прогуливалась по Медленному парку вслед за хорошо одетой парой. Среди всего их диалога Вальпургия почему-то выхватила обрывок единственной

⁶⁶ Включая саму Вальпургию – некоторое время назад (какое, и сама уже не помнила) она сбилась со счёта и, решив, что данная область знаний относится к точным, а значит, мужским, а значит, грубым наукам, как девушка приличная отгородила себя от этой грубости.

фразы: «...конечно – глупа, ведь надо понимать, что ты читаешь...».

С тех пор Вальпургия старательно читала всё, что попадало ей на глаза, а осмысление прочитанного было возведено в ритуал. Никакие средства, затрачиваемые на объекты чтения, не пропадали напрасно. Каждое добытое произведение прочитывалось и тщательно осмысливалось, будь то небольшой томик народной поэзии моряков, утренний информационный листок огородного общества Рутины или инструкция правильного и экономичного употребления мыльного бруска. Всем источникам уделялось время и внимание – чтобы было, что понимать. Ведь только понимание прочитанного могло отгородить Вальпургию от глупости, а значит, приблизить к так хорошо одетым горожанам, имеющим возможность размышлять вслух и просто прогуливаться по паркам, а не спешить по ним на работу, потому что так ближе. Ну а поскольку умственный труд всегда давался Вальпургии с большим трудом, она действительно тратила на него все свои силы. И, надо сказать, это приносило результаты: не так давно, блеснув широкими познаниями о верховой езде на кролях, она заставила обратить на себя удивлённое внимание всей мужской части коллектива дорожно-ремонтной бригады троллей⁶⁷. А ещё, ранее именно вдумчивое чтение случайно торчащего из почтового ящика письма обеспечило ей разгорячённое внимание одной высокой мужской особы из апартаментов напротив.

⁶⁷ Упоминание пункта назначения, куда Вальпургия предложила отправиться дорожным рабочим, тоже не осталось незамеченным.

Внезапный стук с потолка вырвал утомлённую читательницу из томных объятий приятной дремоты. Медленно приоткрыв глаза, она посмотрела вверх взглядом, «пронизывающим всё сущее». Но, как и всегда, сущее пронзаться отказывалось, взгляд остался только взглядом и тайна неожиданного глухого удара осталась нераскрытой. Поскольку все силы разума Вальпургии были истрачены ранее, она, предоставив причины случившегося самим себе, медленно закрыла глаза.

Второй стук оказался сильнее предыдущего и стал началом целой серии ударов, которые начитанная жительница описала как «невообразимый грохот». И без того плохо просматриваемое пространство комнаты быстро наполнилось пылью, стряхаемой с потолка. В тот момент, когда Вальпургия, плотно сжав губы, широко раскрыла глаза, ей на нос опустился толстый чёрный паук, которого заставили покинуть место обитания вибрация и невероятный грохот. Глаза встревоженного паука тоже были широко раскрыты. Сил истерично кричать не было и сквозь губы (чтобы наглец, чего доброго, не решил, что там безопасней) она слабо простонала:

– Воооон!

Это прозвучало как «мммммм», но паук её понял и по ниточке стал быстро карабкаться обратно.

Такого не случалось никогда. Нет, не так. Такого не случалось НИКОГДА!

Хотя, если бы Вальпургия знала, что произойдёт в дальнейшем, она, конечно, не стала бы спешить с расставлением акцентов...

Первым смог проснуться Пистон. Он приоткрыл единственный глаз и покрутил им вокруг, проверяя обстановку. Убедившись в отсутствии командиров, квинк зевнул, закрыл глаз и продолжил спать, протянув обе левые лапы и уперевшись при этом когтями в ноздри Проглота. Тот поморщился во сне и громко чихнул, обрызгав соплями всех обитателей тазика. Это никому не помешало храпеть и дальше, лишь Пук, ворча, но не просыпаясь, перевернулся на другой бок. Его зад оказался аккурат напротив вздёрнутого носа Пальцев.

Вот тут всё могло успокоиться – квинки с набитым желудком способны дрыхнуть декаду-другую. Знающие квинководы кормят их плотно и держат поодиночке, ведь общеизвестно (в узких квадратах Чёрного рынка), что сытый, но не спящий квинк – это большие проблемы, а четыре сытых и не спящих квинка – это настоящая катастрофа! И жильцам пансиона в правом тупике на Бриолиновой улице предстояло познать эту катастрофу целиком. Случилось то, что с четырьмя квинками в одной лохани просто не могло не произойти.

Пук пукнул.

Взрывной волной Пальцы выбросило из таза. Проснувшись в момент удара вонючей волны уже в воздухе, он потерял сознание от крепкого пронзающего запаха. Траектория его полёта через комнату осталась висеть туманной зеленоватой полосой, а он сам приземлился на мягкий тканый ковёр ближе к окну, где и остался лежать, не подавая жизненных признаков.

Остальные квинки, одномоментно проснувшись, теряя сознание, кашляя, со слезящимися глазами, спешно переползали через невысокие металлические борта. Таз был

окутан плотным зеленоватым облаком и совместно с траекторией полёта Пальцев напоминал большую зелёную вишенку. Совершенно несъедобную.

Спустя некоторое время первым очнулся Пистон. Он огляделся и про себя отметил, что никаких обязательных дел, в том числе связанных с данным помещением, у него нет, а раз обязательных дел нет, надо сделать необязательные. Он поднялся и, заметив лежащего рядом Пука, злобно его пнул. Пук, не очнувшись, слегка застонал, и, поняв свою безнаказанность, Пистон пнул его ещё пару раз. На этот раз Пук застонал громче и начал подавать признаки жизни. Поняв, что дальше тут бесплатно не повеселиться, Пистон спешно отправился обследовать окружающее пространство.

В комнате было светло. Необычно светло – не так, как в пещере, и не так, как в транзитном горшке⁶⁸. А также достаточно просторно, если сравнивать только с горшком.

Надо сказать, комната была хорошо обставлена. Слева от двери стоял угловой стеллаж, заставленный книгами разных размеров с тёмными красными, синими и коричневыми переплётками. Там же на полках размещалась целая армия различных керамических, каменных,

⁶⁸ Транзитный горшок – толстостенная чугунная посуда с крышкой на толстой петле и крепким навесным замком. Снаружи такой горшок полностью облеплен чёрной глиной и накрыт плотной крышкой, поэтому не особенно отличается от своих черепичных собратьев. Лишь по весу и искажению окружающих аур можно догадаться о его таинственном содержимом. Некоторые такие горшки укреплены сдерживающими, обезвешивающими и сокрывающими чарами для тайной перевозки магических предметов, тяжёлых душ и прочей волшебной нечисти. По размеру транзитные горшки напоминают обычные, поскольку должны быть незаметны среди прочих в торговой повозке или в трюме морской баржи.

деревянных и металлических бантиков. Над стоящим у левой стены диваном, укрытым тёплым вязаным пледом, висело панно со множеством ленточных и тканевых бантиков всех фасонов. По сторонам от него, над диваном, нависали два витых канделябра на три свечи каждый. Основания свечей были украшены коваными глянцевыми бантами. Между диваном и окном располагалась кадка с весьма разросшимся фикусом. Излишне говорить, чем этот горшок был украшен.

Справа, помимо открытой двери в ванную комнату и (к счастью) закрытой двери в спальню, стояла небольшая этажерка, украшенная ажурными белыми салфетками и чайным сервизом на четыре персоны. Ближе к окну располагалось любимое хозяйкой кресло-качалка, в котором тоже лежала подушка-бантик. Перед окном стоял круглый чайный столик. Диван, столик и кресло были выполнены из гремучей лозы⁶⁹ и украшены тонкой лиственочно-орнаментальной ярко-зелёной вязью.

Окно было убрано двумя прозрачными полотнами жёлтой ткани, подвязанной по краям большими бантами, и широкой красной лентой.

Белые балки потолка проглядывали сквозь облака бумажных бантиков всех расцветок и размеров, подвешенных на тоненьких ниточках разной длины. Можно с уверенностью сказать, что в этой комнате была собрана самая

⁶⁹ Гремучая лоза – сорт винограда с толстыми чёрными ветвями. После срубания сразу же каменеют, поэтому мебель из них вяют прямо на виноградниках во время роста куста. Сама мебель получается лёгкой, но очень крепкой. Ягоды гремучей лозы крупные и сладкие, однако должны быть собраны вовремя, до усыхания корня. Ведь название своё этот виноград получил за свойство греметь косточками внутри моментально затвердевших ягод после срубания или усыхания лозы.

большая коллекция бантиков во всём известном мире. Ну, по крайней мере, на данный момент.

Пальцы протёр глаза вторым. Он подробно оглядел всё вокруг и отметил избыток свободных плоскостей для подробного рисования. Из средств рисования у него имелись в наличии лишь собственные когти, но это ничуть не смущало. Вишенка всё ещё отчётливо висела посреди комнаты, и поскольку она выбивалась из прочего окружения, квинк решил начать графическое повествование именно с неё. Спустя совсем короткий отрезок времени, на участке стены между этажеркой и креслом-качалкой появилось подробное царапание на дереве сквозь четыре слоя краски, открывающее наблюдателю всю картину недавно произошедшего события. Пальцы отступил назад, оглядел изображение ещё раз, сравнил с оригиналом и внёс несколько уточняющих царапин – сейчас у него на это было достаточно времени. Довольный собой, он уселся под картиной и принялся аккуратно затачивать когти.

Очнувшийся Пук перекатился на спину и открыл глаза. Колыхающееся множество разноцветных штук в форме бантиков представляло практически бесконечные перспективы для распознавания. Оглядевши прочие окружавшие его предметы Пук решил, что здесь он, пожалуй, задержится – было чем заняться. Причём основательно. Единственным путём к цветному разнообразию над головой служили тряпки, свисавшие с потолка у самого окна. К ним квинк и устремился через всю комнату. Попавшийся под лапы ковёр и стоящий на пути столик не вызвали ни малейшего интереса – ковры – это просто и сто раз увидено, а гремячую лозу он пробовал грызть ещё в детстве.

Шторы не были готовы работать лестницей. Привыкший к максимально глубокому погружению своих когтей в предмет, по которому хочется забраться наверх, Пук некоторое время с разгона добирался почти до половины высоты, каждый раз съезжая обратно по раскроенному на полоски полотну.

Спустя пару минут и два десятка падений, он сосредоточился на цели, отошёл подальше для разбега и вновь рванул вверх. Ещё через пару минут, когда шишки на его голове и попе от повторных ударов стали болеть сильнее обычного, Пук остановился, подпёр кулаком подбородок и крепко задумался.

Тем временем Пистон, своим единственным глазом успевший рассмотреть комнату в подробностях на уровне пола, тоже решил забраться повыше. Не так высоко, как безуспешно пытавшийся Пук. Просто повыше. Диван выглядел вполне хорошей основой, а укрывавший его плед был расчерчен на ровные красные и коричневые квадраты!

Пистон любил квадраты. В голове Пистона квадраты по несколько штук всегда составлялись в полоски, полоски одна на другую составлялись в новые квадраты – значит, квадраты всегда составлялись в квадраты. Ничто другое в мире не составлялось само в себя и не было настолько чётким, организованным и понятным. Кроме того, квадраты могли делиться на квадраты! Ничто другое в мире не делилось само на себя и не оставалось настолько же чётким, организованным и понятным. И это представлялось Пистону совершенно волшебным. Поэтому все сущности мира делились для него на квадратные (а значит, организованные) и неквадратные. А все неквадратные можно было поместить в квадраты и тем самым – организовать!

Над диваном на стене царил хаос – цвета, формы, размеры пребывали в беспечном беспорядке, и квинк чётко определил для себя задачу на ближайшее время. Ловко вскарабкавшись по витой спинке, он уже было хотел двинуться выше, когда нос к носу встретил давнишнего и злейшего врага всех квинков – рыжего зеленоглазого кота! Его морда была наглая, ноздри раздуты, усы дрожали, а злющие глазища смотрели прямо на Пистона. На шее у кота была повязана синяя ленточка, на которой висел золотистый медальон⁷⁰. Притаившийся, прижавшийся в подушках кот, с самого начала наблюдавший за происходящим в его комнате разбоем, зло зашипел на внезапно выскочившего прямо перед ним противника. Квинк пошатнулся назад, вовремя пригнулся, спасаясь от просвистевших над ушами острых когтей, и скатился обратно на пол.

Всё это видел ещё лежавший у таза Проглот. Пистон ему, конечно, шибко не нравился и, увидев произошедшее, он громко заржал потрясая поднятыми вверх кулаками. Но котов он не любил куда сильнее. Дело в том, что коты, издревле являясь естественными врагами всего квинкового рода, с Проглотом враждовали отдельно. Кроме неутолимой информационной жадности, для Проглота имело значение лишь то, что хорошо пахнет, имеет приятный вкус и может быть съедено без сопротивления. Котам тоже нравилось то, что можно съесть без сопротивления и, хуже того, часто им нравилось то, на что уже претендовал сам Проглот. Поэтому тот объявил себя истинным стражником беззащитной еды, и многие кошки уже были повержены в неравном бою.

⁷⁰ С предсказуемым именем «Бантик»

Сейчас еды в обозримом окружении не наблюдалось, но наличие противника в замкнутом пространстве потенциально означало неминуемую битву. Вспомнив о молотке, запримеченном накануне, Проглот метнулся в ванную комнату.

Последовавшие события развивались стремительно. Когда мимо обескураженного Пистона пронёсся орущий Проглот с молотком, тот, выдернув торчавшую из корзинки с клубками длинную спицу, ринулся вслед за соратником. Кот (домашний обыкновенный), не готовый к нападению двух маленьких орущих существ – одного потрясающего молотком и второго со спицей наперевес – резко дёрнулся в сторону и, срывая когтями плед (к ужасу Пистона), одним прыжком очутился на столе, а с него рванул по оставшейся части штор ещё выше. Взобравшись на карниз, он крайне ядовито прошипел:

– Маленькие мерзавцы...

– Погоди, погоди – ответил Проглот и, отбросив молоток, ринулся за котом. Пробежав мимо Пука, который никак не мог понять, как этот когтистый забрался так высоко, Проглот ухватился лапами за обрывки ткани и начал карабкаться вверх.

Кот, увидев одного приближающегося квинка, видимо, решил, что силы равны, зашипел ещё сильнее, выставил вперёд лапу и выпустил когти. Одновременно с этим вверх начал карабкаться Пук. Поняв, что когти тут не помогут, он осторожно полз, цепляясь за складки ткани. Он дополз уже почти до верха, когда уткнулся головой в мягкое место Проглота, решавшего в этот момент, как подобраться к загнанному в угол коту.

И, опять же, именно в этот момент Пальцы открыл для себя новый инструмент создания изображений. Дело в том, что отброшенный Проглотом молоток упал прямо перед его лапами и оставил в доске пола аккуратную круглую вмятинку. Вмятинка ловила на себя солнечные лучи и прямо манила квинка своей округлостью. Пальцы поднялся, взял молоток и внимательно его осмотрел. Острый кончик молотка, оставивший след на полу, блестел как новенький, и рисовальщик сразу понял, что его хватит надолго. Он с силой опустил молоток на пол, и рядом с маленькой вмятинкой появилась вмятинка поглубже и пошире. Сообразив, что к чему, Пальцы поднял глаза, застав момент, когда кот увидел Пука, выглядывающего из-за (хотелось бы сказать спины, так ведь нет) задницы Проглота, и, безмерно расширив глазища, с визгом «миаааау...» скакнул в пустоту комнаты. Моментом спустя изображение этой картины заполняло квадрат два на два локтя на полу комнаты, выбитое вмятинами различных размеров⁷¹. Шумовой удар, возникший в момент нанесения такого количества ударов в такой короткий срок, совпал с толчком кота, и гардина, не выдержавшая такого напора, сорвалась со стены и с треском рухнула. Квинков, висевших на ней, накрыло пеленой опустившихся за гардиной штор. А

⁷¹ Позже Дороти наняла гнома-рукодела выпилить этот и другие фрагменты пола, стен и потолка для аукционной продажи на ВЯУ – Всегодовой Ярмарке Умелства. Это произведение было именовано «Прыг». Там же были проданы остатки молота – гном аккуратно разложил и приклеил их на красном сукне, будто разлетевшиеся в разные стороны части, вставил в глубокую раму и сверху поместил табличку «ЧЕКАН МЛАДШОЙ» – по имени старого гномьего молота-прародителя всех ударных инструментов. Именно тогда новый вид искусства был перенят другими умельцами и впоследствии получил название чеканка.

кот, смотревший вниз и прыгавший как можно дальше, теперь болтался под потолком, запутавшись в верёвочках и ниточках, на некоторых из которых ещё болтались бумажные бантики.

Пальцы переместился под кота, и на досках пола появилась новая графика «Дёргающийся снизу Кот»⁷².

Выбравшийся из-под шторы Проглот злобно глянул на Бантика, который к тому времени сообразил, что тут, наверху, безопаснее. Он перестал вырываться и, созерцая происходящее с недостижимой высоты, громко мяукал, шипел и страшно ругался (ну, конечно, на кошачьем). Проглот забрался на чайный столик и запустил в кота крышкой стоявшей здесь сахарницы. Крышка в кота не попала. Проглот добрался до крышки и вновь запустил её вверх. Крышка снова в кота не попала, однако попала в окно. Звон и крик снаружи за окном потонули в очередном шумном накате творчества Пальцев. Проглот забрался на стол, мельком глянул в окно, обернулся, ища, чем бы ещё запустить в висящего сверху нахала, и его глаза остановились на сахаре. Информация о коте немедленно переместилась на задние ряды квинкового сознания, а попытка затолкать в рот весь сахар сразу стала основной задачей на ближайшее время. Наблюдая попытки попасть в кота крышкой, выбравшийся к тому моменту из под шторных остатков Пук закатился громким хохотом и сразу следом – серией скромных по его меркам пуков.

Пальцы, волочивший молоток, и Проглот, с сахарницей на голове, немедленно покинули зону биологической угрозы и, мимо дивана, на котором Пистон

⁷² Здесь и далее приведены названия шедевров по каталогу ВЯУ.

заканчивал раскладывать бантики по квадратикам, отступили к дверям и уже ставшему безопасным тазику. Там Пальцы понял, что молоток и металл сочетаются не хуже, чем молоток и доски, и на свет появилось произведение «Банты в квадратах»⁷³.

Проглот, доевший сахар, сидел теперь перед стеллажом, заполненным книгами, решая, с какой стороны начать осваивать эту информационную скалу. Справа на полках стояли небольшие, но толстые томики, а слева, на нижних ярусах, стопкой лежали газеты и информационные листки. Именно с них Проглот начал запоминание новой, местами совершенно непонятной для него информации. Проштудированные информационные листки так и выскакивали из-под его внимательных глаз. Газеты, которые в несколько раз превышали высоту самого квинка, было неудобно разворачивать; он быстро и неровно рвал их на отдельные страницы. Работа кипела. Со стороны Проглот напоминал старца-мудреца, сидящего среди опадавших вокруг него газетных обрывков.⁷⁴ Только маленького. И страшненького.

Именно такой выглядела ещё одна умиротворяющая работа Пальцев по деревянному полу «Мудрец по осени считает». К счастью, шум в произведении отражён не был.

К этому времени Пистон, закончивший свой труд на диване, направился в ванную. Там вчера шумела вода, а пить хотелось нестерпимо. В ванной его ждало крупное

⁷³ В отличие от прочих произведений, это было выставлено на ВЯУ лишь для созерцания, т.к. владелица не решилась избавиться от столь необычного изображения бантиков.

⁷⁴ В одном из миров непременно вспомнили бы Йоду и розовые лепестки сакуры.

разочарование – ничего нигде не лилось, а сквозь узкое с решёткой кольцо на дне жестяной лоханки язык до воды не доставал (чего хорошего ждать от круглых вещей). Уже было отчаявшись, Пистон принялся и инстинктивно двинулся к белой, аккуратно сколоченной закрытой скамье, имевшей сверху квадратную откидную крышку.

– Где же ты, где... – подозрительно мычал он себе под нос.

Справа на стене торчала удобная ступенька и, прыгнув на неё, квинк взобрался на скамью. Под крышкой зажурчала вода, и откинув её, Пистон несказанно обрадовался. Радовался он до тех самых пор, когда спустя пару моментов вода не перестала течь столь же неожиданно, как и начала.

Из комнаты доносился грохот и завывание кота, звук рвущейся бумаги и ругань ищущего «что-нибудь новенькое»⁷⁵ Пука, а Пистон искал способ заставить воду появиться вновь. Первым делом он залез внутрь и обнаружил, что вода убежала в глубокую чёрную трубу (опять же, чего хорошего ждать от круглых вещей). Водой из трубы не пахло. Из трубы пахло как изо рта Проглота – из чего следовало, что труба всю воду выпила. Однако не понятно было, откуда вода вообще взялась. Он открывал и закрывал крышку скамейки, прыгал через неё, мычал «где же ты, где-е», угрожал скамейке жестокой расправой, клялся, что оторвёт крышку вовсе, но ничего из перечисленного не помогало. В какой-то момент решив поискать в других местах обширной ванной комнаты, источая квинковую ругань в адрес жадной круглой трубы, выпившей всю его воду, расстроенный неудачей

⁷⁵ На круглой чёрной столешнице от чайного столика изображён момент, в который сорвавшийся с верхней полки стеллажа орущий Пук летит вниз головой навстречу уставившемуся вверх Проглоту.

Пистон прыгнул вниз на знакомую ступеньку. Вода зажурчала вновь. Метнувшийся обратно квинк застал трубу непосредственно в момент поглощения. Бросившись вниз, квинк попытался заткнуть вонючее жерло своим тельцем, дабы урвать себе пару заслуженных глотков, однако и тельце было худое, и труба широкая, и вода перестала течь в тот же момент.

В неописуемой ярости Пистон влетел в комнату. План был прост: скормить трубе что-то, что уймёт её жадность хотя бы на некоторое время. Слева высились горы отработанной Проглотом информации и, обхватив лапами столько бумаги, сколько смог, Пистон потащился обратно. Потребовалось несколько ходок, прежде чем стало понятно, что труба чересчур голодная и бумагой не наедается. Поэтому следом за рваными газетами в неё полетела опустевшая сахарница, затем графин со стола, железные и деревянные бантики со стеллажа, чайные пары с этажерки и, наконец, клубки шерсти со спицами из корзинки у дивана. Сама корзинка в трубу не вошла, хотя Пистон прыгал по ней «Со всех сил».

Поняв, что это война, а на войне – как на войне, Пистон попытался отобрать у Пальцев молоток, однако тот так к нему прикипел, что нападающий «Еле ноги уносил. Вид сзади».

Заинтересовавшийся происходящим в ванной комнате, Проглот сидел «На полке» левее скамьи и, наблюдая суету, задумчиво грыз мыльный брусок, заедая его лентой мягкой бумаги с фиалковым запахом.

В комнате легко достигаемой оставалась лишь одна вещь, которую Пистон ещё не применил в качестве корма –

рванные шторы. Именно эта распущенная на полосы тряпка стала знаменем его победы.

Труба подавилась!

Пистон прыгнул со скамьи на ступеньку и вода вновь призывно зажурчала. Стоя на скамье, квинк удовлетворённо наблюдал, как вода наполняет глянцевую плоску с подавившейся на дне трубой. И даже теперь вода хоть и потихоньку, но всё же уходила – даже подавившаяся труба понемногу высасывала его воду. Тем не менее Пистон решительно напился, пока всё окончательно не засосало. И вот тогда напившегося «Пистона осенило». Со стеллажа в комнате он сбросил тяжёлый чугунный бант, едва не прибивший насмерть лежащего без сознания Пука. Доперев этот бантик до скамьи, Пистон взвалил его себе на плечи, дрожа коленками поднатужился, поднапружился и – закинул тяжёлую чугуинку на ступеньку.

Вода неостановимо хлынула в плоску и квинк, дав пинка забравшемуся на скамью и не вовремя зазевавшемуся Проглоту, нырнул в получившийся бассейн. Расставив лапки в стороны, он закрутился на поверхности воды как маленькая «Коричневая звёздочка. Вид сверху»⁷⁶. Заструившаяся по скамье вода потоком пошла вниз, и скоро, преодолев порог ванной комнаты, начала захватывать пол в гостиной.

На пороге кухни вода смешалась с пролитым маслом и, огибая крупные яблоки, стала впитываться в равномерно рассыпанные Проглотом по всему полу горки риса, чая, муки, сахара и прочих сыпучих продуктов. К ужасу самого квинка, наблюдавшего с высоты печи этот всекухонный потоп, спасти ситуацию не представлялось возможным. Поняв, что

⁷⁶ Эту иллюстрацию гному пришлось выпиливать из потолка.

запасы пропали окончательно, он сосредоточился на поджаривании вытащенной из ящика со льдом куриной тушки, однако переворачивать тяжёлую тушку, стоя тут же, на конфорке, было довольно затруднительно...

Омытый холодной водой и пришедший в себя Пук немедленно явился и затребовал пустить его плавать в глубоких водах скамьи, однако получил яростный «Отпор блестящим ёршиком» и больше к Пистону не совался. Он подставил под водопад стакан от использованного против него ёршика и, дождавшись, пока тот наполнится, сел прямо в него. Поскольку стакан был чуть шире Пука, а Пук был чуть уже стакана, согнувшись пополам, квинк погрузился в ёмкость наполовину, застряв лишь коленками. Некоторое время он расслабленно отдыхал, отмокая снизу и сверху одновременно. Однако, когда ему это надоело, Пук обнаружил, что выбраться из стакана не в состоянии. Он напрягся, попытался разогнуть лапы и от этого провалился ещё глубже. «Спасение» принес скрытый потенциал квинка – сдавленный живот отказался терпеть такое отношение, и стремительный поток зеленоватого газа с силой вытолкнул своего прародителя в направлении потолка. Стакан разлетелся вдребезги, а Пук, ударившись о потолок, грохнулся на задремавшего Пистона.

В ванной началась очередная «Потасовка».

То и дело там и тут стучал молоток.

По комнате плавали обрывки газет

Под потолком орал кот.

В выбитое окно заглядывали птицы.

А с кухни тянулась струйка вонючего чёрного дыма...

Дом ходил ходуном. Ужасающий грохот прерывался на короткие промежутки, которые были заполнены диким кошачьим воем и массивными ярусами ругательств. По стенам кухни текла вода. Вся тахта, её любимая тахта, была устлана оторвавшейся с потолка паутиной и усыпана дохлыми мухами. В комнате жутко воняло из туалета, где из под деревянной крышки, обшитой синим бархатом, уже вовсю струились потоки выпираемой жижи.

С чётко осознаваемым намерением отругать внезапно разонравившуюся ей соседку обессиленная Вальпургия тихо впала в истерику. С закатившимися вверх глазами и руками, устремлёнными к потолку, она медленно, как её коллега-зомби Стив, двигалась по кругу против часовой стрелки.

Осторожный стук в дверь вывел её сознание из этого круга в прямом и переносном смысле: отвлѣкшись, она запнулась о кисти ковра и, грохнувшись в проход между комодом и чайным столиком, внезапно очнулась.

– Надо действовать! – проорала Вальпургия, заглушая потолочный гром. Причитая, охая и потирая ушибленные места, она решительно вынесла свою дверь в коридор. Однако, увидев бледное лицо старика Ссуха, немедленно вспомнила о собственной усталости и, забыв о мимолётной решительности, замерла, добавив его испуг к своему.

– Жива ли Дороти? – прокричал Ссук, едва-едва перекрывая грохот несущийся сверху. – Соседи интересуются...

Он ткнул пальцем на лестницу, где, сгрудившись в едином ужасе, стояли мистер Новари и Злорадка Минт со второго этажа, а на площадке напротив двери самой Вальпургии в маломерном костюмчике мялся Долговязый

Хвощ (тот ещё хлыщ, судя по письмам). Казалось, соседи все разом смотрели в неё единым обязывающим взглядом. Никакого вопроса в этом взгляде не было, просто они совершенно не знали, что в таких случаях делать, а Вальпургия была девушкой начитанной (о чём все, конечно, знали, – тем более Хвощ, если судить по последнему письму).

Но Вальпургия так и не умерла. Мысли, бежавшие в её голове одна за другой, натолкнулись на каменную стену наступившего ступора и, как доминошки, посыпались одна за другой в противоположном направлении. Первой бежала мысль гордости «они пришли спросить меня...». Потом мысли страха и ужаса «потолок провалится», «это упадёт ко мне в комнату», «я в этом халате толстая». Следом мысли о боли, о пауках, о приборке, о Стиве-зомби, о скором дне рождения, о скором дне смерти самого Стива (надо не забыть подарить ему что-нибудь)... Посередине потока спешили инстинктивные сообщения о том, что дышать надо продолжать. И в самом хвосте плелось где-то вычитанное «наверное, надо пойти посмотреть, что там, наверху, произошло».

Падающие доминошки в конце-концов сильнее всего наваливаются на последнюю кость. Поэтому именно последняя мысль крепко впечаталась в сознание Вальпургии Псих. Всё бы ничего, но сил на это уже не хватило. Гвалт вокруг продолжался, вонь усиливалась, немая сцена тянулась, организм требовал вдоха и Вальпургия, ранее исчерпавшая свой умственный и физический ресурс, сделала шаг назад, захлопнула дверь, легла на пол и впала в глубокий транс.

Соседи, переглянувшись, заскрипели ступенями, Хвощ хмыкнул и вышмыгнул на улицу, а Ссух пожал плечами, вздохнул и пошаркал в свою квартиру, чтобы собрать

котомку до того, как дом начнёт разваливаться. Раздался очередной звук разбитого стекла, и старик заметно ускорился....

Начиналось утро, и торговля была в самом разгаре. Тиса только что водрузил на рабочий прилавок противень слоёных бантиков, потрескивающих и переливающихся в солнечных лучах коричневатой карамелью. Зал наполнился новыми для этого дня запахами, и носы посетителей потянули своих хозяев к левой витрине.

Когда задыхающийся Хвощ влетел в пекарню, Дороти нервно сглотнула и стала спешно развязывать фартук. Поймав его взгляд, она тихо пробормотала:

– Тиса-а-а.

Аккуратно сложенный фартук уже лежал на высоком табурете.

– Тиса. – не отводя взгляда позвала Дороти погромче. Она откинула столешницу и закрыла её за собой.

– Тиса, мне надо отлучиться прямо сейчас – крикнула Дороти и, взяв невнятно заикающегося Хвоща, за руку, стрелой вылетела из пекарни.

Тишина нервно подёргала любопытство Тисы. Вошедший пекарь был удивлён не меньше застывших в зале покупателей. Однако – ненадолго. Как только те сообразили, что за прилавком есть кто-то, кто может обменять их ничтожные деньги на эти ароматные сокровища, шумовой уровень в пекарне тут же восстановился.

Когда Дороти на Оркорикше завернула на Бриолиновую улицу, грохот, вой и ругань стали слышны очень отчётливо. Практически сразу отставший Хвощ был

плохим рассказчиком, а главное – бесполезным. И без него всё понятно. Поэтому, бросив его, Дора взяла самый быстрый (и самый дорогой) вид городского транспорта.

Когда орк, пробороздив пятками царапины на мостовой, выполняя поворот в правый тупик, лихо пробежался по стене углового дома, Дороти подумала, что ремонт повреждённой отделки – лишь малая часть её ближайших расходов. Грохот, вой и ругань, стоящие здесь, заглушили визг любопытных кошек, едва выскочивших из под тормозящих колёс.

Посреди улицы, на достаточном расстоянии от входных дверей, чтобы его не завалило, стоял Ссук с дорожной котомкой через плечо и что-то кричал собравшимся соседям. Увидев Дороти, он было подался в её сторону...

Однако чего Дороти точно не собиралась делать, так это что-то обсуждать. Она выскочила из рикши, на ходу отправив орку слова благодарности, и устремила в открытые двери пансиона.

Когда Дороти вошла домой, её ждала вполне ожидаемая картина, описание которой не поддаётся классическому цензурному перу. «Девушка нахмурилась»⁷⁷, сжала губы и громко хлопнула дверью за своей спиной. Всё замерло.

Справа воняло чем-то отхожим, слева воняло чем-то сгоревшим.

В центре комнаты, по колено в воде, прямо напротив двери, стоял Пальцы, держа за обломок ручки молоток,

⁷⁷ Этот портрет Дороти тоже оставила при себе, как гордое напоминание о своём твёрдом характере.

раскалённый до тёмно-красного состояния. Справа от него, сидя на томике деревянных частушек для образованных взрослых, углубившись в чтение какой-то помятой брошюры, покачиваясь на волнах, проплывал Проглот. Слева, в мокром плаще из клетчатого полотенца, шлейф которого был распущен на тонкие полосы, ковыряя когтем доску под водой и скосив невинный глаз, стоял Пистон. А позади всех в воде сидел Пук. Маленькие прозрачно-зеленоватые облачка поднимались из лопавшихся за его спиной пузырей.

Под потолком жалобно мяукнул Бантик.

Ручка молотка треснула и он, упав в воду, громко зашипел. Плотный пар на несколько мгновений окутал середину комнаты, а когда рассеялся, поверхность воды была пуста и лишь слегка колыхалась.

Только к ночи, заперев дверь за водопроводчиком, Дороти позволила себе присесть. Пансион забылся сном напуганного младенца, и лишь звуки, доносившиеся с улицы, сообщали, что жизнь продолжается. Да ещё Бантик тихо постанывал под подушками. И хотя чудовищный урон, нанесённый её жилищу, и что важнее, её коллекции, был невосполним, Дороти решила, что всё могло закончиться куда хуже.

Расположившись в кресле-качалке, она, сквозь надвигающийся сон, потянулась притушить масляную настольную лампу, и тут же спешно одёрнула руку. На столе сидел Палец. За ним, недобро глядя исподлобья, стоял Пистон, а из за светильника с разных сторон оценивающе выглядывали Пук и Проглот.

– Тут то вам что надо? – вырвалось у Дороти в порыве гнева. – Не всё сломали?

Только что обрётённое шаткое спокойствие было отброшено в сторону. Полностью уверенная в том, что эти маленькие мерзавцы покинули её жилище, при других обстоятельствах она бы, пожалуй, испугалась. Но сейчас внутри неё пылал лишь гнев. Однако, помня, что именно она принесла в дом этих четырёх негодяев и именно она оставила их в собственной гостиной, Дороти взяла себя в руки:

– Уматывайте! Тут вам не дом. Вы же свободны...

– Камандирка, ты пожрать принесла? – как ни в чём не бывало, отчеканил квинк...

Испуганный спящий младенец тихого пансиона вновь пережил жуткий, хотя и короткий, кошмар. Вот только в этот раз никто из постояльцев не решился бы высказать своё недовольство. Особенно вслух. Особенно в лицо. Особенно Дороти. Особенно сейчас. Ужас, стоявший в глазах квинковой компании, отражал всю тяжесть обрушившейся на них каменной плиты негодования. Ошарашенные, они замерли, боясь пошевелить лапами и всё их внимание было устремлено на эту кошмарную Камандирку.

– ...в итоге дело обстоит так. – сузив глаза, Дороти перешла на спокойный стальной тон. – Вы немедленно убираетесь вон. Или... – она леденящим взглядом прошла по аудитории... – Или вы соблюдаете следующие правила...

Когда она закончила и, довольная собой, откинулась в кресле, квинки, не мигая, некоторое время продолжали обожествляюще на неё смотреть. Поняв, что монолог окончен, они все как-то разом отступили назад, за светильник, и принялись о чём-то энергично перешёптываться. То один, то другой, то вдвоём, а то все разом они поднимали головы и оценивающими взглядами изучали хозяйку. Из того, что Дороти разобрала, звучало

«кормит», «Камандирка», «и не побила», «а мы то чё», «ерундово» и «тут». Видимо, приняв общее решение, сборище выпнуло из своего круга в качестве добровольца недовольного этим фактом Пистона. Глядя на Дороти своим единственным глазом, с подчёркнуто-независимой наглостью тот сообщил:

– Не удём. Ломать не станем. Видимо, – и, сделав микропаузу, спросил: – Кормёжку обещаешь?

«А ведь сейчас самое время ответить им «нет»», – устало подумала Дороти.

Глава 10. Бездна

Стоило Гену выйти за дверь, Ашморк поднялся в свою комнату и, не раздеваясь, бухнулся на кровать. Некоторое время он лежал, уткнувшись лицом в подушку, но потом воздуха стало не хватать и пришлось перевернуться на спину. Пристроив затылок в углубление между подушкой и толстым покрывалом, которое только что его задушило, он устался в потолок с твёрдым намерением поспать. Все положенные приличному гражданину восемь часов ночного времени, никак не меньше.

Ашморк закрыл глаза и изо всех сил начал вглядываться в чёрные пятна. Пятна не слушались и вскоре поплыли фиолетово-красными кругами. А потом и вовсе стали сиреневыми. Он попробовал считать гоблинов, но те немедленно становились квинками, да ещё и уже посчитанные вместо того, чтобы пропадать из воображения, толпились справа и переминались с ноги на ногу, видимо, ожидая чего-то. Ашморк повернулся на бок, чтобы не видеть этих правых, однако ничего не помогало — сон не шёл, а шляпник хотел хоть как-то отвлечься от раздавливающего ощущения собственной выжатости.

Сердце назойливо стучало где-то внутри, плечи болели, будто он весь день нёс корзины с камнями, а мысли бились в виски с постепенно нарастающей и ощутимой силой. При том, что тело неумолимо тянулось к кровати, ощущение, что он сделал не всё, требовало от сознания решительных действий.

В этот момент одна из крутившихся в голове мыслей резко затормозила, и Ашморк впервые за этот день осознал: квинки же в своём роде не единственные. А значит, других

квинков можно найти, купить, украсть... И, может статься, ему стоит вновь сходить на чёрный рынок осмотреться!

Беспокойное сознание лихорадочно уцепилось за эту вновь открывшуюся возможность. Усилием воли Ашморк поднял вымотанное тело с кровати и направился к выходу. Голова шумела, тело немного пошатывало, но сейчас такая мелочь не могла его остановить.

– Так зачем, ещё раз, ты пришёл? – спросил Волкод со всем спокойствием человека, которого поздним промозглым вечером вытащили из только что согревшейся постели, закуривая длинную изящную трубку из крабового дерева⁷⁸.

Ашморк, попавший в гостиную своего товарища, спешно оглядывался. В прихожей сидеть было особенно негде, а тут разбуженный и раздражённый маг сидел в глубоком бордовом кресле с высоченной спинкой и попыхивал чем-то вонючим и едким. Дверь в спальню хозяин жилища немедленно прикрыл, и шляпник хорошо понимал это стремление Волкода не впускать туда кого попало – слишком много скелетов в шкафах могло обратить на себя внимание.

– Чем их привлечь? – внезапно, глядя на Волкода широко раскрытыми глазами, спросил Хеддерсон.

– Кого? – не понял Волкод, выдул колечко дыма и удивлённо посмотрел на Ашморка.

– Как – кого? – всерьёз возмутился Ашморк. – Их!

⁷⁸ Квартальный врачеватель, обслуживающий Сомнительную улицу, много раз заворачивал к калитке волшебника, учуяв запах табака, и читал продолжительные ЗОЖигательные нотации прямо сквозь двери, в которые его, понятно, не пускали, сопровождая монолог демонстрацией ужасающих иллюстраций фантастических пейзажей.

– Кого – их? – раздражённо проворчал Волкод, устраиваясь в кресле поглубже.

– Брось это глупое притворство! – Ашморк начал ходить кругами, остановился и приказным тоном произнёс: – Одевайся.

Волкод внимательно посмотрел на очевидно сошедшего с ума друга, прикинул, что с людьми в изменённом состоянии лучше во всём соглашаться, и выставил лихорадочно теребящего рукава шляпника в прихожую.

Через очень короткое время вышедший из гостиной Волкод застал его копающимся в магическом походном чемоданчике, который Волкод брал с собой на весьма важные заказы. Ашморк неторопливо доставал из недр чемодана и ставил на тумбу рядом с собой разнообразные эликсиры, порошки, зелья, снадобья, притирания и мази – в общем, всё, что нашёл в недрах плотно набитого кофра.

Волшебник отметил про себя, что завести прирученную посумочную гадюку не такая уж плохая затея, а оставлять чемоданчик в прихожей было крайне неразумно и больше он такой глупости не повторит никогда. Заметивший волшебника Ашморк поднял глаза и спросил:

– Как думаешь, нам могут пригодиться «Коровьи слёзы»?

Тут Волкод признался себе, что больше такого не выдержит, и выпалил:

– Ответь уже наконец: в чём пригодится?!

– Как в чём? – непонимающе переспросил Ашморк. – Мы с тобой идём на чёрный рынок, там находим новых квинков и отвлекаем продавца – ну, я отвлекаю продавца, – а ты в это время берёшь горшки и по-быстрому дуешь к

выходу. А там я тебя догоню. – Ашморк сказал это настолько восторженным тоном, что Волкод за него испугался по-настоящему.

– Отличный план, – с явным сарказмом в голосе протянул Волкод, недооценивая решимость собеседника.

– Действительно? – с радостной улыбкой спросил Хеддерсон.

Тут Волкод испугался ещё сильнее, а потому задумчиво-успокаивающим тоном сказал:

– Ну пойдём, пойдём. Потихоньку...

Основной мыслью планирующего прогуляться по ночным улицам Рутины Волкода было «Чем дальше мы идём, тем сильнее проветрится его дурная башка. Может, к концу пути и вовсе очухается».

Возбуждённый же от предстоящего им приключения и бурлящего внутри адреналина Ашморк бросился вызвать оркорикушу, однако Волкод остановил его у калитки:.

– Нет-нет, – волшебник покачал головой. – Здесь не очень далеко, так дойдём. – и про себя обречённо добавил: – «Только ночных прогулок мне и не хватало... Вот и соглашайся с сумасшедшими».

Бродя по шатким деревянным подмосткам, между которыми пробивался слабый голубоватый свет, призывающий идти дальше, Ашморк заглядывал чуть ли не за пазуху торговцам в поисках заветных горшочков. Его взгляд лихорадочно метался по сторонам, и наконец, он выудил из темноты горку тёмно-коричневой керамики.

– Смотри! – возбуждённо зашептал Ашморк Волкоду.
– Вон они! Вон!

– Пальцем-то не показывай, – так же активно зашептал Волкод и опустил руку Ашморка вниз. – Ты бы ещё имя своё прокричал!

Ашморк послушно кивнул, но пялится не прекратил.

– Идём, – выпалил он и быстрым шагом направился к торговцу. Волкоду только и оставалось, что двинуться за ним вслед.

– Нам надо квинков, четыре штуки, как можно проще. Как можно дешевле, я хочу сказать. Какие есть самые недорогие? Нам срочно. – тирадой шёпота шляпник обрушился на массивную чёрную фигуру, размером и формой схожую с горкой кувшинчиков, возвышающихся за ней. Наблюдая эту картину со стороны, Волкод поразился размерам торговца – даже стоящий ниже на земле, ростом он сравнялся с Хеддерсоном, с мостков шептавшим ему в капюшон всякие глупости.

– Самые дешёвые какие? – суется, настаивал шляпник.

Фигура молча и медленно кивнула ему и, нагнувшись под мостки, вынула чёрный горшочек. Также молча и неспешно перед лицом Ашморка появилась рука, показывающая пять грязных волосатых пальцев с кривыми, заточенными ногтями.

– Дешёвых! – прошипел шляпник.

Фигура обеими руками показала на чёрный горшочек.

– Пять это ДОРОГО!!! – шляпник был очевидно взбешён! – Дешевле!

Торговец повёл плечами, убрал горшочек вниз, отошёл в сторону и вернувшись положил на помост небольшую деревянную коробочку. Перед нахмуренным лицом

шляпника вновь появилась рука. Теперь она показывала три пальца.

– О-о-о-о-о! – застонал шляпник. – Что это? Мне нужны квинки! Квинки, ты понимаешь?

Фигура неспешно кивнула и вновь двумя руками показала на коробку.

– Какой-то гробик, – пробурчал Ашморк, открывая коробочку.

Волкод, со стороны наблюдающий эту картину, прыснул от неудержимого хохота. В раскрытой коробке на джутовой рогожке лежало маленькое иссохшее почерневшее тельце.

Хеддерсон побагровел.

– Да ты издеваешься? – подавшись вперёд, в голос проревел он.

– Тсс! – зашипел на него Волкод, ловя невидимые взгляды развернувшихся к ним чёрных капюшонов. Он схватил Ашморка за плечи и развернул к себе. – Заткнись сейчас же!

Тот кивнул и, глубоко вдохнув влажного пещерного воздуха, повернулся к торговцу:

– Мне нужны квинки! Живые квинки! – вновь шёпотом шипел он. – Не мумии. Не в гробиках! Живые! Квинки, которые всё ещё могут двигаться! Понимаешь?

Массивная фигура кивнула. Большие руки закрыли коробку, спрятали её куда-то вниз и извлекли на одобрение покупателя зелёного деревянного болванчика. Одна рука держала петельку, торчащую у игрушки из головы, вторая дёргала за верёвочку снизу, отчего тоненькие ручки и ножки судорожно и хаотично двигались каждая сама по себе.

«Неплохой сувенирчик», – подумал Волкод перед тем, как зажать рукой рот своего приятеля и оттащить его прочь от немого чёрного торговца.

Когда шляпник перестал вырываться, волшебник ослабил ладонь и убрал руку. Ашморк тяжело дышал. Он был в ярости и соображал явно плохо.

– Ну что же, ладненько, – прошептал он. – Новый план. Я иду отвлекать его, а ты...

Ашморк не успел договорить, потому что теперь уже Волкод стал возмущённо шептать ему на ухо:

– Ты с ума сошёл? Шутки шутками, но это прямая дорога очутиться в таких же коробочках! А у меня дела. И на этот Чёрный рынок мне ещё ходить и ходить! Уходим! Немедленно!

И, не слушая никаких возражений Ашморка, ни тихих, ни громких, Волкод двинулся к выходу, толкая перед собой поникшего шляпника. Тот по дороге пытался сопротивляться, но ничего поделать с упорным волшебником не мог.

Уже на улице Волкод сказал Ашморку, твёрдо и бескомпромиссно:

– Ты, друг, как хочешь, но я иду домой – спать. Тебе того же советую! Побереги себя, проспись, выброси из головы блажь – вредно для здоровья, особенно в твоём возрасте!

Волшебник развернулся и вскоре скрылся в ночной темноте.

На душе Ашморка будто кошки скреблись – странное ощущение предательства во благо едкой правдой жгло изнутри. (Это был тот самый случай, когда тебе, вроде как, сделали гадость, и душой ты вроде бы и не рад, но умом понимаешь, что правильно всё сделали!... А всё равно гадко.)

Раздираемый этими чувствами, Ашморк постоял немного, посмотрел вслед ушедшему другу, поднял голову вверх, туда, где могли бы быть звёзды, и не спеша, слегка пошатываясь, отправился домой.

Настроение не улучшилось даже после недолгой прогулки. Дом встретил Ашморка мрачной тишиной, которую шляпник тут же прервал, громко хлопнув входной дверью. Впрочем, после суматошного дня Ген так крепко спал у себя наверху, что и ухом не повёл, когда дом содрогнулся.

Ашморк поднялся по лестнице наверх, поставил цилиндр на кухонный стол, повесил пальто на крючок, сел и устался на одинокий чайник, стоявший на новой плите.

Чайник от взгляда закипать не желал, и Ашморк решил, что воду тогда вовсе пить не стоит.

Поставив на этом точку, он, вопреки всем наставлениям Волкода, побрёл по лестнице обратно вниз – в мастерскую. У него, как и у многих рутинцев его образа жизни, имелся лишь один способ хорошенько «прочистить» голову – поработать⁷⁹.

Трудясь над шляпой, Ашморк позволил своим рукам заниматься привычным делом – раскроем ткани по ранее снятым меркам. Такое отвлечение позволило ему продумать, как и где в цилиндре разместятся kviniki.

Для каждого из них он нарисовал подробную схему, как должна сшиться комнатка, выкроил все детали, в том числе маленькие дверки, к которым будет пришит кожаный

⁷⁹ Нельзя путать работу, очищающую голову, со способами эту голову заливать. Даже известный способ взбалтывания, а не смешивания, в случае заливания не приводит к очищению. Только к разбавлению и помутнению, и то лишь до высушивания.

ремешок и которые будут закрываться на надёжную медную клёпку. Клёпку сверху будет придавливать специальный замочек, чтобы квинк не мог выбраться наружу без воли его хозяина. Впрочем, Волкод перед отправкой клиенту должен будет эти дверки ещё и зачаровать – на всякий случай.

Чуть ниже верхнего обода цилиндра шляпник вставил четыре тёмных гранёных кристалла, через которые квинки смогут увидеть, что происходит снаружи. Из-за тёмного стекла снаружи кристаллы казались абсолютно чёрными, в том числе потому, что внутри цилиндра стояла полная темнота. И как раз изнутри видно всё было очень хорошо – ведь камни хоть и тёмные, но прозрачные.

Как-то несколько лет назад его клиента сильно обманули с бриллиантами: под видом чёрных высокогорных камней ему продали обычные стекляшки, и с тех пор целый мешочек таких бесполезных и ничего не стоящих кристаллов валялся у Ашморка на полке дальнего стеллажа.

Это, конечно, нарушало договор о том, что цилиндр будет идентичен уже имеющемуся цилиндру заказчика, но, как рассудил Ашморк, во первых, квинки должны видеть, что происходит вокруг, а во-вторых, если такие же камни вставить в цилиндр мистера Фанта, тогда они останутся идентичными, и их можно будет различить только по запаху.

При этих воспоминаниях Ашморка вновь чуть было не захлестнуло внутреннее отчаяние, что квинков он так и не найдёт, и все его усилия достанутся кляпкам. Он уже так много часов перебирал в уме эти тягостные мысли, что пересилить их был не в состоянии, поэтому, будучи Хеддерсоном, решил голову сосредоточить на поиски способов получения квинков, а руки – на работе.

Так, в трудах и мыслях минула недолгая тёмная ночь.

Лишь первый луч нового дня пробежался по Бурой улице, мастер, зайдя за лестницу, несколько раз дёрнул чернёную треугольную ручку, к которой был привязан шнурок, уходящий наверх, в отверстие под потолком. Где-то там, над спальней подмастерья, на нетерпеливые потуги шнура синхронно откликнулся пронзительный пискливый колокольчик.

Спустя пару минут слегка проскрипела дверь мансарды, и по лестнице спустился заспанный недовольный мальчишка.

– Дядя, кто разбудил вас так рано? – нечётким голосом пролепетал он.

– Самонадеянность! – буркнул мастер. – Садись писать объявления. Время ещё есть. Потом отоспишься.

В «потом» Ген, конечно, не поверил, но вариантов не было. Он забрал со скамьи у окна оставленные с вечера листы и угольный карандаш, сел за маленький столик, подальше от дяди, и, насупившись, стал выводить заученный текст, сопровождая каждый лист рисунком злосчастной котомки.

К девяти часам утра, когда горожане уже десятками сновали по улице в обе стороны, а стопка листов была толщиной с хороший бутерброд, Ген поднял глаза на молча работающего за раскроечным столом дядю и с надеждой в голосе спросил:

– А завтракать будем?

Шляпник молчал. Только бросил на мальчишку сердитый взгляд и снова погрузился в работу.

– Тут уже много готовых листочков – может я пойду наверх, перекушу? – ещё раз забросил вопрос подмастерье.

– Готовых много, говоришь? – не поднимая головы, ухмыльнулся дядя. – Вот и прекрасно. Отправляйся расклеивать. Обязательно вокруг рынка расклей. В первую очередь.

Ген, нутро которого отказывалось работать без подкормки, решил ещё раз уточнить ситуацию:

– Я тогда по-скорому поем – и всё развешу. – он уже сделал два шага к лестнице, но мастер остановил его резко и твёрдо:

– Нет. Развешивай сейчас. Придёшь – поешь. Сначала дела закончи. – после чего шляпник опять склонился над столом.

Мальчишка закатил глаза, громко и показательно вздохнул, сгрёб в охапку исписанные листки и обиженно покинул мастерскую.

Почти закончивший свою часть работы над заказом шляпник поднялся наверх и заварил себе кофе. Не такой вкусный, как у Музуса, однако сегодня всё было не тем, чем хотелось.

Ему очень хотелось посидеть и расслабиться, хотя он устал и соображал не вполне трезво. Но понимание того, что в первую очередь надо прибраться в суматошных мыслях и постараться найти возможные перспективы, заставило шляпника сосредоточиться. Устроившись в кресле у окна в намерении принять самые важные решения оставшейся жизни, Ашморк пригубил горячую кружку, вдохнул аромат и... дёрнув рукой, пролил на жилетку коричневый, оставляющий обязательные пятна, напиток. Колокольчик, звякнувший внизу, бесцеремонно сообщил о несвоевременном посещении.

– Кого там ещё принесло?... – недовольно прохрипел шляпник, и, опасаясь за инструменты, неосмотрительно оставленные в мастерской с незапертой дверью, спешно направился вниз по лестнице.

На пороге, внутри мастерской, у самых дверей топтался приземистый рыжебородый гномик. Его борода была совсем юной, но лицо уже покрылось взрослыми морщинами. Над бородой, как спелая слива, нависал объёмистый, жилистый нос, а над ним хлопали два голубых внимательных глаза. По лицу гномика стекали капельки пота, а сам он глубоко и прерывисто дышал. За спиной виднелся большой, местами ржавый, молот, по размерам несколько превышающий своего хозяина. В руках гномик держал товарную жёлтую сумку с длинными зелёными ручками.

Когда Ашморк спустился по лестнице, гномик поставил сумку на пол. В ней что-то приглушённо брякнуло. Обеими руками стянув с кудрявый головы потёртый клетчатый берет, он размеренно запищал:

– Вот та самая сумка, которую ищет владелец объявления, вывешенного на столбике Торчащего переулка. Мне папа посоветовал – он видел.

Эту сумку Ашморк видел впервые.

– Меня зовут Кёби, мистер Ашмарка. Я рад весьма, что помогу достойному гражданину, каким вы являетесь. Я бы никогда не попросил вознаграждения за эту сумку, если бы вы сами его не предложили во всеуслышание.

– Это не та сумка. – сморщив губы, ответил шляпник.

– Но в вашем объявлении всё описано точно. И сумка найдена ваша. Прошу помочь мне вернуть её вам.

– Я не могу тебе помочь, – нахмурился Хеддерсон. – Это не та сумка.

– Ваша доброта может помочь мне.

– Значит у меня нет доброты... для тебя.

– Мистер Ашмарко, – настаивал гномик. – Вы выглядите очень добрым. И расставание наше прошло бы очень успешным, если бы вы оставили себе эту сумку, а мне отдали справедливое вознаграждение. Без урона для каждой из сторон.

– Но молодой человек согласится со мной, – решил сменить тактику шляпник. – Не та сумка – не то вознаграждение.

– Так могло бы получиться, если б сумка была не той, – согласился посетитель.

Ашморк дошёл до журнального столика, взял образец объявления, с которого Ген срисовывал копии, и протянул его юноше.

– Неприятно, но вполне обоснованно, – ответил тот, внимательно разглядев объявление. – Где не то вознаграждение?

– Вот тут, – Ашморк указал на корзину с обрезками материалов, стоящую возле раскроечного стола. – Возьмите... пару штук.

Наблюдая, как гномик роется в корзине, предварительно наклонив её к своей голове, Ашморк отхлебнул чуть подостывший кофе.

Наконец, выдернув пару окружных лоскутков, посетитель вернул корзину в вертикальное положение:

– Не густо.

– На сумку я не претендую. – парировал Ашморк.

– Вот это справедливо, – кивнул Кёби. – Хотя за такое скудное вознаграждение надо было бы и доплатить...

– Прощайте, – сухо ответил Хеддерсон.

Поняв, что ловить тут больше нечего, гномик сунул лоскуты в сумку, закинул её за плечо и, развернувшись с порога, размеренно прописклявил:

– Гномы никогда не прощаются.

Ашморк выдохнул вместе с закрывающейся дверью, подняв глаза к потолку.

Кофе ждал его на столе, но только шляпник отвернулся от входа, как колокольчик вновь призывающе звякнул. На пороге стояла низенькая полненькая старушенция, одетая неизвестно во что и прикрытая сверху замызанной порванной шалью. Она премиленько улыбалась дырявой коричневой улыбкой. В одной руке она сжимала толстую кривую трость, а другой протягивала Ашморку выдавшую виды сумку цвета собственных зубов. Снизу сумка была сильно заляпана грязью, и с неё капало что-то склизкое. Капли падали на свежие и до сих пор чистые морёные доски пола, вбивая острые гвозди в самое сердце шляпника.

Слова застряли в горле мастера и, показывая на сумку рукой, он двинулся на старушку, кряхтя нечленораздельное «Б!кхааа... и-и-и...»

Старушка, словно гиена, подстерегающая свою жертву, широко улыбнулась и прошамкала:

– Молодой человек, вижу-вижу, вы рады. Вот ваша котомочка. В порядке конечно! И много...

– ...из мастерской! – заорал шляпник, обретя дар речи. И, наступая на бабку, стремительно выдавил её за порог.

– Полоумный... – только и ахнула старушенция, когда прямо перед её носом резко захлопнулась тяжёлая дубовая дверь. Только стёкла все разом звякнули.

– Распустёха! – сквозь стекло не остался в долгу Ашморк. – Пол-то отмывать теперь придётся... Гену. – добавил он себе под нос.

Старушка не сдалась и, поджавши губы, маячила в правой витрине. Прильнув к стеклу, чтобы разобрать где хозяин мастерской, она стирала уличную пыль, одновременно оставляя жирные отпечатки лба. Всё ещё протягивая проклятую сумку и желая привлечь внимание Ашморка, она ткнула в окошко тростью и вполне бодро проскрипела:

– Недорого вожьму-уу...

Ашморк погрозил ей кулаком, отошёл к столу и, делая вид, что работает, стал внимательно наблюдать за неугомонной бабкой. Та, очевидно не потеряв надежду на выкуп, продолжила кричать, расхаживать вдоль фасада направо и налево, заглядывать в окна и тыкать в стёкла своей палкой и грязной сумкой.

Напротив, у скобяной лавки, остановились прохожие и с интересом наблюдали за суетящейся старухой. Слева за витринами тоже стали собираться зеваки. Глядя на усиливающееся безобразие, Ашморк вздохнул.

Он отхлебнул из кружки остывший кофе и скривился. Кофе потерял свой вкус.

В это время внимание Ашморка, наблюдающего за шарашущейся снаружи сумасшедшей, привлёк неопрятный горожанин средних лет. Он тащил за собой большущий холщовый мешок. Тяжёлая ноша оставляла в пыли Бурой улицы чёткий извивающийся след. Как показалось шляпнику,

содержимое мешка упиралось, моталось из стороны в сторону и всячески сопротивлялось направлению движения.

Когда направление неопрятного горожанина (кстати, без головного убора) стало очевидным, Ашморк стремительно метнулся к дверям. Он точными движениями запер дверь на засовы и также быстро ретировался обратно за стол, чуть ли не под самую лестницу, откуда его практически невозможно было разглядеть снаружи.

Дойдя до крыльца, неопрятная фигура остановилась. В мешке действительно что-то двигалось, и у шляпника мелькнула надежда, что это могут быть квинки, однако, когда обративший на это внимание горожанин, грязно выругавшись, дал мешку пинка, всякие мысли о квинках полностью улетучились⁸⁰. Выполнив экзекуцию, он, задрав голову, хмуро оглядел вывеску, после чего уверенно нажал на ручку двери. Предусмотрительно запертые двери не поддались, и, поняв это, неопрятный забарабанил прямо по стеклу.

– Там он. Там! – прошамкала подоспевшая бабка. – Прячется. Платить не хочет. Я, кстати, первая! За мной будешь.

– Сгинь. – мрачно бросил в её сторону неопрятный горожанин.

– Я тут раньше тебя, – настаивала бабка. – И сумка моя подходящее будет.

– Сгинь. С глаз. – покосился на нее конкурент.

⁸⁰ Живой квинк любого возраста отгрызёт любую конечность, его ударившую. Можно издеваться над ними всю жизнь – не кормить, держать в кандалах, заставлять работать без отпускных, орать и всячески насмехаться. Всё это можно делать одновременно и без временных ограничений. Но только не бить.

– Слишком жива твоя поклажа, – кивнула старуха на слегка шевелящийся мешок. – Может, не хочет сдаваться?

– Зашибу! – угрожающе буркнул неопрятный и пнул мешок ещё раз. Тот беззвучно замер, а бабка на всякий случай переместилась на безопасное расстояние.

Ашморк, скрючившийся за столом, чтобы его точно уж не заметили, подтвердил свои выводы: квинки бы точно так беззвучно не замерли, а значит, и мешок интересен скорее не ему, а Страже. И не только мешок, но и его хозяин. Стражников поблизости видно не было, и Ашморк решил, что ему лучше не вылезать из-за стола. Пока бабка с мутным типом неопрятного вида выясняли, кто, когда и с кем пришёл, кто где должен стоять в этой очереди, кто чистил отхожие приямки в доках, кто ляжет первым и в какую могилу⁸¹, чьи родственники стригли когти серым оркам и чья сумка подлинней, конкурентная среда перед мастерской пополнялась новыми спорщиками.

Искатели вознаграждения прибывали и прибывали. Их было уже столько, что они облепили крыльцо целиком. Однако ссорящаяся парочка никому не давала подступиться к дверям.

Из-за края витрины справа вынырнула маленькая белая собачонка. Слишком прилизанная, до состояния струны натянув поводок, она любопытно тянула свой нос в сторону перепалки. Вслед за собачонкой неспешно появилась сначала одна женская нога, затем другая. Обе ноги были обуты в чёрные сапожки и завернуты в терракотовую шерстяную юбку с жёлтым орнаментом. Только после этого показалась

⁸¹ Оживившийся Ногс вырвался из толпы зевак и раздал конкурентам визитки.

вся остальная женщина – в кофте и шали. В руке она держала очередную сумку, глядя на которую Ашморк мог с уверенностью сказать: сумка похожая, но точно не та.

Только появившись перед мастерской, мелкая шавка тотчас обратила внимание на дёргающийся у ступеней мешок. Она ощерилась – если так можно назвать эту жуткую собачью гримасу, и...

Искра. Буря. Безумие.

Шавка визгливо затафкала и, ещё больше натянув поводок, продёрнув хозяйку, с рычанием вцепилась в мешок со всей своей собачьей страстью и ненавистью.

– Звёздочка! – воскликнула женщина, неловко взмахнула сумкой и запричитала, пытаясь оттащить собачонку от подёргивающейся добычи. – Звёздочка, немедленно перестань!

Неопрятный тип обернулся, одной левой поднял мешок и с неприязнью резко его потряс. Шавка не только не отцепилась, но наоборот – вгрызлась в пылящую мешковину ещё сильнее и яростнее.

Женщина схватила собачку за задние лапы, вероятно, с намерением оторвать от «добычи», но все усилия были тщетны. Разлучить мешок и Звёздочку стало практически невозможным.

– Ну как же так? – воскликнула она, всплеснув руками и ни к кому конкретно не обращаясь. – Звёздочка всегда такая приличная, такая лапочка...

Неопрятный смерил женщину недобрым взглядом и отпустил мешок. Тот с глухим грохотом обрушился вниз. Женщина не удержала собаку, и та с глухим рычанием последовала вслед за добычей.

Тут хозяйка наконец поняла, где находится, оглядела замолчавших спорщиков, и очень искренне спросила:

– С сумками это сюда, да?

Ответом ей послужил вновь разгорающийся спор.

Женщина грустно прислонилась к витрине, наблюдая, как её Звёздочка увлечённо грызёт уже недвигающийся мешок. Казалось ничто не могло оторвать собаку от этого увлекательнейшего занятия, как вдруг со стороны Круговой Аллеи раздался страшный грохот. Шавка, а за ней и все собравшиеся, обернулись направо, где волосы у зевак вставали дыбом, прохожие в ужасе жались к стенам домов и птицы разлетались в стороны целыми стаями. Лишь бабка с типом неопрятного вида продолжали спорить о своём.

Ашморк, вытягивая шею, пытался расширить свой обзор справа. Это ему не удавалось, и единственное, что он мог утверждать точно – грохот направляется к его мастерской. Он зажмурился и с тихим ужасом подумал, ЧТО же может производить такой шум? Когда шляпник открыл глаза, нечто кубарем пронеслось по улице, и, распугав всех и каждого, остановилось, перевернувшись в последний раз прямо напротив дверей мастерской.

Что удивительно, происходящее не помешало бабке и неопрятному типу продолжить спорить. Они увлечённо перемывали друг другу кости, наслаждались процессом и, совершенно не замечая окружающего бедлама, вовсе не собирались останавливаться.

Когда ветер, наконец, унёс облако уличной пыли куда-то в сторону моря, Ашморку открылся вид на группу из десяти-двенадцати грязных мальчишек, ошетинившихся как Звёздочка и пытавшихся отдышаться. Получалось у них плохо, поэтому большая часть опиралась на большой,

местами всё ещё обитый железной лентой, сундук. Этот сундук был явно тяжёлым и точно очень старым. Трещины, облезшая краска, ржавые ручки по сторонам и такой же ржавый замок – всё говорило о прекрасных годах, давно ушедших в историю.

«Этот хотя бы не шевелится», – подумал шляпник. – «Может, они квинков туда пересадили, чтобы не сбежали... Идея-то хороша».

Самый старший из мальчишек пришёл в себя быстрее остальных. Он залихватски поправил кепку и подскочил к ошарашенной подобным поведением хозяйке Звёздочки.

– Бурая-19-М? – единым словом выпалил он ей прямо в лицо.

Женщина, поморщившись, сдержанно ответила:

– Да, молодой человек. Но там, как видите, заперто.

Пацан расплылся в беззубой улыбке и, обернувшись, радостно завопил своим друзьям, пытавшимся перевернуть сундук на его основание:

– Я же говорил, что это здесь!

Сундук под напором компании наконец-то поддался, придавив пару-тройку ног, и оттого ответные крики стайки мальчишек разделились на восторженные и страдательные. Кричали все, как один, и очень громко, но каждый по-своему.

Толпа зевак обступила сундук, а претенденты на награду вновь столпились у самого крыльца.

Ашморк, укрываясь за столом, переживал по поводу целостности витринных и дверных стёкол. Хотя те и были заговорены от прилёта камней, но железные решётки по всему фасаду сейчас были бы особенно кстати – однако средств на их воплощение Волкодом при переезде у шляпника не хватило.

Нагловатый пацан постучал костяшками по стеклу двери и прокричал:

– Мы всё тебе припёрли! Открывай!

Как и прочие, не дождавшись ответа, он обхватил лицо ладонями и, прислонившись лицом к стеклу, стал разглядывать обстановку мастерской.

– Так там и нет никого, – громко сообщил он. – Зато подарков нашедшим, полная гостиная. Чур – мне столик и кочерга. Остальное парням, – и, развернувшись к толпе, он крикнул через её головы: – Пацаны, тут так-то всё можно забирать!

Ашморк Хеддерсон несколько обалдел от такого поворота событий. С одной стороны, он не собирался отдавать никому и ничего, с другой стороны – мысль о врывающейся в мастерскую толпе было настолько же болезненна, насколько и раззорительна.

Неизвестно, чем бы продолжилось дело, если бы на пороге не появился ничего не подозревающий Ген.

Он с удивлённым выражением лица протиснулся сквозь плотные ряды собравшихся и, обогнув нагловатого подростка, взялся за ручку двери.

– Ишь, какой пряткий. – взвизгнула бабка, а неопрятный положил на плечо подмастерья тяжёлую грубую руку с толстыми волосатыми пальцами.

– Ижо чо, ружзачок притащил, – пробубнил он. – Давай-ка, в очередь. Я первый.

– Я! – вновь взвизгнула бабка.

– И ты тоже вон отсюда, – обратился он к наглецу. – Тут всё чин по чину – сперва мне награда, потом вы пролазьте.

Неопрятный отодвинул Гена и нагловатого в сторону, и те, сминая друг друга, слетели со ступенек прямо на собачницу. Звёздочке это не понравилось и, бросив мешок, псина залилась таким лаем, что грохот сундука показался окружающим ненавязчивым шелестом.

Пытаясь укусить мальчишек за ноги и за руки, собака яростно вертелась вокруг них, а они, сидя на земле, объединившись перед лицом зубастой угрозы, отталкивали её ногами. Женщина, оправившись и поднявшись, смогла наконец оттащить питомицу на безопасное расстояние, и пацаны бочком вдоль витрины ретировались подальше от злобного мелкого чудовища.

– Скилл. – протянул руку нагловатый, когда они оказались в безопасности. – А ты здорово ей наподдал.

– Я прям в нос каблуком зарядил, – тяжело дыша, протянул руку подмастерье. – Ген.

Новообретённые друзья со стороны оглядели происходящее.

– Как думаешь, что-нибудь выгорит тут с наградой? Маловат у тебя рюкзачок, мы вон сундук им припёрли.

– Маловат? – переспросил удивлённый Ген.

– Ну конечно. Я читать не умею, но парни сказали, что в объявлении пишут про награду за лучшую вещь для поклажи. Что ещё лучше сундука-то придумать.

Ген, до которого начала доходить суть происходящего, только рот раскрыл. Споры горожан на крыльце, толпа зевак по обе стороны от мастерской, разнородные принесённые с собой вещи, валяющиеся вокруг – всё это было откликом на его объявления. Вернее, всё это было неграмотным откликом на его прекрасно написанный призыв о помощи.

– Там говорится о котомке. Она же там даже нарисована!

– Точно. Таких котомок в наш сундук знаешь сколько поместится – пара сотен спокойно. А если попрыгать, то и больше впихнётся, – довольно отметил Скилл.

– Дядя меня прибиёт, – рассеянно заметил Ген.

– Так конечно, с таким рюкзачком ты тут точно не в лидерах. Давай со мной – сундук большой. Но наперёд знай – столик и кочергу я уже забил.

Тем временем в толпе что-то происходило: бурление конкурентов и зевак усилилось, крики и оханье теперь слышались не от дверей, а с середины улицы, где вокруг сундука бурлило столпотворение.

– За руку почти поймал, – слышался хрипящий зычный голос.

– И у меня пропало, – вторил ему высокий катский акцент.

– Туда ускользнул, – советовали с удовольствием...

– Берегите кошельки, если деньги велики! – озорно прокричали строчку известной песни где-то со стороны скобяной лавки.

И только тут толпа перестала быть толпой – каждый спохватился о себе.

Споры резко стихли, глаза и руки полезли проверять нажитое честным и нечестным путём с абсолютно одинаковой скоростью. Несколько моментов над улицей царила тишина. Разорвавшие её крики свидетельствовали о немалом успехе карманной гвардии.

Ген, решивший воспользоваться замешательством, вновь устремился на крыльцо мастерской, чтобы разубедить

пропавшего куда-то приятеля и всех окружающих, объяснив им суть происходящего:

– Уважаемые, – прокричал подмастерье с крыльца как с трибуны. – Произошло недоразумение!

Крики стихли. Все обернулись к оратору.

Те, кто только что лишились части своего состояния также прислушались – быть может если представление будет увлекательным, так и оплата могла того стоить...

– Некоторые из вас могли неверно понять суть распространённого листка с объявлением. Особенно те, кто читать не умеет.

Толпа чутко погудела.

– Там в тексте указана совершенно конкретная сумка, она даже там нарисована. Там...

– Заливаешь, пацан. – перебил его голос откуда-то слева. – Мой деда такого не вычитал.

– А я вам сейчас покажу! – Ген сдёрнул с плеча рюкзачок и вытащил пару помятых листков объявления. – Смотрите! Тут вот написано, что сумка утеряна именно такая!

– Тебе-то почём это знать? В двери его не пускайте!

Толпа, загудевши, надвинулась на крыльцо, но увлечённый своей правдой подмастерье поднял листки над головой и прокричал:

– Я сам писал эти объявления! Я знаю, что в них написано, и точное описание утерянной торбы указано на этом рисунке...

– Так это ты нам обещал награду? – взвилась бабка.

Ген побледнел.

Тяжёлая грубая рука с волосатыми пальцами во второй раз легла на плечо мальчишки.

– Мой дядя... – севшим голосом проямил тот.

– Самое честное правило – со мной прямо сейчас расплатиться. И дядями мне зубы не заговаривать. Ты за обещания ответь...

Толпа заухала и хищно прижалась к крыльцу.

Ашморк очень подумал, прежде чем отправиться спасать Гена – одно дело со стороны с интересом наблюдать всевозможные конфликты, особенно – с таким приличным количеством участников, другое дело в этот конфликт вмешиваться, да ещё в самом его разгаре. Продолжительные размышления шляпника уже грозили обратиться настоящей трагедией, когда слева к разъярённой толпе с опаской приблизилась строго одетая девушка в большом фетровом берете. Ашморк бы никогда не заметил эту типичную обитательницу торговых кварталов, если бы не одна деталь: в её руках была зажата его, Ашморкова, торба. Из-за стола не было видно деталей, но зрение шляпника мгновенно сфокусировалось на разыскиваемой сумке.

В этот же самый момент Ашморк уже отпирал дверь. Когда он появился на крыльце, шум, стоящий на улице, поутих на пару мгновений. Однако, когда собравшаяся толпа осознала, что перед ней появился тот, кто действительно заплатит за всё, шум только усилился.

Про Гена тут же забыли и он, отодвинутый в сторону, с расширенными глазами наблюдал, как конкуренты ринулись к шляпнику, протягивая мешки, сумки, торбы, ящики и даже подгнивший тёмно-зелёный кабачок. Кто не мог протянуть свою находку оттого, что та была неподъёмной, тот пытался притянуть к своей находке Ашморка.

Все орали на всех, на окружающих, на собаку и на шляпника.

Слева поодаль ухмыляясь стоял Ногс, уже присматривающийся к сундуку, оставшемуся без присмотра посреди улицы.

Глядя на соседа, Хеддерсон закрыл за собой дверь, вдохнул местный подушневший воздух и со всей мочи заорал:

– ВСЁ НЕ ТО!

Толпа осела.

– ВСЁ НЕ ТО!!! УХОДИТЕ!

Никто расходиться и не собирался. Пойди еще дождись объявления, в котором за сумку награду обещают!

– Так вот же, – встрял слева какой-то пацанёнок, протягивая Ашморку серенькую авоську. – Вот же – вы такую потеряли...

– Не такую! – язвительно ответил шляпник и страшно скривил рот.

Мальчишка удивлённо посмотрел на него и вполне откровенно высказался:

– Ну и дурак!

И пока Ашморк соображал, как бы до него дотянуться, пропал среди плотной толпы.

– У меня мешок твой тут, – отодвигая прочих, выдвинулся вперёд Неопрятный.

– Не мой он, – ища глазами серую девушку, машинально ответил Ашморк.

Большая ручища повернула подбородок шляпника в сторону неприятного небритого лица.

– А мешок считает, что он твой!

– Неправильно считает. – забыв об опасности общения с подобными типами, парировал Ашморк и, отмахнув ручищу, стал протискиваться прямо сквозь толпу.

– Вот ваша сумка...

- Не моя.
- Вот забирайте...
- Не то.
- Ящик, дяденька...
- Не мой.
- Две коробки...
- Себе оставь.
- Синяя сумочка-то...
- Уйди, бабка.
- Это точно...
- Не это.

Толпа закончилась. Ашморк отбежал на десяток шагов, обернулся и оглядел собравшихся со стороны. Серой девушки не было. Ни в сторону Надпортовой стороны, ни в сторону Круговой аллеи её тоже не было видно.

– Ге-е-е-н! – вернувшиеся птицы, с интересом наблюдавшие происходящее, сорвались с карнизов и предпочли покинуть это опасное место.

– Да, дядя. – мальчишка был уже тут.

Шляпник больно сжал его плечо.

– Она только что была тут, – с широко раскрытыми глазами заговорил Ашморк. – Я в сторону порта, она оттуда пришла, ты – туда. – он показал рукой в противоположную сторону.

– Кто – она? – тихо спросил настороженный Ген – с дядей последние пару дней творилось неладное, и ожидать можно было любого ответа, от летающей шляпы до самки зловонного пещерника⁸².

⁸² Зловонный пещерник – пренеприятнейшее животное, обитающее в кварцевых горах. Ростом он примерно в два раза выше среднего горожанина. Считается смертельно опасным, хотя нет ни одного

– Ах да, – обернулся уже убегающий шляпник. – Девушка. В сером берете. Да и сама серенькая такая. Ох, да это и не важно. Торба у неё! У неё!..

Огибая толпу, мастер наткнулся на Викбурка. Он был в обычном для гнома-кузнеца облачении, а двое подмастерьев тащили прекрасную обоюдоострую секиру. Очевидно, отправились сдавать заказ.

– О! Сосед, – улыбочиво воскликнул шляпник. – Отличный экземпляр! Для тролля ведь, не меньше! Пройдись, прошу, вдоль моего крыльца, скажи, чтоб расходились.

Гном усмехнулся, но кивнул шляпнику.

– В долгу не останусь! – на ходу бросил Хеддерсон и со всей возможной для него скоростью направился в сторону рынка.

Стоило Ашморку раствориться в толпе, Ген, также весьма заинтересованный в нахождении квинков, отправился вверх по улице. Чем ближе была Круговая Аллея, тем сильнее волновался Ген, крутивший головой по сторонам – он не знал, как выглядит та девушка, которую ищет, а сумку видел исключительно на собственных рисунках, выполненных по рассказам дяди. Он добежал до рынка, оббежал Круговую аллею и все окрестные улицы, прошёлся по рядам между торговцами, но всё напрасно.

Неизвестная незнакомка уже начинала казаться видением, фантазией, но вдруг его будто молнией ударило – невысокая девушка в сером шерстяном платье и беретке, с сумкой, подозрительно похожей на его зарисовки, зашла в

подтверждённого случая гибели живого и сознательного обитателя Ближнего Мира – подойти к местам обитания зловонного пещерника невозможно, если вы дышите.

«Горячую пекарню со сладостями м-ра Дреммана», и Ген тотчас ринулся за ней, едва огибая прохожих.

Девушка, наклонившаяся к витрине, сосредоточенно изучала ассортимент лучшего (потому как единственного) шоколада в этой части города. Пошарив в левом кармане, она скрупулёзно пересчитала вытащенные мелкие монеты.

«Не хватит», – подумал Ген, наученный горьким опытом. Он вытащил из кармана мятый листок объявления, вытянул его перед собой и начал сравнивать изображение с сумкой, висевшей на плече незнакомки. Ген переводил взгляд туда-сюда, сюда-туда, и, хотя рисунок сильно отличался от имеющейся сумки, совпадение было очевидным.

Удостоверившись, что пропажа находится прямо перед его глазами, Ген кашлянул и, наконец, сказал:

– Я вас нашёл!

Девушка обернулась. Её тонкие пальцы сжались на ремне находки, а по-орлиному острые глаза, смотревшие на мир из-под чёрных бровей, заставили Гена поёжиться.

Вместо ответа на молчаливый вопрос Ген поднял перед собой объявление и приветливо улыбнулся.

– А, да! Ну у вас там такая толпа... – рассеянно ответила незнакомка, с которой тут же слетела маска напыщенности..

– Так сумка же у вас, идёмте, мой дядя очень-очень переживает и ждёт! – воскликнул Ген.

Девушка спрятала монетки в карман, обернулась на витрину с шоколадом, приценилась и ответила:

– Мне две плитки с миндальной крошкой, две самого чёрного, две фирменных, пирамидку «Готес», и абонемент на четыре декады. Остальное отдадите у дяди.

Ген оторопел.

– У меня нет столько денег... – он прикусил язык, похвалив себя за находчивость, и поспешно добавил: – с собой...

– Ну конечно. – девушка с лёгким разочарованием усмехнулась и вновь повернулась к витрине.

– Дядя...

– Уважаемая миссис Дремман, – обратилась незнакомка к даме за прилавком. – Вы знаете этого нерешительного молодого человека? – и ткнула пальцем в сторону почти-не-расстроенного Гена.

– Да это ведь подмастерье у Хеддерсона. А что, милая?

– Он мне хотел у вас прикупить кое-что, да денег не запас. Вы в долг даёте?

Мисс Дремман оценивающе глянула на потерявшего всякий дар речи мальчишку и кивнула:

– Они порой берут у нас на долгий счёт. Давно их уже не видела, но иногда заглядывают...

– Вот и прекрасно! – объявила девушка. – Мне три плитки с миндальной крошкой, три самого чёрного, три фирменных, две пирамидки «Готес» и абонемент на четыре декады на выпечку.

– Ох, милая, мы тебе рады даже больше, чем обычно, – закудаhtала миссис Дремман, делая записи в маленьком блокнотике.

– Вы сразу всё посыльным отправьте, я забирать сейчас не стану.

– Конечно, лапочка. Отправлю, милая.

Стоило миссис Дремман обратиться к Гену, её доброжелательные интонации испарились, уступив место тому самому деловому тону, которым хозяйка заведения настойчиво убеждала заядлых сладкоежек отдавать долги:

– А ты дяде передай, чтоб не тянул. Сумма серьёзная, надолго не задерживайтесь.

Ген только рот открыл, чтобы попытаться возразить, как незнакомка, повернувшись к нему, прошипела:

– Кивай! Не то меня сейчас же тут не будет!

Застыв с открытым ртом мальчишка проследил взглядом, как девушка покинула пекарню, вернул взгляд на миссис Дремман, кивнул, закрывая рот, и, чтобы снова не потерять дорогую, в прямом смысле этого слова, находку, выбежал прочь.

Тем временем Ашморк Хеддерсон, не найдя и следов таинственной незнакомки с надпортовой стороны, давно прибежал обратно и уже приставал с расспросами к торговцам и посетителям Рыночной площади.

Он заплатил долговязому мальчишке, который рассказал, что видел как сумку кто-то принёс сюда на рынок, а потом с рынка унёс. Потом мальчишка запутался, и Ашморк понял, что его морочат. Он хотел отобрать заплаченное, но пацанёнок сбежал и, по всей видимости, рассказал об удачной сделке всем приятелям. Теперь к Ашморку приставали все окрестные мальчишки с небылицами о сумках, девушках и прочих персонажах. Запрашиваемая стоимость абсолютно уникальных секретных сведений росла на глазах, и шляпник, отчаявшись что-либо узнать, перестал разговаривать и молча отправился домой, по пути высматривая в толпе хоть чуть-чуть знакомые черты.

Когда он вернулся в мастерскую, уже начинало темнеть, и Ашморк, вернувшийся ни с чем, кружил по помещению в высшей степени раздражения.

Едва Ген открыл дверь, шляпник, бросив взгляд на входящих, едва не лишился сознания. Он ринулся к ним и, с ходу отпихнув Гена, с расспросами набросился на девушку.

Незнакомка прижала сумку к груди и замерла в некотором шоке от такого напора. Когда воздух в лёгких Ашморка закончился и поток не вполне связанного монолога прекратился, она вытянула сумку вперёд, явно не желая приближаться к этому полусумасшедшему больше, чем это необходимо.

– Возьмите вашу сумку

Ашморк Хеддерсон, с надеждой, пронизывающей всё его тело, выхватил торбу у девушки. Сразу почувствовав её вес, всё равно открыл, чтобы окончательно убедиться в том, что сумка пуста, и–

Замер в оцепенении.

Все надежды были нещадно разбиты, растоптаны, уничтожены пустотой этой проклятой торбы. Глухая волна раздражения и непонятной злобы – на себя, на незнакомку, на Гена, на жизнь – поднялась до самого горла. Ашморк поднял глаза на обманщицу и в отчаянии выпалил, переходя на крик:

– Ты их украла? Ты их продала? Кому продала?

– Я не знаю о чём вы! – воскликнула девица, скрестив руки. – Я нашла только сумку!

Ашморк был совершенно глух; можно даже сказать, что он сошёл с ума от бессмысленности его последних решений.

– Ты решила пожить дважды? И квинков продала, и за сумку награду пришла забирать?

– Кого продала? – с жаром в голосе возразила девушка, отступая к двери. – Я нашла эту сумку в Чесночном переулке. Там она уже была пуста.

– А ну признавайся, воровка! – закричал Ашморк, как вдруг его глаза застыли. По ужасу в глазах девушки он понял, что квинков в найденной сумке конечно же не было. Он пошатнулся, не торопясь дошёл до дивана и медленно осел. Девушка, оцепенело смотрящая на шляпника, внезапно развернулась, настежь распахнула дверь и спешно скрылась в сумерках.

Ген скорбно добрёл до двери, затворил её, запер на задвижку и, не решаясь уйти к себе, уселся на табурет у раскроечного стола.

– Дядя, вы как?

Мастер молчал.

Ген тоже молчал и смотрел на шляпника.

Внезапно Ашморк, уставив взгляд ровно напротив себя, проворчал, сжимая в руках злосчастную сумку:

– Только беретка её и спасла... Хорошо, что награду этой стерве вперёд не отдали. – Ген, спрятав лицо в ладонях, едва подавил стон безмерной досады.

Тем временем шляпник продолжал говорить:

– Чесночный переулок – так она сказала. Я сейчас туда. Может, бродят где-то поблизости...

Ген слегка оживился и постарался припомнить что-нибудь о квинках, чтобы помочь дяде с их поисками. Мальчишка задумчиво посмотрел в потолок.

– По-моему, волшебник говорил, что их на пахучую еду приманивать надо.

Ашморк спешил. Колбаса в грубом пергаменте, зажатая под мышкой, воняла на всю округу. Он нашёл её в бюджетных рядах Рыночной площади по запаху. Судя по тому, что встречные горожане, ведя носом, оборачивались на него, а за самим шляпником семенила небольшая стая собак, квинки её точно учуют.

Чесночный переулок был довольно тёмным местом даже в дневное время, а сейчас в нём было не видно совсем ничего.

Редкие светящиеся окна были задёрнуты плотными шторами, и только приглушённые крики и брань раздавались в этой каменной темноте. Немного помогал ночной небесный свет – в синеве было видна старая мостовая, местами сохранившая камни.

«Как беззубая улыбка», – подумал Ашморк, – «Вроде и камней почти нет, и мостовой по привычке называется... Что, интересно, та девица тут делала?» – и, грустно усмехнувшись, сам себе ответил. – «Видимо, что-то. Как и все – что, например, я тут делаю?»

Переулок был пустынен и скучен. Колбаса, которую мастер держал в вытянутой руке, привлекала только скуление собак, сворой следовавших за ним. Переулок заканчивался тупиком – двумя высокими частоколами, сходящимися друг с другом. В образовавшемся от их схождения углу стоял старый покосившийся буфет. С его полка на Ашморка недобро глядели многочисленный жёлтые глаза.

– Этого ещё не хватало. Кошки!

«Если тут и были квинки, то они точно предпочли бы более спокойное местечко», – подумал Ашморк.⁸³

Он развернулся и, старательно огибая собачью стаю, бочком двинулся обратно. Собаки, не обратившие никакого внимания на кошачье племя, прижимали его к стене и молящими глазами смотрели на колбасу в задранной вверх руке шляпника.

Так, обтирая спиной штукатурку, Ашморк наткнулся на узкий проход между домами, который сперва не заметил – тот был с обеих сторон заставлен старыми гнилыми бочками и какими-то ящиками.

«Так, быть может, они и запрятались тут?» – мелькнуло в его голове.

Перед тем, как свернуть в это узкое чёрное пространство, Ашморк, вновь зажав колбасу под мышкой, чтобы не выпала, поставил на высокий парапет предусмотрительно взятый с собой масляный фонарь и разжёл его. Держа на вытянутых руках колбасу и фонарь, шляпник осторожно шагнул в расступающуюся темноту.

Под ногами чавкала какая-то жижа, вдоль стен стояли старые бочки и валялся различный мусор. Сами стены были вертикально изрисованы многолетними извилистыми подтёками дождевых ручейков. Ни одно окно, выходящее в этот проулок, не светилося. Было жутковато. В напирющей сзади собачьей клике среди скулящего фона стали набирать силу рычащие звуки. Путь назад был отрезан, и Ашморк двинулся быстрее – впереди маячил узкий выход. Не важно, куда, главное – маячил. Однако, к ужасу шляпника, дорога к

⁸³ Ашморк, конечно, ошибался. Если бы четыре квинка решили, что тут кормят и эта подворотня им подходит – ни кошек, ни тем более этих слабовольных собак тут и в помине бы не было.

этому выходу лежала мимо десятков жёлтых немигающих глаз. Кошки спускались сверху. Они заполнили всё пространство – землю, отливы, бочки, камни, коробки, – везде сидели тихие чёрные тени, преграждающие ему выход из этого жуткого проулка.

Ашморк испугался.

Ему хватало того, что в своём договоре он и так был на волосок от смерти, и такое завершение жизненного пути никак не вписывалось в нынешние планы.

Руки его дрожали. Глаза искали спасения. Ум перебирал варианты. Собаки рычали. Кошки облизывались.

Квинков тут не было.

Ашморк Хеддерсон неспешно размахнулся своей колбасой – чтобы не осталось в этом проулке никого, кто бы её не заметил. Собачьи носы проследили траекторию размаха. Кошки расширили глаза.

Когда колбаса по навесной траектории полетела в сторону кошачьего племени, рычащая собачья свора, не замечая ничего, кроме пахучего куска на фоне полосы тёмного неба, бросилась вперёд мимо прижавшегося к грязной стене Ашморка. Он же, напротив, стараясь уклониться вправо, устремился в обратную сторону.

Когда он попал на Окружную аллею, его было трудно узнать. Грязные ботинки и брюки, испачканные по колено, пальто, забрызганное слюнями с порванным левым рукавом, грязные руки, поцарапанный о кирпичи цилиндр – все прохожие сторонились его, тыкали пальцами и о чём-то шептались.

Ашмонка Хеддерсона было не узнать, но ему не было стыдно. Ему было радостно – сегодня он остался живым!

«Но квинки...» – мысль, временно отошедшая на второй план, вновь закрутилась в голове. И вслух он произнёс:
– На чёрном рынке!

Проиграв безнадежности, разум покинул его сознание, а прилив адреналина и бравада сделали остальное:

«Квинков нужно просто украсть на чёрном рынке у жадных капюшонов», – решил шляпник.

Но всё оказалось не просто: в Чёрном тупике его не только не пустили в повозку, но и подробно объяснили, что происходит с разгорячёнными горожанами, ищущими приключений в столь поздний час в этом месте. В общем, собачья стая показалась шляпнику цветочками, а радость была выбита из него в прямом смысле слова.

Ввалившийся в двери мастерской грязный, израненный, с растрёпанными волосами Ашморк Хеддерсон до жути перепугал работающего за столом Гена. Первой мыслью подмастерья было «опять Ногсовский клиент ошибся дверью».

Ашморк угрюмо поглядел на мальчишку и, не говоря ни слова, отправился наверх.

– А где ваш цилиндр? – вопрос прозвучал так глупо, что Ген, пытаясь его задержать, захлопнул рот ладошкой.

– Если б я знал. – прохрипел шляпник.

– Хотите, я заварю вам тёмно-острого напитка? – с надеждой в голосе крикнул вдогонку мальчишка.

Ответа не последовало.

Зайдя в спальню, не раздеваясь и даже не приложив усилия, чтобы сделать шаги по направлению к гардеробу, шляпник бухнулся на кровать, перевернулся и уставился в потолок.

Он подумал о последствиях произошедшего с ним за последние дни: что он, скорее всего, останется без мастерской, а значит, без своего любимого дела. Дела, которым его семья гордилась уже несколько поколений.

Он вспомнил про Гена и понял, что тот останется без работы, а значит – ему придётся вернуться домой. Признался себе, что прикипел к парнишке.

От слёз защипало глаза, и первые капли скатились вниз, щекоча грязные щёки.

Он вспомнил недвусмысленный намёк мистера с пальцем-лезвием и осознал, что жизнь его вот-вот может закончиться. От этого ему стало совершенно уныло, и слёзы так и покатались градом.

Он рыдал, пока силы его не кончились; тогда он в исступлении вцепился в скомканное одеяло, кое-как накрыл себя до самого подбородка и снова уставился в потолок.

Мысли таяли, потолок из тёмно-серого стал чёрным, и вскоре Ашморк Хеддерсон провалился в глубокий беспокойный сон.

Глава 11. Невероятная история

Он видел лишь фарфоровых гомов в синих панталонах и алеющих колпаках.

Эти гномы были повсюду: они заполнили улицы, магазины, лавки, его мастерскую... Глупо улыбались из-за стойки «КОНЕЧНОГО ОБЛАДАНИЯ», пускали петарды из почему-то разноцветных домов, и везли его – Мастера Хеддерсона! – в деревянной тачке, будто морковку на рынок.

Тачка постоянно подпрыгивала на неровной брусчатке и краями била Ашморка по неприкрытым рёбрам. Выше пояса на нём не оказалось ничего, кроме красной банданы, лихо повязанной поверх сидящих вихров. Ярко-синие панталоны с вытянутыми коленками цеплялись за нестроганные борта и были утыканы неприятными занозами.

Шляпнику очень хотелось спать, несмотря на то, что подпрыгивающая тачка доставляла столько неприятностей его рёбрам и насильно возвращала его в бодрое состояние. Кроме того, хоть на нём и была надета бандана, его очень беспокоил собственный наряд. Ведь он отчётливо помнил, как вчера, не раздевшись, уснул в кровати. Одновременно с этим его чрезвычайно интересовало то, куда эти гномы его везли!

Ашморк ехал, подпрыгивал и очень беспокоился.

В конце длинного пути, полного выбоин и попадающих под колёса камней, вся эта ватага, включая Ашморка в тачке, выкатилась на ровное серое поле. В самой середине поля из земли торчал большой белый банан – Ашморк не был уверен, что это был именно банан, но признаваться в этом никому (включая себя самого не

собирался). Банан был проткнут гоблинским бумерангом, который на высоте двух человеческих ростов торчал из очищенной шагреновой мякоти.

Гномы подъехали к банану в месте, где жёлто-зелёная пупырчатая кожура была отогнута к земле, и вверх уходил слегка изогнутый белый столб. Они внезапно стали закатывать тачку вверх, на банан, по оторванной кожуре.

От резкой смены курса Ашморк ударился головой о край тачки и с этого момента старался держаться повыше, но это сыграло с ним злую шутку: когда гномы ввели его внутрь банана Ашморк вновь ударился головой, теперь уже о притолоку. В банане было низко и узко – он явно был создан для гномов. Всё было обито белыми подушками, и шляпник едва успел заметить медленно моргающие лампы у стен, обвитые толстой железной проволокой, как вдруг свет погас. Ашморка, не успевшего что-либо предпринять, вдавило в тележку. Вокруг поднялся такой ужасный шум, будто целый пчелиный рой поселился в огромном рупоре.

Время потеряло для него всякий смысл. Тележка вдруг исчезла, глаза ослепли от невыносимо яркого неба, и шляпник начал падать. Падать было до невозможности долго, Ашморк закрыл глаза, смирившись с неотвратимостью смерти. Он падал всё быстрее и быстрее, вскоре уже и вовсе не различая ни времени, ни звука, ни даже собственных чувств...

Неспокойный прерывистый сон заставил его проснуться с крепкой головной болью задолго до рассвета. Ашморк лежал на спине в своей (пока ещё) кровати и рассматривал белые доски потолка. Аккуратные доски. Новые.

Все его усилия, все расчёты, все ожидания не только не оправдались, но разразились, или вот-вот разразятся, полнейшим провалом, унижением и, вполне вероятно, летальным исходом. И спал он в этой своей кровати, видимо, предпоследний раз, и работал в этой мастерской над своим последним заказом, и жил в этом славном и жестоком городе последние часы.

Две слёзы одновременно выкатились из уголков его глаз и, щекоча виски, убежали вниз. Потом пробежали ещё две, потом ещё...

Он рыдал в голос, не понимая, от чего; слёзы жгли щёки, а потом – ладони, когда он попытался утереться. В носу, казалось впервые с двенадцати лет, захлюпало.

Ашморк уткнул лицо в простыни, не обращая внимания на навалившуюся духоту, сам не понимая, от чего ему горче всего: от собственных ошибок? унижения? новенького уютного дома? потерянного дела всей жизни? От самой жизни, в конечном счёте?..

Мысли путались, слёзы текли, время шло. Он и сам не понял, как потерялся в бесконечном потоке слёз и разочарования; простыни казались обжигающе горячими, когда он наконец перевернулся на бок и подвинулся к изголовью кровати.

Почувствовав затылком мокрую от ночного пота, а теперь и от слёз, подушку, он внутренне содрогнулся и внезапно замёрз. Озноб ударил его кости и мелкой дрожью прошёлся от плечей до пяток. Возможно, это была всего лишь утренняя прохлада – ведь горе не смогло охватить его целиком... Оно проникло лишь в глаза... и куда-то там рядом...

Во второй раз Ашморк проснулся перед самым рассветом. Повеяло холодом, и он натянул одеяло до самых глаз. Теплее не стало, но так было спокойней.

Его уши уловили типичный городской шум, не умолкающий с рассвета до заката, а кое-где вообще звучащий непрерывно. Голоса людей – живущих где-то там, снаружи, и проживающих свою жизнь день за днём независимо ни от него, независимо от всего города, каждый независимо от каждого и всё же все вместе – звучали так же естественно, как шум дождя или бой волн о скалы. Город жил каждым своим голосом. И не важно, что двум соседним голосам чаще всего не было дела друг до друга, голоса стремились вверх каждый по отдельности и все вместе составляли уличную музыку города Рутин. Самое главное – каждый из голосов звучал за себя!

Эти размышления пробудили в Ашморке какие-то странные чувства. Надежда и непонятное предвкушение охватили его, они заставили его укутаться в одеяло, подняться с кровати и взглянуть на родные места, которых он может навсегда лишиться. Вид обыкновенной улицы с грязными кирпичными домами, с износившейся штукатуркой и чернеющими окнами, со всеми теми людьми, переживающими внутри себя свои собственные маленькие трагедии, настолько впечатлил его, что он оцепенел и в том же оцепенении вернулся к кровати.

Уже сидя на ней, Ашморк посмотрел на свои ладони, покрытые трудовыми мозолями. Он вспомнил, как впервые сшил цилиндр, а не просто кепку или панаму. Он вспомнил, как отец однажды привёз его к сестре в деревню, как он восхищался необыкновенными отличиями деревни от города, как умерла его мать от лихорадки вскоре после деда,

как в одиночестве похоронил отца, как его дед гордился тем, что принёс швейную машину с войны, как отец заставил весь город узнать о мастерской Хеддерсонов...

Внезапно Ашморк вспомнил, кем является, и какая-то необыкновенная сила, сокрытая в душе каждого, заставила его подняться с кровати.

Может, он и один из копошащихся в мироздании муравьёв, и Вселенной нет до него никакого дела, но своей собственной судьбой он волен распоряжаться самостоятельно, и сегодня – его день и его время. Времени у него ещё полно: целых два дня, и этим он может воспользоваться по полной!

Из зеркала в ванной комнате на него посмотрел осунувшийся, похудевший, поседевший и давно не бритый старик. Тёмные мешки под глазами так и требовали назвать их «безвыходность» и «безнадёжность».

Здраво рассудив, что даже если приговор уже вынесен, то, как осуждённый на казнь, он имеет право на последнее желание, Ашморк принялся наводить порядок. Раз уж этой ванной он пользуется последний раз – сегодня да завтра – он решил воспользоваться ей по полной.

Ашморк раскопал топку припасёнными заранее дровами⁸⁴ и, пустив воду в толстостенную медную ёмкость, отправился готовить себе кофе. Самостоятельно.

Набравшаяся вода достигла нужного градуса как раз тогда, когда он приготовил вторую чашку кофе. Впервые забравшись в новую ванную, Ашморк вытянул ноги,

⁸⁴ Он не забыл поблагодарить за это Волкода. Внутренним голосом. Очень по доброму. Где-то там вдалеке Волкод привычно икнул.

распрямил плечи, протянул левую руку за чашкой, отхлебнул кофе и, рассеянно разглядывая причудливую форму водоворотного вентиля, хищно улыбнулся...

Ген проснулся от настойчивого запаха кофе. Это было удивительно как минимум по трём причинам: дядя не ходит за кофе, дядя не готовит кофе, и кофе уж точно не готовит себя сам.

Спустившись в мастерскую, мальчишка обнаружил мастера, внимательно рассматривающего его работу: Ашморк вертел цилиндром, разглядывая швы, поглаживая подклад и смахивая пылинки и мелкие обрезки ниток.

– А ведь неплохо, – хриплым голосом обратился шляпник к племяннику, не оборачиваясь. – Не хорошо, конечно, но и не плохо. Вам определённо есть к чему стремиться, молодой человек, но это почти хорошо! – объявил он, бросив короткий взгляд на Гена.

Зная, чего стоит эта похвала, Ген с гордостью улыбнулся.

– Я каждый стежок выверял, дядя, со всей тщательностью!

– Ну-ну... конечно, не каждый, – прищурившись продолжил разглядывать работу мастер. – Но неплохо. Даже, пожалуй, очень близко к «хорошо»...

«Что-то с ним не так», – подумал Ген. – «Дважды так хвалить в здравом уме дядя никогда бы не стал...» – и настороженно сказал:

– Я старался.

– Вижу. Молодец.

Тут уж Ген беспокоился не на шутку.

– Дядя, вы за кофе сами сходили?

– Я его сварил.

– Дядя, – в голосе мальчика сквозило неприкрытое отчаяние. – У вас точно всё хорошо?

Ашморк удивлённо посмотрел на племянника.

– Если отбросить информацию о том, что к завтрашнему дню я лишусь своего дома, своей мастерской, дела всей своей жизни и, скорее всего, самой этой жизни – тоже, то в остальном у меня точно всё хорошо. Просто замечательно! – и, не остановившись, шляпник наставническим тоном добавил: – Будешь поля пришивать, обязательно возьми шёлковую нить. Посмотри, как на первом цилиндре подклад убран. И не забудь, что на тот экземпляр тоже стекляшки нашить придётся. Одинаково. Помнишь?

– Да, помню, – пискнул Ген.

– Вот и хорошо. К вечеру должно быть готово. Я на тебя надеюсь...

И, оставив ошарашенного мальчишку в мастерской, шляпник вышел на улицу.

По долговым распискам удалось собрать один серебряный и три рута. Это было очень хорошо и даже очень здорово для обычного течения дел, но в данный момент на ситуацию влияло не сильно.

Места, которые надо было обойти, закончились уже к полудню – после должников Ашморк вновь посетил всех торговцев на рынке, по несколько раз оббежал ближайшие кварталы, расспросил попрошаек и профессиональных нищих о потерянных сумках и их содержимом, поболтал с держателями на углу Рыбного тупика, но никто ему ничего сущего так и не сказал.

Торговцам было не до него, да и про квинков они ничего не слыхали. Объявления, конечно, по-прежнему честно висели на столбиках, но, по результату вчерашнего дня, уже безо всякого толка. Нищие и попрошайки требовали деньги вперёд, суля рассказать полную историю утери расшитой сумки и точного адреса нынешнего размещения весьма значительного и дорого её содержимого – в основном упоминалось золото, драгоценные камни, и, чаще остального, два серебряных канделябра. Держатели беззубо улыбались, откровенно издеваясь над шляпником, и плели долгие бессвязные монологи о местных остроумных лицедеях.

Отсутствие каких-либо результатов и, под конец, напоминание о клоунах, раздражало Ашморка сверх всякой меры, однако спорить с нищими, и, особенно, возражать полу-беззубым держателям было глупо и недальновидно, а потому он кивал им всем и упорно продолжал поиски.

Повсюду встречались Ашморку участники вчерашнего сумочного собора на Бурой улице. Некоторые вновь приставали к нему со своими претензиями, некоторые старались обходить стороной. Были и те, кто норовил получить сатисфакцию за напрасно потраченное время, выбитые зубы и потерянные находки. С такими шляпник в дискуссии старался не вступать: времени мало, ноги носят, цель где-то там. Правда, пару раз небольшие камни его догоняли, больно ударяя меж лопаток.

Уходящее на зиму солнце пекло сегодня особенно жарко, и это тоже подгоняло Ашморка Хеддерсона в его борьбе за выживание.

Разморённый и выдохшийся, наскребя по карманам монет (серебряные и руты были, конечно, отложены в

дальний внутренний кармашек), он сидел на одной из полукруглых скамеек кольцевой аллеи и с жадностью поедая сахарную морковь, выкупленную у расходящихся по домам рыночных торговек. Морковь, хоть и называлась сахарной, оказалась суховата, однако с голодухи это было не важно.

«Их остальной день свободен», – подумал Ашморк, глядя вслед расходящимся торгашам. Ему же нынче светили лишь поиски без конца и, по всей видимости, без результата...⁸⁵

– Ну, куда дальше? – спросил он себя перекусившего. – Где ещё может скрываться пропажа?...

В размышлениях он неспешно доел всю морковь, выбросил бумажный кулёчек в урну справа от себя и вытер руки носовым платком. Однако, все эти тщательно выполненные действия никаким образом не проявили направление дальнейшего следования.

⁸⁵ Ашморк Хеддерсон, как и много представители Рутинного общества, искренне был уверен, что его занятость не идёт ни в какое сравнение с тем праздным бездельем, которое ежедневно наполняет собой день окружающих лентяев. Шляпник искренне искоренял это безделье в единственном доступном ему человеке – племяннике. Горожане, которым было доступно большее число зависимых от их статуса персон, прилагали куда больше усилий, чтобы восстановить подобный статус-кво. Всех натуженней в этом деле старались верховные члены гильдий и совета Рутины. Их усилия Ашморк периодически испытывал на себе.

«Может, квинков нашёл кто-то сознательный?» – мелькнуло в его голове. – «Может, спросить в ДНН^{86,87} или в ОКС⁸⁸ обратиться?.. Впрочем, идею с менялами надо отбросить сразу – квинков, даже если они в ДНН и нашлись, за те суммы, что ему предложат их выкупить, проще чёрный рынок

⁸⁶ ДНН – Дом Неожиданных Находок, принадлежащий УСММ, располагался в надпортовой части Рутины. Когда-то, когда предметов для мена стало столько, что карманы, мешки и сараи ломились от скарба, учёт отсутствовал, а время на поиски нужного хлама по закуткам занимало основную часть дня любого менялы, стало понятно, что бизнес надо переустраивать. Именно тогда вновь избранный глава УСММ Безоговорочный Тильтор умудрился выменять у Рикки Двадцать Пятого Пая здание старой конюшни верхнего гужевого пароходства на всё содержимое менных мешков всех ста двадцати девяти менял за целых три рабочих дня. Надо отметить, что следующие три дня обмен в Рутине шёл с четырёхдневно задержкой, а торг и выкуп продвигались ещё хуже... Начиная с четвёртого дня собранное и упорядоченное под одной крышей имущество сообщества обрело новую жизнь. Распределённое по стойлам, оно было рассортировано, подписано и проверено, а сдача предметов на хранение и выдача их на руки менялам отныне учитывалась в лучших бюрократических традициях Рутины. Горожанам тоже стало спокойней и удобнее – ограбленный накануне рутинец поутру мог кликнуть любого встречного менялу и уже к обеду вернуть себе серебряный бабушкин портсигар, не слишком дорого.

⁸⁷ УСММ – Уличное Сообщество Мелких Менял – было создано волевым решением его участников. Тем, у кого не хватило собственной воли, была предоставлена чужая. Иногда вполне себе насильственным способом. Так или иначе, задолго до нашей истории разнородные вопли о выкупе, обмене и продаже всего и вся сменилось единым волевым «берём всё, отдаём недорого». Постепенно, но очень настойчиво, вытесняя не влившихся с улиц, сообщество обрело не только стиль, но и монополию, став серьёзным конкурентом всем трём рынкам Рутины. В какой-то момент война за рынки уже почти могла состояться, но расчётливость взяла своё – она не могла быть выиграна Мелкими Менялами, ведь рынки принадлежали Большим.

⁸⁸ Отдел Квинковой Сертификации

ограбить⁸⁹. А вот в ОКС наведаться, пожалуй, можно – ему их конечно не отдадут, но если знать, что они там...» – Ашморк, прищурившись, ухмыльнулся.

Отдел Квинковой Сертификации, как и все прочие отделы межрасового взаимодействия, размещался в раскидистом двухэтажном здании Городского Магического Сообщества в административной части Делового квартала. Толстые белые колонны по периметру крепко удерживали стены и кровлю строения от всевозможных природных и магических недоразумений.

Широкие ступени, ведущие к единственному входу, сходились у высоченной, но не слишком двери. Поскольку одна и та же дверь работала и на вход, и на выход, на ступенях, как и всегда, образовалась приличная очередь.

Кого в ней только не было... Казалось, жители всех рас, сортов и мастей выбрали именно сегодняшний день, чтобы встать в эту очередь, и непременно перед Хеддерсоном. Ещё более удивительно было то, как из этой неширокой двери на улицу выходили и вполне обычные по комплекции персонажи, и полновесные громадные тролли. Точно так же в недрах этого большого здания, всё через ту неширокую дверь, пропадали стоящие перед Ашморком большие и маленькие горожане.

Время летело мимо со скоростью обратно противоположной скорости движению очереди. Ашморк скучал – впервые за последние дни он не делал совсем ничего. Солнце успело сильно упасть и почти совсем спрятаться за

⁸⁹ Ха-ха-ха...

нависающий над колоннами портик, и очередь, погрузившаяся в предвечернюю тень, хмуρο поёжилась.

Стоящее перед Ашморком гномье семейство, представленное плечистой коренастой мамашей и четырьмя надоедливými гномьими детёнышами, выматывало нервы всей собравшейся не лестнице публике.

Причина, по которой они рвались в ГМС, была очевидна: один из гномиков мало того, что был фиолетовым, так ещё и руки его висели совершенно не из плечей.

«Ох уж мне это начинающее поколение», – подумал Ашморк. – «Поначитаются отрывочных заклинаний на магических картах и балуются...»

Семейство гномов шумело так, что шляпник пару раз готов был бросить всё и уйти восвояси, однако его цель, казалось, могла пересилить все неудобства.

Холл был огромен.

Круглый купол, застеклённый прекрасными витражами, располагался точно над кольцевой стойкой клерков-администраторов. Заходившие в зал следовали к только что освободившемуся окошку, а если оно не находилось с первого взгляда, они начинали оббегать стойку кругом, ища глазами освободившегося сотрудника. Это выглядело довольно смешно, если наблюдать сверху, с купола... и нервозно, если этим оббегающим был ты сам.

Хеддерсону повезло: полукруглое окошко внимательно смотрящего на вошедшего клерка располагалось точно напротив входной двери.

– Доброго дня! – обратился к нему Хеддерсон.

Клерк молча кивнул, не сводя глаз со шляпника.

– Скажите пожалуйста, – начал шляпник издалека и вежливо. – Где-то здесь есть отдел потерянных квинков?

– Да. – кратко ответил клерк, всё так же не отрывая глаз от Ашморка.

– Замечательно! Подскажите, куда обратиться? – уточнил шляпник.

– Насчёт находки – в кабинет сто семьдесят шесть, правое крыло, второй этаж. Насчёт потери – в кабинет сорок два, левое крыло, первый этаж. – отчеканил клерк.

– Скажите, насчёт находки, это если уже нашли и принесли, или если я нашёл и принес? И то же самое, насчёт потери, это если кто-то потерял, а ты нашел, или если ты потерял, идти туда?...

Выражение лица клерка осталось таким же каменным, и даже глаз его ничуть не дёрнулся.

– Если вы нашли, идёте насчёт находки. Если вы потеряли, идёте на счёт потери.

– Замечательно. То есть, если я потерял...

– Кабинет сорок два, левое крыло, первый этаж.

– Благодарю за исчерпывающий ответ! – раскланялся шляпник.

Он уже отстранился от окошка, но, оглядевшись и обведя глазами холл, из которого арками начинались правое и левое крыло, вновь обратился клерку:

– Скажите, а левое крыло с вашей стороны или с моей?

– Вам туда. – клерк ткнул длинным пальцем в правильном направлении.

– Спасибо ещё раз. – поклонился ему Ашморк и скорым шагом направился искать кабинет сорок два.

Достаточно широкий коридор начинался с двери под номером один. Дальше шла дверь номер два. Дальше – дверь

номер три, и так далее. Внутренне шляпник был очень доволен такой строгой последовательностью – по крайней мере, здесь его не ждал подвох со стороны обнаглевшей в последнее время судьбы. Впрочем, рядом с некоторыми кабинетами было так много посетителей, что они гудящей как улей толпой перегораживали весь коридор. Большинство стояло, цепляясь глазами за стоящего перед ними в очереди, но некоторые уже сидели на полу, видимо – в изнеможении от продолжительного ожидания, а кто-то, не выдержав схватки с бюрократическим процессом, свернувшись калачиком, спал у стены.

Хеддерсону тут же нарисовалась картина подобной очереди у кабинета сорок два, и он в плохом предчувствии ускорил свой шаг. Однако, начиная с номера тридцать семь, пространство перед дверями было совершенно свободно, что не могло не радовать нервного шляпника.

Дверь кабинета сорок два была обита синим потёртым вельветом, в центре был встроен глазок, а снизу располагалась дверка для мелких животных.

Ашморк уже собрался дёрнуть за ручку, однако замер в размышлении о предстоящем диалоге.

«Как потеряли? Как нашёл – так и потерял. Где нашли? Да там же где и потерял. Почему к нам так поздно? Так как нашёл, так сразу и потерял... и сразу к вам...» – доводы, конечно, сомнительные, но ничего более складного на ум не приходило, и Ашморк решился.

Он постучал. Никто не ответил. Он постучал ещё раз, и снова никто не ответил. Тогда Ашморк потянул за холодную металлическую ручку. Толстая тяжёлая дверь, удивительно легко и плавно поддавшись его усилию, отворилась.

Кабинет был длинный и очень узкий. Жёлтые стены заканчивались таким же жёлтым потолком где-то очень высоко. В конце комнаты виднелось небольшое глухо занавешенное окошко, а сама она ровно посередине была перегороджена от стены до стены широким деревянным столом.

Свет исходил только из небольшой настольной керосиновой лампы, стоящей на столе справа от входа.

– Когда потеряли? – раздался мелодичный мягкий голос. Вопрошающая – а голос был именно женский – восседала в черном директорском кресле с непропорционально высокой спинкой. После ярко освещённого коридора, Ашморк не мог разглядеть в полумраке лица.

– Кого потеряли? – ответил он невпопад.

– Как кого? Вы пришли в кабинет сорок два?

– Да. – кивнул Ашморк.

– В кабинет сорок два приходит те, кто потерял квинков. Когда потеряли?

– А, ну точно... – попытался собраться с мыслями шляпник – два дня как потерял.

– Почему же так поздно пришли? – голос зазвучал раздражённо.

– Искал... – разговор пошёл явно не по плану и Ашморк занервничал.

– Самоискание квинков обречено на провал! – рявкнул голос. – Вы что, инструктаж не прошли? Вы расписались за знание правил обретения квинков при получении сертификата! Давайте сюда!

– Что? – оторопел Ашморк.

– Сертификат! Номер сертификата! Дата аукциона! – голос гремел.

– У меня его нет... – совсем растерявшийся шляпник попятился к двери.

– Нет? – недоумение перекинулось по другую сторону стола. Однако оно тут же сменилось громогласным гневом: – Несертифицированные квинки являются активной угрозой для жителей города Рутины! Несертифицированные квинки должны быть немедленно уничтожены! Обладателя несертифицированных квинков ждёт справедливая и неотвратимая кара в соответствии с законом Рутины!

– У меня нет сертификата, – промолвил Ашморк. Он понял, что зря понадеялся на случай узнать о судьбе квинков в сием заведении. И, чтобы не угодить в большую беду, чем прежде, добавил: – Я их нашёл.

– Нашёл? – недоверчиво удивилась собеседница.

– Нашёл. – подтвердил шляпник.

– Где? – слегка язвительно, но, тем не менее, заинтересованно уточнила вопрошающая.

– А что, если их уже нашли заново? – вопросом на вопрос ответил Ашморк.

– Если бы их нашли, то, согласно сертификату, вернули бы владельцу. Однако об утере сертифицированных квинков никто не заявлял.

Собеседница подалась вперёд и, перегнувшись через край стола, застыла в свете мерцающей лампы. Её мелкие, как бисер, жёлтые глаза с вертикальными веками уставились на шляпника. Молодая вампирша зло улыбалась, не скрывая своих остреньких белоснежных клыков.

– Я их нашёл и тут же потерял... и как потерял, сразу к вам, а про сертификат и знать не знаю – ведь мне, простому

шляпнику, на квинков денег никогда не наскрести, и кроме того, на что они мне сдались... Без них спокойней... – про упомянутую профессию он тут же пожалел, но было поздно.

– Так где?

– На Окружной аллее

– Два дня назад?

– Два дня.

– Сколько?

– Четыре.

– Четыре? – не скрывая удивления, переспросила собеседница.

– Вроде бы четыре – неуверенно простанал Ашморк. – Я пойду – мне ещё цилиндр доделывать...

– Никуда вы не пойдёте. – отрезала вампирша. – Четыре несертифицированных квинка на центральном рынке, это вам не просто так! Это курьёз! Это катастрофа! Вы, вероятно, не в состоянии осознать, какой ущерб нанесли нашему обществу, потеряв их.

– Так я не знал, что это катастрофа. – попробовал защититься шляпник.

– А это не важно, – возразила вампирша – Вы потеряли – вам отвечать.

И, откинувшись в кресле, она звякнула в невидимый для Ашморка колокольчик:

– Придёт дознаватель, и вы всё расскажете, – довольно добавила она.

Ашморк, успевший вспотеть, разом похолодел. Дрожь и озноб встретились где-то между лопатками и лишили дыхания неудачного обладателя пропавших несертифицированных квинков. Однако сдаваться Хеддерсон не собирался – перспектива провести с дознавателем

краткий остаток жизни никак не вписывалась в сегодняшние планы чрезмерно занятого поиском шляпника. Нащупав сзади ручку двери, он повернул её и задом попятился в коридор, несмотря на громкие возражения вампирши. А чтобы эти возражения не привлекали стороннего внимания, закричал, перекрыв её голос:

– Я в коридоре подожду!

В тот момент, когда дверь кабинета, притянутая возвратной пружиной, захлопнулась, Ашморк Хеддерсон уже расталкивал ожидающих у кабинета номер семь.

В тот момент, когда вампирша, перемахнув через стол вытолкнула дверь в коридор и заорала «тревога!!!», Ашморк Хеддерсон спускался по длинной лестнице направо от входной двери.

В тот момент, как дознаватели окружили холл и заблокировали проходы, Ашморк Хеддерсон, тяжело дыша, уже присел на скамейку вблизи фонтана на Овальной площади, натянул цилиндр по самые уши, откинулся на спинку и притворился спящим, скрестив руки на груди. Притворство оказалось очень честным, и вымотанный шляпник правдиво засопел спустя совсем недолгое время.

Урчание в животе не только привлекло внимание прохожих, но и разбудило своего хозяина. Шляпник расправил плечи, покрутил шеей и потянулся. Цилиндр был передвинут на правильное место головы.

Есть хотелось страшно, и Ашморк уже было двинулся в сторону дома, но голодный взгляд зацепился за багет. За огромный багет, вывеской огибающий здание.

Слухи ходили разные – кто-то эту пекарню ругал, кто-то в неё ходил, но на Овальной площади, да и во всём

деловом мире, последнее заведение Рикки Двадцать Пятого Пая знали очень хорошо. Уже давненько Ашморку не приходилось тут бывать, надеяться на хорошую трапезу в этой пекарне не приходилось, но заведение было здесь единственным. И ноги двинули его к еде максимально коротким путём.

В тот момент, когда дверной колокольчик мелодично звякнул за спиной, Ашморк погрузился в море восхитительных ароматов. Да, пожалуй, он никогда не ощущал ничего, что могло настолько сравниться со шляпами по красоте.

Он был настолько очарован, что замер на месте. Его толкали и, ворча, огибали то входящие, то выходящие посетители, но Ашморк никого не видел и не слышал. Его разум был полностью охвачен сладкими ароматами – казалось, что он даже может почувствовать вкус еды, лежащей за стеклами.

«О, если бы я только мог украсить так шляпы – и дать им такой запах!... Шляпы с запахом, отличная идея, надо бы это запомнить... если я вообще до шляп ещё когда-нибудь доберусь...» – размышлял шляпник, стоя посреди торгового зала пекарни. – «Про эту пекарню явно врут – вероятно, чтобы не набивать ей цену. Вот ведь делеги...»

Через непродолжительное время, когда голод напомнил о себе, он, сунув руки в карманы, вытащил те несколько монет, что у него осталось. В сумме все они не дотягивали и до половины ценника самой дешёвой маковой булки.

Уже стемнело, и надо было идти, но это место его не отпускало.

В пекарне совсем не осталось посетителей, когда Ашморк наконец очнулся. Он снова сунул руки в карманы, достал свои монеты и грустно посмотрел на них. Потом перевёл взгляд на витрины и вновь прошёлся по ценникам.

– У нас действует скидка пятьдесят процентов на всю выпечку за час до закрытия! – девушка за прилавком уже некоторое время с интересом наблюдала за стоящим посреди зала человеком.

За это время она успела подробно его рассмотреть: он выглядел очень контрастно, как человек, торжественно одевшийся в горный поход. Дорогой длинный фрак был давно не чищен, а местами – совершенно заляпан. Ко всему прочему, на нём не хватало пуговиц. Очевидно, мягкие кожаные полусапоги были серы и давно не чищены. Высокий, чёрный, с синевой цилиндр пострадал в меньшей степени, но и на нём был виден многодневный слой уличной пыли. Дороти – конечно же, это была именно она – подумала, что некий богатый джентльмен, должно быть, сумел заблудиться в Рутине. Причём минимум на пару-тройку дней как. Или, может быть, это знаменитый путешественник, только что прибывший в город. Или купец, ограбленный по дороге с пустошей бандой Безголового Крапа. А может быть, это сам разбойник, и на нём надеты краденные вещи... Впрочем, нет, хотя растрёпанные волосы не укладывали несколько дней, они всё ещё сохранили форму, которую придают цирюльники из Брадо у Рыночной площади. А значит, этот человек имеет средства на такую причёску, и что-то приключилось с ним в последнее время.

Лицо – та его часть, которую можно было разглядеть над бородой – было уставшим. Под глазами мешки – скорее всего, посетитель не спал эти несколько дней.

«Наверное, всё же купец», – колебалась Дороти.

– Вы что-то выбрали? – снова заговорила она, желая подтолкнуть к покупке явно никуда не спешащего клиента.

– Да нет, на самом деле... – пробормотал (устало, как почему-то сразу подумалось Дороти) человек.

– Возьмите бантики с маком – предложила Дороти. – Или слойку «Рутинную».

– Я думаю... – ответил посетитель и переступил с ноги на ногу.

– Ещё остались багеты, вот тут, справа от вас. И караваи, если вы их едите...

– Караваи... я ем. – утвердительно покивал купец. – Но не сегодня.

Дороти внимательно посмотрела на стоящего перед ней человека и наконец поняла, что денег у него нет совсем.

«Может, его и правда обокрали... а может, нет. Но что-то очевидно произошло».

Немногословие посетителя, то, как он себя держит, говорило о надломленной гордости, о том, что в нём застряло то, что обычно мешает расправить плечи – утрата, болезнь или долг. Ей вдруг сильно захотелось его поддержать, а ещё сильнее захотелось узнать, кто он и что с ним приключилось. Дороти, подняв доску прилавка, шагнула ему навстречу.

– Тут у окна вам будет удобно, садитесь, – Дороти подвинула столик к скамье, расположенной вдоль витрины. – У нас остались «Вечерние бантики», и я угощу вас чаем.

Он, сняв цилиндр, послушно присел на скамью, и, сунув руку в карман, смущённо замешкался.

– Не надо оплаты, – предупредив его движение, ответила Дороти. – Пекарню я уже закрываю, а вы, как сегодняшний последний посетитель, получаете подарок от заведения.

Шляпник удивлённо посмотрел на девушку. Поверить в то, что его угостят чаем и выпечкой в таком прекрасном месте, было сложно, но хозяйка вроде бы не шутила.

Она действительно закрыла входную дверь на крючок и упорхнула за прилавок, до того заметив в его сторону:

– Руки можно помыть слева, под лестницей.

Буквально через пару минут, когда он вернулся, растирая влажные руки, на столе стоял горячий керамический кувшин, только что снятый с угля; в чистой⁹⁰ белой кружке были уложены листы тёмного дерева, насыпаны мелкие жёлтые сухоцветы и высушенные ягоды брусники. На такой же белой тарелочке были выложены две слоёных булочки, наполненные джемом бордового цвета. Посередине, поверх джема, булочки были перевязаны изящными слоёными бантиками.

Ашморк не знал, что сказать. Никто – никогда – просто так – не угощал его так красиво и так восхитительно бесплатно.

– Вы наверное, очень устали? – Дороти присела на табурет напротив его места. – Я вас тут раньше не встречала. Вы, видимо с дальней дороги?

⁹⁰ Хотя кружка была чайная, а не кофейная, что-то подсказывало Ашморку, что статья 35 Конституции Рутины тут не исполняется ни в каком виде.

Её разбирало любопытство. Никто никогда не получал в этой пекарне бесплатного подарка от заведения, будь он самый распоследний или даже самый постоянно-распоследний покупатель. А традиция, только что придуманная ею для того, чтобы всё разузнать, скорее всего, не приживётся, просто потому, что она про неё никому не расскажет.

«Купец» вытирал салфеткой пальцы, испачканные виноградным джемом – двух слоев хватило совсем ненадолго:

– Я не с дороги, – медленно проговорил он. – Я... эээ... сбился с ног – вы правы, но все мои пути последних дней пролегли исключительно в пределах нашего города.

– А вы так похожи на ограбленного купца... – слегка разочарованно вздохнула Дороти.

– Я не купец. Я – шляпник. У меня шляпная мастерская. На Бурой улице. Недалеко от Рыночной площади.

– Шляпник? Как интересно. Вы шьёте всё сами?

– Мы шьём сами. Не я один, конечно, у меня есть подмастерье. Расторопный мальчишка. И иногда, когда партии очень значительные, простую работу я доверяю надомницам. Но вы знаете, качество у них так себе – потом приходится всё подряд править.

Ашморк, увлечённый рассказом о самом себе, делал паузу только чтобы глотнуть горячего душистого напитка.

– Мы шьём цилиндры, – он повертел в руках свой головной убор и поставил его обратно на скамью рядом с собой. – И шляпки, и праздничные головные наряды.

Поморщившись, Ашморк добавил:

– И иногда даже кепки, если заказывают партиями.

Тут же, вострепнувшись, он мечтательно взглянул поверх девушки и, выставив ладонь с растопыренными пальцами, заявил:

– Вот вы наверняка носили шляпку нашей мастерской – у нас много уличных лоточников заказывают шляпки.

Ещё раз взглянув на девушку, он вдруг нашёл её весьма привлекательной и поправился:

– Впрочем, красавицы навроде вас, конечно, заказывают шляпки в салонах, а не на улице. Но мы и туда поставляем головные уборы на любой вкус. Наши шляпки вы могли приобретать в салонах у Бельше и Клоко, и даже у Позимеслада. Если вы мне покажете ваш убор, я тут же отличу свой товар.

Шляпник всё говорил и говорил, и Дороти слушала его с интересом – пусть пришедший и не оказался купцом, но увлечённость и искренняя любовь, с которой он рассказывал о своём ремесле, её подкупала.

– Заказы ведь разносит подмастерье? Как же вышло, что такой занятой мастер целыми днями колесит по Рутине? – спросила она, решив до конца удовлетворить своё изначальное любопытство.

– Всё началось с дыры в стене, – после некоторой паузы мрачно ответил шляпник. – Задумывалось просто как идеальный и моментальный магический переезд, а завершается... почти что завершилось уже... совсем не тем. Ведь началось всё с дырки на стене. Хорошие дела не начинаются с дырок в стенах...

Дороти была поражена такой стремительной переменой в настроении и состоянии собеседника – он буквально разваливался. Из воодушевлённого, увлечённого своим делом ремесленника шляпник прямо на глазах

становился обессиленным, обречённым и опустошённым бродягой. Чтобы как-то поправить ситуацию, Дороти воскликнула:

– Постойте-постойте. Я так ничего не пойму. Вы так прекрасно рассказали о шляпках, поведайте же мне и эту историю во всех её деталях!

– В деталях? – поднял на неё грустные глаза пришедший – Детали банальны и заранее давали понять, всячески предупреждали о глупости этой затеи...

– И мне тем более интересно услышать от вас всю историю, – теперь уже и впрямь заинтригованная Дороти умоляюще посмотрела в глаза сидящему напротив мужчине. – Пожалуйста.

– Я расскажу вам всё по порядку и вы увидите, что с той самой злополучной дыры к вампиру и начались мои злключения...

Дороти, ликуя в душе, кивнула головой:

– Я внимательно вас слушаю. – и, принеся из-за прилавка большую маковую булку, долила кипятка из кувшина.

Он рассказал ей историю своих последних дней, всю, начиная с дыры в стене. Уплетая принесённую булку и запивая её горячим напитком, шляпник прямо сейчас, перед её глазами, проживал заново воодушевление, подъём, стремительный успех, разочарование, трагедию, уныние, опустошение...

Много посетителей рассказывали Дороти свои истории из жизни. Она привыкла слушать их вполуха, но сегодняшний рассказ заставил хозяйку пекарни затаить дыхание и погрузиться в историю целиком.

А на фразе «тогда мы с этим магом пошли на чёрный рынок выбирать для этого цилиндра квинков» её сознание потребовало обратить на историю ещё больше внимания.

Интереснейшая история с каждой фразой становилась прямо-таки захватывающим детективом. И вот на фразе «я открыл глаза, развернулся, а сумки уже нет...» Дороти замерла и медленно отодвинула чашку.

Шляпник продолжил говорить, ничего вокруг не замечая: ни реакции собеседницы, ни остывшего чая, ни крошечной темноты на улице. И хотя история его приобретала всё более трагичные черты, Дороти теперь слушала его рассеянно, погружённая в свои мысли.

Когда шляпник сделал паузу, доедая булку, Дороти вышла на кухню и поставила вариться лучший кофе из тех, что у неё был. Ожидая, пока вода вскипит, она погасила лишние светильники, оставив лишь тот, что горел над столиком, за которым они беседовали.

Она была поражена столь удивительным совпадением. Кроме того, её восхитили стойкость и упорство этого человека, который, хоть и был без сил и средств, даже сейчас ещё сохранял надежду на успешное завершение своего, казалось бы, обречённого предприятия.

Она вернулась за столик с подносом, на котором стояли две кофейные пары, ароматом которых Ашморк наслаждался последние несколько минут, и вазочкой бантичного печенья. Кувшин и чайные принадлежности были убраны на соседний столик, а хозяйка, присев напротив рассказчика, всем своим видом располагала к продолжению рассказа.

Ни слова не проронив, она дослушала до самого конца, и лишь тогда, мягко улыбнувшись, ответила замолчавшему и снова погрузневшему собеседнику.

– Знаете, жизнь полна совпадений.

Ашморк, который, выплеснув свои эмоции постороннему человеку, к своему удивлению почувствовал себя намного лучше, поймал себя на мысли, что это, должно быть, дежурная фраза, предназначенная для таких же неудачников, как он. Она хочет его подбодрить, а может, и поддержать, и вдобавок, она угостила его, несмотря на поздний час. Она была очень добра к нему, и вдобавок вежлива и мила (тут Ашморк, разумеется, вспомнил негодяйку из прошлого дня, но тут же отбросил эту противную мысль).

Ах, если бы он только мог подарить этой девушке шляпу!..

– Давайте я тоже расскажу вам историю, – предложила хозяйка, и, не дожидаясь ответа, продолжила. – Позавчера я вышла из пекарни...

Делать Ашморку было уже нечего. Ночь разлилась над Рутинной всей своей чернотой, вежливая молодая дама вела с ним приятную беседу, свет масляной лампы не напрягала глаза и заставляла зевать, и что же ему оставалось, кроме как слушать?

Но на словах «чё смотришь? сумку закрой, мы не доели...» он встрепенулся, сознание заставило его прислушаться и внимательнее следить за ходом истории. А когда девушка произнесла «представляете, этот одноглазый наглец уже доедал мой бантик с маком!» Ашморк Хеддерсон в ошеломлении замер...

Глава 12. Расплата

– Они всё ещё у вас? – пересохшим голосом спросил шляпник.

– Думаю, да. – улыбнулась Дороти. – С утра точно были. А поскольку еда – это единственное, что интересует этих чертят... Думаю, они её ждут. Вернее, ждут меня с едой.

– Что вы хотите взамен? – серьёзно спросил Ашморк, глядя в глаза собеседнице. Он не рассматривал варианта, когда квинки к нему не вернутся. Слишком многое было поставлено на карту.

Тут Дороти серьёзно задумалась. С одной стороны, понятно, что квинки стоят кучу денег, как выяснилось из рассказа самого шляпника. С другой стороны, заплатить он их все равно не в состоянии – денег у него ни шара. С третьей стороны, можно было бы их продать вообще куда-то на сторону, но опять же – они нелегальные, а с нелегальным бизнесом связываться не хотелось. Шляпник же показался ей довольно милым и честным. Не отдать ему квинков Дороти не могла – во первых, она была впечатлена его упорством и целеустремлённостью в столь безвыходном положении, во-вторых, ей было его по-человечески жаль, и в-третьих – это же были его квинки...

– Быть может, вы могли бы изготовить для меня четыре шляпки, каждую на свой сезон, обязательно с бантиками, и... – тут Дороти таки уступила своей меркантильности, – Пошить весь текстиль для этой пекарни – салфетки, скатерти, полотенца, дорожки и занавески, – она огляделась вокруг, проверяя, что ничего не забыла. – Ах да, ещё фартуки с прихватками.

Ашморк лишь слегка поморщился. Шить простой текстиль было безусловно ниже его достоинства, однако у него был Ген, которому такая практика была бы полезна, а значит, просто необходима.

– Сойдёт. – кивнул он в ответ на предложение и вскочил: – Идёмте, где они у вас?

Но Дороти его остановила:

– Если ЭТИ квинки почуют неладное – пиши пропало. Они же просто так не согласятся лишиться еды и свободы.

– Пожалуй, вы правы. – согласился Ашморк.

Они договорились о дальнейших действиях, и Ашморк поспешил в мастерскую.

На ступенях его осенило, и он вернулся:

– Где вы живёте? Куда мне прийти?

– Частный пансион в правом тупике на Бриолиновой улице. Спросите Дороти.

Ашморк кивнул и выбежал.

Дороти, заперев за ним двери, принялась упаковывать списанную нынче выпечку в большую коробку из под консервированной клубники. Набралось совсем немного, и она стала собирать с витрин пакетики с печеньками-бантиками.

– Завтра утром их очень не хватит, – сказала она самой себе, – надо оставить записку для Тисы.

Когда коробка наполнилась доверху, Дороти еле-еле дотащила её до дверей.

– Не донесу, – решила она и отправилась на остановку троллевоза налегке.

Там Дороти заплатила троллю тройную плату за билет, и сговорчивый на деньги возница проложил свой маршрут от

дверей пекарни до дверей частного пансиона в упомянутом тупике.

– Командирка жрачку принесла! – встретил её хриплый и задорный возглас квинка.

Пока содержимое коробки с чавканьем, бульканьем и разбрызгиванием слюны упаковывалось в желудки гостей, Дороти поставила облюбованный ими тазик посередине комнаты, постелила в него мягкий ворсистый платок и с горячей кружкой чая и зажатой под мышкой книгой ушла дожидаться шляпника на скамейку во дворе пансиона.

Ашморк примчался домой в небывалом для него воодушевлении.

– Ге-е-ен! – закричал он с порога. – Дуй вниз!

Послышавшийся сверху грохот падения чего-то мягкого на что-то твёрдое сообщил шляпнику о том, что подмастерье проснулся.

Ожидая, пока племянник спустится в мастерскую, мастер проверил цилиндр, стоявший на рабочем столе. Он был почти готов – оставалось подшить подклад в местах примыкания к дверкам, а в цилиндре мистера Фанта восстановить подклад вокруг вставленных кристаллов.

– Я их почти закончил, – сообщил спустившийся заспанный Ген. – Только прилёт. Я завтра, конечно, закончу, но ведь без квинков всё это напрасно...

– Без квинков – напрасно, – Ашморк улыбнулся. – А с квинками – не напрасно!

– Вы их нашли? – округлившиеся глаза мальчишки заблестели.

– Нашёл.

– А как? Где?

– Доделывай. Это невероятно, я расскажу – но потом.

– Так где они?

– Как раз за ними и отправляюсь. Доделывай цилиндры, скоро буду.

Шляпник снял с крючка вешалки для клиентов висевшую там чаросумку и вышел из мастерской, тщательно заперев за собой двери.

Когда Ашморк в который раз за последние дни без приглашения ворвался в жилище волшебника, тот невообразимо возмутился:

– Что тебе ещё надо?

– Я их нашёл! – прошептал шляпник запыхавшимся голосом.

– Да ладно! – парировал волшебник. – Покажи.

– Ну, они пока не у меня, но одна девушка из пекарни на Банковской нашла их и готова отдать за сущие пустяки.

– О, брат. Мне кажется, тебя надули. – понимающе протянул Волкод. – Что попросила взамен?

– Пару шляпок и текстиль. Ты представляешь? За тряпки и бантики!

– Думаю я, что тут игра потоньше. Как, говоришь, её зовут?

– Дороти.

– Хм. Дороти из пекарни на Банковской. Не слыхал. А как вы познакомились?

– Я зашёл перекусить и мы разговорились.

– Так ты ей всё сам выложил? И наверняка со всеми подробностями. Про меня говорил?

– Говорил.

Рука Волкода потянулась к кочерге.

– Но имени не называл, – торопливо добавил Ашморк, чуток отступив. – Просто сказал, что мне помог волшебник.

– Ты идиот! Тебя заманили в уютное тёплое место, вытянули всю информацию и теперь готовятся на тебе нажиться по полной программе.

Ашморк нахмурился. Волкод, конечно, паникёр, и страдает маниакальными теориями заговоров, однако в его словах были зёрна логики. Вдруг эта милая девушка и впрямь задумала что-то зловещее? «Впрочем, не попробуешь – не узнаешь», – разумно заключил шляпник.

– В любом случае это надо проверить – пойми, Волкод, это мой последний шанс выйти из этой истории своими ногами. В прямом смысле слова.

– Проверить действительно надо. Но я с тобой не пойду.

– Но ты мне нужен! – воскликнул Ашморк. – Надо зачаровать сумку – чтобы донести их до мастерской. Надо зачаровать цилиндр, чтобы они оттуда не сбежали. Давай! Собирайся.

– И сколько ты мне заплатишь? – прищурился Волкод.

– Ну что тебе ещё надо? – вскричал раздражённый шляпник. – Я тебе за переезд такую кучу золота отвалил, что сам никогда столько не видел.

– Что мне надо, так это покой от подобных беспокойных элементов, – парировал волшебник. – А про заплаченное золото забудь – потрачено. Или ты думаешь, мне бесплатно всё достается?

– Волкод, – Ашморк сменил тон на примиряющий. – На кону моя жизнь, судьба Гена, честь моего рода. Помоги мне.

Волкод исподлобья взглянул на друга.

- Хорошо. Но только не профукай шанс. Если он, конечно, у тебя есть. Мне кажется, всё это злостная афера.
- Может и так. Но не проверить мне нельзя.
- Ну да. – и волшебник отправился одеваться.

Они быстро шагали по тёмным улицам.

– Чем они красивей, эти случайные собеседницы, тем подозрительней. Со страшненькой ты и разговаривать бы не стал, не говоря о том, чтобы рассказать ей про всё и во всяких подробностях. А красавицы только и ловят, что на личико.

– Перестань, она была вполне искренней. И булкой меня угостила.

– Вот-вот. На еду-то ты и купился. Они таких зорко высматривают. Чуть приметят, что падок на хлеб, раз и прикормят. А потом что угодно тебе скажи – ты и поверишь.

– Ерунда. Она же с меня ничего не взяла. Сказала, что как уснут – можно забирать.

– Так ещё и не поздно с тебя получить всё, что надо. Квинков-то у тебя ещё нет. С тебя вон мастерскую попроси, и ту отдашь.

– Мастерскую не отдам.

– Ну конечно, давай заливай. Тебе светит смертельный договор, а ты «мастерскую не отдам», – покривлялся последними словами Волкод, явно передразнивая Ашморка.

– Толку мне от жизни без мастерской?

– В жизни в самой много толку. Балбес. Точно мастерскую с тебя попросит. Она же тебе шляпками да скатертями тоненько намекнула.

– Нет Волкод. Она не станет.

– Посмотришь.

– Она добрая. Ты познакомишься – поймёшь.

– Сомневаюсь. – покачал головой Волкод.

Ашморк, конечно, защищал Дороти перед Волкодом, но на душе было очень тревожно. А вдруг и впрямь попросит с него мастерскую. Или оплату за квинков. Или вообще, просто его надула, чтобы посмеяться и поглумиться – лишь обнадёжив, отправить по несуществующему адресу. Впрочем, нет: Ашморку хотелось верить. Верить в Дороти. Верить в представившийся ему шанс.

Волкод отлично ориентировался в переулках ночной Рутины, и вскорости они вывернули на Бриолиновую улицу, а оттуда и в правый тупик. Пансионом было широкое трёхэтажное здание с каменными ступенями и застеклёнными округлыми дверями. Некоторые окна светились сквозь шторы различных цветов. Из открытого окна в глубине двора раздавалась приятная музыка.

Справа от входа, за витой оградой на скамейке, при свете масляного фонаря сидела Дороти, не сразу заметившая подошедших, и у Ашморка было время её разглядеть. Она была закутана в синюю шаль, а её протянутые ноги лежали на плетёном кресле напротив. Держа в правой руке книжку, она увлечённо читала, не замечая ничего вокруг. Справа на круглом столике стояла жёлтая керамическая кружка. В тёплом свете ночного фонаря на фоне вьющихся зарослей дикого винограда она была совершенно очаровательна. Ашморк не мог оторвать взгляд, и Волкоду пришлось ткнуть его в спину.

– Это она? – прошипел он.

– Дороти! – позвал Ашморк. – Я привёл Вол... волшебника. Чтобы он сумку зачаровал.

Дороти подняла голову и улыбнулась.

– Спроси, где они, – снова прошипел Волкод.

– Г-где квинки? – неуверенно спросил Ашморк.

– Надеюсь, в тазу, – ответила Дороти. – И, надеюсь, они уже спят.

– Щас тебя разводить будут, – прошептал Волкод из-за спины, одновременно высматривая возможных подельников этой читающей милашки.

– А я сейчас пойду и проверю. – шёпотом ответил Ашморк, и обратился к Дороти: – Пойдёмте?

Дороти поднялась, подобрала шаль и взяла кружку.

– Я останусь тут. – поспешил заметить волшебник.

– Не-не-не. Пойдём с нами. Сумку-то надо зачаровать. – потянул друга Ашморк.

– Предлог сомнительный. Я тут, на шухере постою. В ограниченном пространстве труднее магию применять.

Дороти смотрела на происходящий диалог с нескрываемой улыбкой:

– Пойду посмотрю, уснули они или нет. Вы можете пока тут подождать. – и она скрылась за кустами в саду.

– Смоется. – заключил из этого Волкод.

– Куда? – вздохнул Ашморк. – Она живёт тут.

Волкод подозрительно озирался по сторонам. Теперь его пальцы крепко сжимали короткий боевой скипетр, который он обычно таскал на поясе под плащом.

– Куда-куда. Свою часть работы она уже сделала. Сама за высокой изгородью была, чтобы не достали. Жди подельников... А мы в тупике!

Ашморк похолодел. Он вроде бы не верил во всю эту паранойю сотоварища, но холодок внушённого страха пробежал между его лопаток.

– Они уснули. – голова Дороти высунулась из дверей парадного входа.

– Это ловушка. – прошептал Волкод. Но вслед за Ашморком двинулся вверх по ступеням, видимо, сочтя этот тупик более опасным местом, чем парадное пансиона. – Будь внимательным – когда выключат свет бросайся на пол, но не далеко от меня.

– Хорошо... – вздохнув ответил шляпник.

Когда они поднялись на второй этаж, Дороти, остановившись у резной двери её номера, напомнила:

– Они спят, но могут проснуться. Будьте потише!

Ашморк кивнул.

Волкод, глядя исподлобья, криво улыбнулся.

Дороти тихонько отворила дверь и первая вошла внутрь. Ашморк неспешно двинулся за ней, но Волкод буквально втолкнул его и быстрёхонько закрыл за собой дверь. На засов. В комнате было совершенно темно, потому что шторы были плотно задёрнуты. Было душно и чем-то несносно воняло. Тишину дробил громкий дребезжащий храп.

– Надо улучшить звукоизоляцию цилиндра, – задумчиво отметил Ашморк.

Дороти, сражённая вонью и храпом, довольно поморщилась – сделка с четырьмя шляпками и текстилем для пекарни внезапно показалась ей очень даже удачной. Она обошла стоящий по центру комнаты таз и зажгла светильник на столике у окна.

В слабом жёлтом свете Ашморк разглядел четыре мелких тельца, храпящих в тазике на заботливо постеленном платке.

– Их надо переложить. – прошептал он.

– Приступай. – хмуро одобрил волшебник откуда-то из темноты за спиной и удивлённо добавил: – Надо же, действительно квинки. Проверь, может, они дохлые.

Ашморк поставил сумку рядом с тазом и по одному стал осторожно перекладывать квинков. Когда он поднял последнее тельце, платок, зацепившийся за коготь потянулся вверх и, стараясь его сбросить, Ашморк, приподняв руку с квинком, потерял равновесие. Он зацепился ногой за таз, поддев его, и опрокинулся на спину, левой рукой повалив чаросумку.

Всё могло закончиться плохо, но синий паралуч заставил замереть тело шляпника, едва не достигшее пола. Паралуч остановил и таз, не успевший загрохотать по полу, и сумку, застывшую на наискосок.

– Растяпа, – злой Волкод поставил сумку на место и положил таз на диван.

Он аккуратно вынул тельце квинка из парализованных рук шляпника и спрятал его в недрах чаросумки. После этого он крепко завязал шнур на её изголовье, сделал несколько пассивных руками и что-то прошептал над узлом.

– Этого хватит на пару часов. – с этими словами он поднял скипетр и Ашморк тяжело грохнулся на пол.

Дороти, довольная, что всё прошло удачно, с облегчением вздохнула.

Ашморк поднялся и смущённо посмотрел на девушку.

– Сейчас будут деньги требовать. – прошептал Волкод. – Но ты не давай. Скажи – потом.

В дверь постучали.

– Дороти, у вас всё хорошо? – спросил спокойный мужской голос.

– Да, сержант. Это сумка с вещами свалилась. Спасибо,
– громко ответила она и для гостей пояснила: – Сосед из стражи. Я его предупредила, что за старыми вещами менялы придут, но он всё равно беспокоится, – она вновь улыбнулась.

– Ну так, мы пойдём? – спросил Ашморк неуверенно – он оценил предусмотрительность Дороти.

– Конечно. Когда мне приходиться за шляпками? И текстилем?

– Приходите завтра, наверное. – растерялся шляпник.
– Обсудим эскизы и подберём материалы.

– Замечательно. Я загляну к вам во второй половине дня.

Ашмок со всех ног спешил в мастерскую.

Волкод еле за ним поспевал:

– Не соврала-таки. Очень странно. Наверняка она сдаст тебя службе контроля за квинками. За вознаграждение. Ты ей шляпки сошьёшь, а она тебя после этого сдаст. И ещё одно вознаграждение получит.

Шляпник не слушал волшебника – квинки были у него, а дальше – будь как будет, ОКС и так знает про шляпника с Бурой. Влетев в мастерскую, он первым делом осведомился:

– Закончил?

– Почти. – кивнул сидящий с иглой в руке подмастерье.

– Распарывай! – улыбнулся шляпник.

Пока они переделывали комнатки, делая их звуко-воне-защищёнными, Волкод после крепкого горячего напитка и парочки плюшек из запасов Гена дремал на диване.

Когда цилиндры были готовы, и шляпник остался доволен их качеством и сходством, разбудили волшебника. Под непрерывным надзором Волкода квинки были помещены в предварительно зачарованные комнатки и надёжно заперты. Замочки также были зачарованы, как и пара ключиков, которые Ген сложил на небольшие квадратики ткани (на которых были вышиты семейственные данные каждого квинка) в небольшую коробочку, обтянутую чёрным бархатом. На бархате золотом были вышиты инициалы «АХ».

Ещё несколько часов ушло на то, чтобы заставить сонных квинков работать так, как того требовала их квалификация. В основном этим был занят волшебник, а Ашморк был тестовым клиентом.

Наконец, под утро всё заработало так, как было задумано, и Волкод, измотанный свалившимися на него хлопотами, всё-таки ушёл домой, отказавшись спать на диване в гостиной второго этажа. Ген, зевающий за работой так, как будто мог проглотить и цилиндр, уснул прямо тут за рабочим столом.

А вот Ашморку не спалось. Слишком много всего бурлило в его голове и сердце. Он сидел на диване в мастерской, попивал горячий тёмно-острый напиток, добавляя его в кружку из пузатого чайничка, и размышлял над завитками судьбы, которые кружили его в последние дни.

Ровно в восемь утра перед мастерской вплотную остановилась большая чёрная повозка, аккуратно управляемая орком. За повозкой тяжело следовали два тролля в полном боевом снаряжении. Орк-возница приоткрыл боковую дверцу, и мистер Фант шагнул прямо на ступени

крыльца мастерской. Колокольчик звякнул одновременно с поднимающимся навстречу клиенту шляпнику.

– Всё готово? – Фант был сух и краток.

– Конечно, – устало улыбнулся шляпник. –

Принимайте.

Сравнивая оба цилиндра, долговязый заказчик выслушал разъяснения Ашморка о необходимости чёрных кристаллов, об уравновешенности обоих цилиндров, чтобы их нельзя было распознать по весу, о замочках на маленьких дверках, о двойном дне пустого цилиндра – чтобы и внутри они казались одинаковыми – и прочие разные мелочи.

Фант был нехотя доволен. Он не смог отличить цилиндры друг от друга ни по весу, ни изнутри, ни снаружи. Лишь после того, как шляпник показал ему, как получить доступ к замочкам на застежках, он понял разницу между двумя экземплярами. Осталось проверить работу квинков.

– Постучите по полям в соответствии с выбранным действием, – пересказывал инструкцию Волкода Ашморк. – Один удар – вызов ежедельщика. Два удара – рисовщика. Три удара – распознавщика. Четыре – запоминовщика. Команды давайте негромко, краткие и чёткие. Ответ услышите только вы и только когда цилиндр надет.

– А как с зарисовками?

– Там есть карманчик в центре для листков бумаги. Входит штук двадцать, не меньше. Вот карандаш придётся время от времени менять лично в лапки – иначе никак.

– Что с кормом?

– Стандартный гранулированный корм для квинков подошёл бы идеально – для него тут сделаны специальные кармашки – но его продают лишь по лицензии.

– Это не проблема. – клиент отмахнулся.

– Я так и думал. – кивнул шляпник. – Проверьте все функции – чтобы самостоятельно во всём убедиться.

Пока Фант постукивал по полю цилиндра и что-то шептал, Ашморк поднялся на кухню, вскипятил воду, налил себе свежую кружку крепкого тёмно-острого напитка и вернулся в мастерскую. Клиенту он ничего не предлагал – тот должен был уйти поскорее.

Фант, завершивший испытания головного убора, довольно вертел его в руках:

– А вы знаете, Хеддерсон, я в вас не ошибся. Хотя мне советовали вас весьма значимые люди, я всё же не был до конца уверен. Однако вы превысили мои ожидания. Bravo!

Ашморк снова устало кивнул.

– Последние два дня ходили странные слухи. – продолжил Фант. – Но я решил дожидаться этого утра и быть уверенным во всём самостоятельно.

– Не всем же слухам доверять, – пожал плечами Ашморк.

– И то верно. – ухмыльнулся Фант. – Не смею больше вас задерживать. Оплату я оставил на столике.

Ашморк взглядом пересчитал монеты и кивнул клиенту:

– Будете у нас в Рутине, обязательно заезжайте, – он левой рукой махнул выходящему Фанту. Правая со скрещенными пальцами была за спиной.

Тронувшийся экипаж поднял пыль и скрылся из виду. Тролли тяжело отправились следом. Когда пыль улеглась, напротив окон мастерской была обычная утренняя суета на Бурой улице.

Ашморк потянулся, оглядев мастерскую. Потом встал и тяжёлыми, неспешными шагами подошёл к столику. Собрал деньги в кулак и неспешно их пересчитал.

Проведя простые вычисления в уме, шляпник довольно констатировал:

– Этого хватит.

Он снял с полки свой цилиндр, надел жилетку, проверил, на месте ли деньги в карманчиках, переложил в них полученные деньги. Уже на выходе обернулся, осмотрел мастерскую спокойным внимательным взглядом и вышел за дверь.

Знакомый со всеми тонкостями найма Страхов, Ашморк не спеша добрёл до столбика на площади. Торговец был не тот, что ранее, но особой роли это не играло. Они менялись тут каждую декаду: работали посменно.

– Двоих, – только подойдя, бросил шляпник. – Да внушительнее.

– На сколько?

Тут Ашморк призадумался. До Жёваной улицы идти не так уж и далеко – за пятнадцать минут управится – но вот сколько времени может потребоваться на изымание у жадюги-ростовщика заложенной броши?

– Два часа, – скрепя сердце, ответил он. – Сколько с меня?

– На два часа не даём, только на полдня. Двенадцать рутов.

Ашморк сжал зубы и вытащил из жилетки деньги. Торгаш внимательно пересчитал, кивнул и свистнул.

К столбику в ту же секунду подплыло двое Страхов.

– Договор заключён? – поднял бровь Ашморк.

– Конечно, конечно, – замахал руками торговец. – Отсчёт начнётся, когда вы отойдёте.

Ашморк кивнул, оглядел нанятых Страхов и скомандовал:

– За мной.

Дорога до обиталища Плува Мерсонга прошла без происшествий, если, конечно, не считать за происшествие оглядывающихся на Страхов прохожих, совершенно не понимающих, что в их-то районе забыли Страхи. Но зато такие спутники помогали проходить толпу, и Ашморк быстро дошёл до знакомого полуподвала. Всё его нутро сжалось от непонятного чувства: то ли то было нетерпение от скорой уплаты долга, то ли неприязнь к скользкому плуту.

Ашморк протянул руку и постучал по двери молотом. Та медленно отворилась, и Ашморк, поморщившись от зубодробительного скрипа, вошёл. Вслед за ним потянулись Страхи. Стоило последнему из них преодолеть порог, как дверь затворилась с тем же противным скрипом. Ашморк, проморгавшись, оказался перед массивным дубовым столом. Сидящий за ним Плув Мерсонг блеснул пенсне в сторону Ашморка, его пристальный взгляд не оставил шляпнику и тени сомнения, что долг надо выплачивать и никогда более сюда не возвращаться.

– Ашморк Хеддерсон, – проскрипел Мерсонг, уподобившись своей двери. – За чем пожаловали?

В горле у Ашморка внезапно пересохло.

– Долг отдать, – сказал он, никак не выражая своих эмоций. – Тринадцать золотых.

Плув Мерсонг поджал губы. Он не желал видеть этого Хеддерсона, и сейчас был крайне раздосадован тем, что

шляпник пришёл за своим добром – да ещё и посмел приволоочь за собой Страхов! Честно говоря, до этого момента Плув сомневался, что он вообще придёт, но, как обязанный ростовщик, своим сомнениям он доверял мало, а потому заранее подготовил весьма качественную подделку.

– Ровно в срок, как я вижу. – Плув встал и повернулся к Ашморку спиной, роясь в резном канцелярском шкафу за своим столом; Ашморк не обманывал себя таким «проявлением доверия»: он знал, что даже если он никого не видит, за ним наблюдают, и весьма пристально.

Ростовщик снова сел за стол, придвинув к Ашморку знакомую коробочку. Ашморк вынул двенадцать золотых и двенадцать серебряных монет, но положил их на край стола около коробочки.

Он взгляделся в лицо старика, у которого ровно семь дней назад выторговывал каждую монету, и требовательно сказал:

– Пусть всё проверит золокан.

Плув поднял брови.

– Вы ставите под сомнение мою честность?

– Вообще я хотел успокоить ваши сомнения насчёт подлинности монет, – сказал Ашморк. – Но раз уж вы настаиваете, я бы предпочёл проверить и выкупаемый предмет.

Плув раздосадованно покосился на Страхов за спиной Ашморка, схватил коробочку, необыкновенно для своего возраста проворно нырнул под стол и, чуть помешкав, вылез оттуда уже с коробочкой и банкой в руках. На лице его застыла неприятная кривая улыбка, отражающая высшую степень раздражения.

Плув открыл коробочку, в которую Ашморк тут же впился взглядом, затем положил открытую банку рядом и придвинул к ней горстку монет. Через пару секунд из банки показались усики жука-золотана, характерно золотые. Оба – и Ашморк, и Плув, – внимательно наблюдали, как золотан принялся к монетам и поднял усики строго вверх, а потом проделал то же самое с коробочкой

Плув поднял насекомое и закинул его в банку, тщательно закрыв. Потом откинулся на спинку кресла:

– Теперь вы довольны? – спросил он, совершенно недовольный развитием ситуации.

– Полностью, – кивнул Ашморк, и, в душе радуясь, что Страхи понадобились ему только ради утешения, взял в руки семейное наследие, чудом вернувшееся к нему. Уже на полпути к дверям Ашморк услышал, как Мерсонг хрипло сказал:

– Погодите.

Шляпник остановился и обернулся.

Плув впервые на памяти Ашморка вышел из-за высокого стола и острым взглядом сквозь пенсне посмотрел на одного из самых нелюбимых своих клиентов. Он спросил, сухо и равнодушно:

– Вы понимаете, какой властью обладаете?

– Нет. – просто ответил Ашморк под пристальным взором ростовщика и вышел.

На небе не было ни единого облачка, ветер, дующий с моря, лениво гонял мусор вдоль домов. Впервые со времени похорон отца на душе у Ашморка было спокойно.

Он был никому ничего не должен.

Эпилог

Поиски жилья – вопрос, безусловно, не простой. Особенно в том случае, когда семейное число живых претендентов на тёплое место превышает количество листьев на дереве средних размеров. Наиболее привычными и вкусными сортами из тех, что были достижимы за пару дней перехода, более остальных ценились кружки пропавших посетителей на полках кофейни старого Музуса.

Среди прочих аппетитных и пропитанных ароматными жидкостями экземпляров, на одной из верхних полок высилась четырёхручная толстостенная кофейная кружка. Дверка полки была заперта на отдельный, насквозь проржавевший, замок. Вероятно, это была кружка какого-нибудь старого и, скорее всего, давно мёртвого пирата.

Вырезанная из сердцевины иссохшего корня высокогорного ароматного дерева, она была совершенно невкусной и чересчур твёрдой. Однако другого такого уютного места для выгрызания тесных семейных кругов было, пожалуй, не найти во всей округе, и колония населила собой этот старый сосуд, залив в него свежую жизненную энергию.

И все бы жили долго и счастливо. Но беспокойное время – это в первую очередь продолжительное время: начало известно каждому, окончания не знает никто.

Утром одного из вскоре наступивших дней в кофейню ввалился просоленный одноглазый одноногий капитан и сходу отсыпал хозяину щедрую горсть разномастных монет. Последним на горку разноценного металла упал небольшой латунный ключик, отполированный до блеска пальцами его обладателя. Не говоря ни слова, он сел в чёрный угол и

вытянул мёртвую ногу по длинной скамье. Музус же, вместо того, чтобы спросить, чего тот припёрся или хотя бы удивиться монетной горке, бросился тащить стремянку.

Как обычно предполагая неладное, эвакуация колонии началась, как только монеты застучали где-то внизу по твёрдым доскам барной столешницы. Многие спаслись благодаря особой ржавчине, не поддававшейся ключу при первых попытках ворваться в их размеренную семейную жизнь. Однако надолго замка не хватило. Кружка была извлечена и выставлена на прилавок, где и свершился геноцид. Едкая чёрная жидкость отправила в потусторонний жучиный край сотни крепких хитинов, их семьи, друзей и соседей. Никто из проживающих на нижних ярусах этого, казалось бы – благословенного крова, не выжил.

– Музус, а что тут плавает в моей настойке? – негромко спросил капитан, получив свою кружку.

Музус оглянулся на плавающие в крепком еловом настое коричневые тельца и, глазом не моргнув, ответил:

– Семена повсплывали. Ты пей, а не разглядывай!

Тела сородичей хрустели на почерневших зубах пришельца, и он глотал их, жадно запивая пахучей настойкой. Тот день стал днём превеликого траура и началом эпохи бесконечного отмщения.

В прошлой жизни Шара Лот точно была масочным ловцом – маленькой серой змейкой с зеленоватой полоской, опоясывающей голову в месте расположения чёрных, как икринки, глаз. По крайней мере, Шаре очень хотелось в это верить. Её нынешняя реинкарнация сплела Шару со змеями с тех пор, как она себя помнила. Курсы для новоявленных герпетологов она вела уже много лет. Её радовало, что милые

твари⁹¹ обретали новых друзей, хозяев и спутников, а время от времени корм – хотя это было редкими и иногда досадными издержками её профессии.

Один из курсов, что вела Шара, именовался «Как примирить посумочную гадюку с собой» и пользовался незаурядной популярностью. Научить чешуйчатое создание отличать хозяйские руки от прочих было очень непросто, и требовало от участников группы весьма продуктивной работы. В настоящий момент один из её учеников делал поразительные успехи, и Шара, конечно, гордая собой, тем не менее отмечала весьма заметные самостоятельные достижения этого неугомонного мага.

Волкод Мариинс сразу поразил её своей прямолинейностью и отсутствием такта, а также успехами в обучении: он научился общаться с гадюкой на третьем часу вводного занятия и дал ей имя Майлотта. Это особенно тронуло Шару – если персона способна видеть личность в змее, с ней точно есть о чём поговорить.

Несмотря на успехи, Волкод продолжал ходить на все занятия курса и даже принял участие в поминальной панихиде по студенту-неудачнику Мёлку, хотя тот грубо завидовал ему вслух⁹². А вечером на завершении курса, когда все получили сертификаты о примирении и тихо разошлись, Волкод остался последним и проводил Шару до самого крыльца её обиталища.

Тут Шара Лот окончательно влюбилась: он растаял в ночной темноте, предварительно на прощанье поцеловав её прелестную чешуйчатую ручку.

⁹¹ Имеются ввиду змеи, а не те, кому она преподавала. Хотя...

⁹² Поговаривали, что у Мёлка гадюка была вовсе без клыков, но кто там в суматохе разберёт, чья змея кого укусила...

Обычно стук в дверь отвлекал мистера Рикки по вечерам: эти вечно недовольные соседи не умели наслаждаться жизненным временем по-настоящему, а их мелкие придирки отвлекали и выводили из себя. Так что разбудивший повесу настойчивый утренний стук был чем-то давно забытым и скорее удивлял, чем раздражал.

За дверью стоял посыльный гильдии законников. И вот его улыбочка, пожалуй, действительно раздражала не вполне пришедшего в себя Двадцать Пятого Пая:

– Пай? Повестка. Расписываться будете? – пронудел посыльный.

– Мне? Что? – икнул Рики.

– Паю Рикки. Вызов к Законному Регулятору второго делового квартала, судье Ламандерсу. Сегодня, в порядке очереди.

– Что мне за надобность по судьям шляться? – хрипловато парировал Рикки.

– Я вам оставлю. Роспись ваша не важна. – посыльный вставил депешу в руку двадцать пятого Пая и, развернувшись на каблуке, удалился.

Рикки смял повестку и отправился досыпать.

В последний день декады, когда пора было вносить оплату за пансион, ни утром, ни днём, ни даже к вечеру привычного дохода от его успешного бизнеса так и не поступило. Сама Дороти не приносила долю Рикки Пая – это делал финансовый курьер⁹³. Однако ни в каком виде доля не была уплачена.

⁹³ Дурочка тратила деньги на доставку денег, всегда потешался Рикки.

Рикки это позабавило – не каждую декаду случается что-нибудь настолько нескудное, и он, в сопровождении троих ежедневных приятелей, решил навестить свою пекарню:

– Вы наконец-то гляните, обалдуи, каким успешным бизнесом владеют настоящие предприниматели! – усмехался он по дороге.

Они зашли в пекарню с Овальной площади – с главного входа. Левая сторона торгового зала была отгорожена вешалками, на которых висели красные занавески. Над огороженной частью в потолке чернела узкая длинная дыра, идущая вдоль всей левой стены с окнами. В остальной части зала было довольно мило – свежие оранжевые скатерти были украшены вышивкой, там и тут лежали зелёные и синие клетчатые салфетки, а из-за очереди едва ли можно было разглядеть витрины.

– Ох, Дороти! – широко улыбаясь громко воскликнул Рики и мятным голосом пропел. – Ты заработалась, крошка? Сегодня же декадный день, а значит, мне причитается доля от всех твоих плюшек... и что за бардак вы тут устроили – что с потолком? Там же мои комнаты. Там что, балки сгнили? Или крыша протекла?

Дороти, сидевшая за столиком у дальнего окна, оторвалась от книги учёта и холодно посмотрела на вошедших.

– Ника, попроси тестомесов быть повнимательней, – окликнула она одну из девушек за прилавком и, обращаясь к Паю улыbnулась взглядом приглашая присесть напротив.

– Рикки, – спокойным голосом продолжила Дороти, когда тот сел за стол и уставился на неё. – Ты больше тут не хозяин. Ты больше тут, в общем-то, никто. Дело в том, что

несколько дней назад я выкупила твою пекарню. Вернее, сначала я выкупила все давно просроченные долговые расписки Рикки Двадцать Пятого Пая у мистера Оакхарта и мистера Траста⁹⁴. А поскольку пекарня со всеми потрохами была заложена каждому из них, я обратилась в гильдию законников с требованием признать меня владелицей того, что мне принадлежит уже дважды. И поскольку, согласно основным заповедям гильдии Прибылей и Перспектив, ничто не может быть дважды и более продано, заложено или выдано в качестве оплаты, законники признали моё безраздельное право и на пекарню, и на здание, в котором она находится, и на двор, примыкающий к ней, вместе со всеми постройками и всем имуществом, размещённым в пределах зафиксированного в документах участка. Поэтому, Рикки Двадцать Пятый Пай, ты тут теперь не хозяин, так что, пожалуйста, покинь мою пекарню и не приходи сюда больше.

Сопровождающие Рикки, поняв, что культурная часть мероприятия на этом завершена, переглянулись и покинули зал ещё до того, как до бывшего владельца успешного бизнеса стал доходить смысл сказанного.

Сказать, что Рикки был в бешенстве – не сказать ничего.

Он орал на всю пекарню, площадь и примыкающие к ней улицы. Он топал ногами, плевался и строил гневные гримасы. Он угрожал привести законников и устроить проверку подпольного сокрытия доходов от него как от владельца самого успешного заведения на этой площади. Он

⁹⁴ Которые уступили их Дороти с хорошей комиссией – до её появления ни тот, ни другой уже и не верили, что когда-либо смогут вернуть этот долг. Ну, и годовые абонементы на ежедекадные пироги сделали своё дело.

кричал, что она украла его долю, что не доплачивала ему всё это время, что ни одной расписки нет, ведь он их не писал! Он называл её воровкой и даже хуже. Он был готов прибить её, но сильные и многочисленные руки не дали причинить ей вред и вышвырнули его за двери.

Потраченные в следующие дни остатки денег не принесли желаемого результата: все финансовые книги пекарни велись открыто и проходили аудит не реже чем каждые три декады. Все деньги, отправляемые бывшему владельцу в качестве доходов, были приняты, учтены и доставлены финансовыми курьерами, что полностью подтверждалось их отчётностью. А всех тех выплат, при желании, хватило бы на погашение задолженностей дважды, что тоже было учтено. И кредиторы, и персонал пекарни полностью подтверждали правдивость слов и документов Дороти.

Дело было решено, и Рикки Двадцать Пятый Пай остался ни с чем.

– Я не оставлю это так! – кричал тот в похмельном угаре.

Он решился на крайние меры и попытался нанять для Дороти убийцу:

– Я заплачу вам потом, сейчас нечем, но как только пекарня вернётся ко мне...

Бандит же, узнав, что за пекарня на кону, дал неудачнику отпор такой силы, что Рикки Пай еле унёс чудом оставшиеся ему ноги.

В последний день своего пребывания в Рутине Рикки бил витрины камнями, бросая попеременно с ними обвинения в воровстве и поклёпе. Озлобленный и угрюмый, в сопровождении стражи он покинул город, в котором ухватил

удачу за хвост, хорошо подержался, но вот удержать так и не смог.

Деревня приняла Рикки Бобонога назад, ни разу не припомнив ему прошлого.

Уже спустя декаду Фант получил ответы на интересующие его вопросы и выяснил, что путь его должен пролегать на юг – в главенствующий полис Дальнего континента.

– Всё готово к отплытию? – спросил Фант, постукивая тростью по каменной набережной. Выгляды так, будто на ответ капитана ему наплевать, он внимательно разглядывал качающуюся на волнах барку Вьюно Илийсса. Этот торговец мануфактурой ежегодно проходил по всей Толстой и оказался единственным капитаном из тех, кто пришвартовался в Нижнем порту, согласившимся взять на борт пассажира, да вдобавок предоставить каюту.

– Конечно, готово, мистер, – согласился Вьюн. – Так-то моя Ласточка всегда наготове, но в этом году зима обещает быть суровой, и не мешало бы нанять юнгу да все снасти починить. С юнгой проблем никаких нет: всегда много парней, которые хотят срочно убраться из города или мир повидать. Со снастями все попроще, уже оплачены теми деньгами, что заплатил мистер. – Вьюн подобострастно улыбнулся, обнажив два золотых зуба по центру. – Надо было бы и мачту сменить, но мистер сказал – побыстрее, а за хорошие деньги Вьюн Илийсс всегда быстрее.

Фант ухмыльнулся и оглянул свои пожитки – окованный железом сундук, два деловых чемодана, зонтик с ручкой, покрытой медью, да дорожная сумка, увезённая им ещё из деревни:

– Кто-нибудь из вашей команды поможет занести мне всё это в каюту?

– За ваши деньги – всё и всегда! – улыбнулся Вьюн.

С некоторых пор Ашморк завёл привычку причёсываться по утрам. Ранее он чаще всего игнорировал свою ни разу не использованную расчёску, потому как шляпа надёжно скрывала уложенные в юном детстве волосы. Давным-давно его причёсывал папа, а после, когда того не стало, Ашморк не расчёсывался вовсе.

Из-за двери выглянул Ген. Он хотел что-то сказать, но Ашморк жестом велел мальчику замолчать и продолжил смотреть в зеркало. Когда Ашморк снова повернулся к двери, Гена там уже не было, и шляпник решил, что, раз Ген не остался настырно ждать под дверью, вопрос уже решён, и можно не волноваться.

Этим утром он, как обычно, пил кофе у Дороти. Это стало для Ашморка традицией с тех пор, как он расплатился с единственным – определённо последним – долгом в своей жизни и выполнил самый рискованный заказ за всю свою карьеру. Ашморк уговаривал себя, что это временно, и будет длиться лишь столько, сколько уйдёт у Гена на изготовление комплекта из шляпок на все времена года – мастер поручил эту работу Гену со словами «выполнишь – можешь считать себя настоящим подмастерьем». На это Ген спросил, кем он тогда был раньше, и Ашморк мудро ответил: «до этого ты был учеником». На этом их краткий разговор закончился, и Ашморк предоставил Гену полную свободу действий в рамках оговоренного эскиза. На осень была согласована непромокаемая желтая шляпка, на весну – голубенькая бархатная с привязанным лёгким шарфом, на лето – зелёная

с дырочками для проветривания, а на зиму – белая утеплённая из меха волосатых рыб. Решения по украшению, фурнитуре и, конечно, бантикам были отданы на волю исполнителя. Ашморк, не сознаваясь себе, старался занимать мальчишку массой прочих забот, чтобы максимально оттянуть срок выполнения заказа.

Шляпник с наслаждением глотнул бодрящего кофе и попробовал новинку Дороти – бантик с корицей. Бантик подозрительно напоминал ему одного из квинков. Кажется, того звали Пук – и Ашморк был очень рад, когда обнаружил, что запах и вкус нового бантика и названного квинка разительно отличаются.

Он оглядел помещение пекарни и слегка поморщился – рукострои, прилаживающие округлую лестницу на второй этаж, напомнили ему о проделанной дыре в его бывшей мастерской. Однако эти работали слажено и даже красиво. Благодаря их стараниям кофейня на втором этаже была почти готова. Вампирчик-бариста, болтливый парень из не выдержавшего конкуренции и закрывшегося киоска Сетевой Жизни, уже всю тренировался с нанятым мастером кофейного дела.

Поймав взгляд, Ашморк Хеддерсон улыбнулся Дороти Д`Катчер, которая что-то рассказывала новому пекарю, и, с удовольствием отхлебнув кофе, отправился указать рукостроям, что они делают не так.

Пару декад Ген мучался, не в силах сообщить дяде о необходимости оплачивать долг за шоколадный заказ девушки в сером платье, и платил их из собственного, уже совсем опустевшего, кармана. Мучался он преимущественно в свободные часы: всё остальное время у него занимал пошив

дамских шляпок и текстиля для кофейни, в которую дядя теперь регулярно наведывался, так что тревожные мысли навещали Гена перед сном, наутро и в то время, когда он доставлял пошитые шляпки.

Мисс Дороти, как она просила себя называть, была весьма приятной в общении, но очень занятой. Однако, доставив третью по счёту шляпку в пекарню, Ген столкнулся с самой заказчицей прямо в дверях.

Дороти приветливо улыбнулась и вежливо спросила:

– Здравствуй, Ген. Какая прекрасная шляпка, по аккуратным цветочкам и этой милой ленточке видно, что шил её именно ты, – Ген мучительно покраснел. – Ты, как всегда, сразу уходишь? Я даже не успеваю тебя заметить.

Ген пробормотал:

– Ну... Э-э... Дел много. Ведь дядя гоняет.

Дороти понимающе кивнула, но продолжила задерживать красного как помидор Гена.

– А почему бы тебе не порадовать себя нашей выпечкой? Тебе не нравятся мои бантики с маком, или корзинки-напёрсточки?

– Что вы! Ещё как нравятся. Дядя меня угощал. – Ген замотал головой в подтверждение своих слов.

– Но ты ни разу, что был здесь, ничего не попробовал.

– Эээ... Мисс Дороти, у меня нет денег... На выпечку.

Дороти подняла бровь.

– Разве дядя не выдаёт тебе жалование, или зарплату, или карманные?

– Выдаёт, но... – Ген мучительно замолчал. – ...Вы понимаете... Тут такое дело...

Ген помедлил: давно надо было кому-то высказаться, и, не выдержав, он сбивчиво выложил Дороти историю о

неприятной ситуации, случившейся с ним в пекарне мистера Дреммана.

– Так. – Дороти сложила руки на груди и, прищурившись, с нарочитой серьёзностью, обратилась к несчастному мальчишке. – Значит, ты ходишь к моим конкурентам?

Ген, не уловив иронии, немедленно принялся оправдываться:

– Это было до вас! До вас! Понимаете, это дядя туда ходит!.. Ой, ну то есть ходил! И вообще, это случайно так вышло, эта девчонка... я там ни кусочка в рот не взял!..

И тут Ген расплакался. За всё то время, что он платил за этот треклятый шоколад, сам он его ни разу не попробовал.

Дороти, поняв, что дело серьёзное, успокаивающе сказала:

– Давай садись за стол, я сейчас налью тебе чаю, угощу бантиком с корицей, а ты расскажешь мне всё подробно и по порядку. Я уверена, что вместе мы найдём хорошее решение.

Раздумья не могли не привести воровку к единственно верному в данном случае варианту: надо было уносить ноги не только из этого города, но и с этого континента. Зная фантастическую осведомлённость клоунов, много дней она провела в одиночестве в тайном укрытии нижнего порта, довольствуясь остатками рыбного стола местной харчевни. Пришлось поссориться с командой тутошних котов, но оно того стоило: прочей еды было не найти, а на дело стало ходить смертельно опасно. Коты, по крайней мере, не выдадут. Даже будучи очень недовольными.

Подвёрнутая нога окрепла, и Арка уже могла вполне сносно ходить и даже устроила себе ночную пробежку до

харчевни и обратно. Пробегая мимо полки с объявлениями о найме, она, поднимая камни по очереди, в ярком свете полной луны пересмотрела все зазывные сообщения. Юнга требовался на пару торговых судов и рыболовецкую шхуну. От рыбы её уже мутило, а торговые суда были привлекательными по причине их торговли.

К утру отличить молодую воровку от расторопного юнга было невозможно – яркие голубые штаны, подпоясанная длинная холщовая рубаха, лысый череп и татуировка морского узла вокруг правого запястья должны были обеспечить ей успешные переговоры.

Первое судно не оправдало себя сразу же – оно шло вглубь континента по Толстой реке, и юнга им был нужен лишь в сторону гор – обратно везти никто не собирался, бесплатно уж точно. А вот второе уже в полдень отправлялось к Дальнему континенту. Кроме того, что континент, видимо, дальний, Арка не знала о месте назначения вообще ничего, но её ничего и не интересовало, помимо самого факта отправки прямо сегодня.

– Дяденька, дяденька, возьмите меня юнгой! – подбежала Арка к высокому похожему на кирпич мужчине, который привалился к стоящим друг на друге ящикам.

– Юнгам деньги не плачу. – выдал Кирпич (как Арка его тут же и окрестила).

– Меня зовут Това Кар. Кормить-то хоть будете? – попыталась она подпустить жалостливые нотки в голос.

– Как тебя зовут, никого здесь не волнует. В первую очередь – меня. Посмотрим, как будешь работать. Если плохо – кормить будем не тебя, а тобой. – ухмыляясь, пригрозил карманнице Кирпич.

Арка мысленно себя утешила: «Если что, я постараюсь не оказаться с ним на одном плоту». Потом её жадная до денег душа добавила: «И посмотрим, чем у вас есть поживиться».

Тем временем Кирпич продолжал:

– Про море и корабли хоть что-то знаешь?

– По морю плавают корабли! – с кристальной честностью заявила Арка.

– Не плавают, а ходят, балда! – рявкнул Кирпич. – И откуда вы только берётесь такие бездари, как вас на корабли-то пускают, а? – бессильно спросил он у неба и наградил Арку сердитым взглядом. – Марш в трюм, к коку, скажи, что новый юнга. Этому певцу сейчас всех больше надо. Но если что, смотри – разговор посреди моря короткий!

Арка прошмыгнула мимо раздражённого Кирпича по трапу. «Ладно-ладно.... поговори ещё», – подумала она. – «Дорога дальняя, корабль маленький, ну а вокруг – чрезвычайно глубоко»⁹⁵.

Приятная прохлада трюма окружила Арку. Кок был по обычному занят: в поту, но в широком колпаке, он, опустошая два больших ящика, рассовывал провизию по полкам и сундукам камбуза. Судя по напеваемой под нос одной из самых популярных портовых песен, настроение у него было прекрасное.

– Кот, что мышей любил, – кок немного пританцовывал на месте, внимательно разглядывая картофель в корзинах. – Одинок и непонят был... И однажды

⁹⁵ Цитата из известной морской баллады корсаров Бесконечного моря.

в ночи, в мороз, отморозил кошачий хвост... Одинок и непонят был, этот кот, что мышей любил...⁹⁶

– Я новый юнга, – выпалила Арка.

Кок, оборванный посреди песни, поднявши бровь оглядел Арку с ног до головы:

– Не очень-то новый, как я погляжу, – поморщившись, пропел он. Не давая Арке даже осмотреться, он мягко и властно проговорил: – Ка-артошечка сегодня отменненькая! Приступай.

И, поставив перед Аркой большой пустой чан, он, продолжая напевать «Кот, что мышей ловил», скрылся в кладовой.

Чан был почти полон, когда сверху послышался окрик Кирпича.

– Юнга! на палубу!..

– Не мешкай, – посоветовал кок, и Арка, вытерев руки о штаны, поспешила к трапу.

Яркий дневной свет ослепил её и, пока её глаза привыкали, команда Кирпича себя ждать не заставила:

– Подними багаж господина на борт и отнеси в правую каюту на корме, – сурово прохрипел бугай⁹⁷. – Быстро!

Арка, соображая на ходу, где у корабля корма, бросилась к перекинутой с борта шхуны на пристань широкой сходне. Спускаясь, она на секунду замешкалась – навстречу ей поднимался высокий, дорогого одетый господин в

⁹⁶ Также известная песня.

⁹⁷ Надо сказать, что это была каюта помощника капитана, которой тот лишился из-за присутствия пассажира на борту. Перспектива ночевать среди матросов очень-очень раздражала...

чёрном цилиндре. В руках у него был небольшой саквояж, и не узнать его было невозможно.

«Путешествие становится интересным», – подумала Арка. – «А главное – потенциально прибыльным!..»

ПРИЛОЖЕНИЯ
~
ЭПОС БЛИЖНЕГО МИРА

Баллада корсаров Бесконечного моря

Собрана из нескольких различных вариаций, записанных в тавернах, портах и кораблях Ближнего мира.

Дорога дальняя, корабль маленький,
Ну а вокруг – чрезвычайно глубоко.
Вчера отплыли мы из тихой гавани
Навстречу ветру, да ему же и назло.
 Не плакал берег нам во спины горестно,
 Наоборот – бранился и стращал,
 И мы, конечно же, ему забористо
 Вернули всё, что он нам посылал.
И завертелися посменным кубарем,
Перемежаясь, вахта, шхера и нора.
Солёным привкусом летели потные
Морские дни, морские вечера.
 Волненье паруса, качанье яруса,
 Закрытый камбуз и промозглая корма,
 Но мы с приятелем мысля затеяли,
 И на неё у нас тогда пошла игра.
В кабине каперской, в застенке мебельном,
Стояли два обитых медью сундука,
О том не знал никто, кроме владелицы,
Да мой приятель по рассказу топляка.
 То снизу дробь волны, то капли тучные
 Меня стегали, пока я точил глаза.
 Попеременно мы искали случаи
 По мокрым доскам транца и порта.

И вот удача мне сверкнула лучиком,
Нашёл обшив, который закрывал тайник,
И ближник мне сказал: дождёмся случая
Удобно взять наш куш и отвалить.

Немало дней провёл я в ожидании,
И как-то вечером приятель намекнул,
Что ночь последняя в моём мечтании,
И на рассвете мы проложим путь.

И вышло всё, как он решил уже давно,
Мы вскрыли борт и в шлюп спустили ценный клад,
Он вскрикнул, глянул вниз и указал на дно.

И я очнулся, плотно связан и обжат.

Меня пытали все, и шкипер, и профос,
С особым рвением резвился старый кок,
Но что я мог сказать на их прямой вопрос?

Поверил вору и был предан, дурачок.

Корабль маленький, дорога дальняя,
Ну а вокруг чрезвычайно глубоко,
На рее днём тепло, а ночь печальная,
Верёвка жмёт, но зато видно далеко.

Кот, что мышей любил

Шуточная песня грузчиков нижнего порта.

Кот, что мышей любил,
Одинок и непонят был,
И однажды в ночи, в мороз,
Отморозил кошачий хвост.

Одинок и непонят был
Этот кот, что мышей любил,
Потому он один, в мороз,
И сидел, оттопырив хвост.

Все коты как коты живут,
Рыбу ловят и жадно жрут,
А у этого сводит нос —
Рыбный запах ему до слёз.

Он один был в порту такой,
Не любил хвост мочить водой,
Лишь мышей поедать желал,
И ночами о том мечтал.

Одинок и непонят был
Этот кот, что мышей любил,
Потому он один, в мороз,
И сидел, оттопырив хвост.

Песенка карманников

Озорная частушка одинаково любимая и напеваемая всеми без исключения сословиями рутинного сообщества.

Тара-та-тара-той, из кармана – золотой,
Проведи легко рукой, не нарушив их покой.

Тара-та-тара-ток, из комода – кошелёк,
Вскроем со двора окно, пригодится молоток.

Тара-та-тара-тай, из витрины – каравай,
Отвернулся продавец, поскорее забирай.

Тара-та-тара-тар, из конторы – весь навар.
Коль доверие поймал, уноси и весь товар.

Тара-та-тара-ра в сейфе банка – нет добра.
Терпеливо рыли ход, и теперь там есть дыра.

Тара-та-тара-тать, из казны – пропала часть,
Новый дом у счетовода, как себе-то не украсть.

Берегите кошельки, если деньги велики,
Не гуляй, разинув рот, если дорог бутерброд,
Золотишко приberi и другим не говори,
Положи всё под себя и лежи на нём, глядя,
В общем – сложный это путь, прятать всё
куда-нибудь,
Чтобы не переживать – лучше сразу всё отдать!

Тара-та-тара-ря, уши как у глухаря,
Проверяй теперь карманы – мы же пели не зазря...

Послесловие и благодарности

М.В.

Когда мы начали писать, мне было одиннадцать лет. Сейчас мне уже шестнадцать, и я могу сказать, что за все эти годы моё отношение к «Истории Шляпника» не изменилось ни капельки – наоборот, я стала лучше понимать своих персонажей.

Я бы хотела поблагодарить тех, кто сделал всё это возможным.

Моего папу. Без него, думаю, книга бы не продвинулась дальше идеи; к тому же, по моему мнению, немногие люди на предложение ребёнка написать книгу отвечают «давай» и тут же садятся придумывать персонажей.

Моего брата, как почётного первого читателя.

Татьяну Викторовну, маму моей одноклассницы, за корректорские правки и советы.

И отдельное спасибо Надежде Яковлевне и Елизавете Яковлевне, сёстрам моей бабушки, оказавшим незаменимую поддержку при печати первого тиража.

М.И.

Это было увлекательное творческое приключение!

Спасибо ;)

Оглавление

Ближний мир.....	5
Пролог.....	11
Глава 1. Мастерская Хеддерсонов.....	13
Глава 2. Договор.....	23
Глава 3. Долгожданный переезд.....	45
Глава 4. Заказ.....	77
Глава 5. Чёрный рынок.....	109
Глава 6. Пропажа.....	133
Глава 7. Дороти.....	163
Глава 8. Поиски.....	195
Глава 9. Тихий пансион.....	229
Глава 10. Безнадёга.....	253
Глава 11. Невероятная история.....	291
Глава 12. Расплата.....	319
Эпилог.....	337
Баллада корсаров Бесконечного моря.....	354
Кот, что мышей любил.....	355
Песенка карманников.....	356
Послесловие и благодарности.....	358
Оглавление.....	359

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-4499-5553-1

Варвара Миляева

Илья Миляев

НЕВЕРОЯТНОСТИ ~ ИСТОРИЯ ШЛЯПНИКА

В славном торговом городе Рутина проживал известный в определённых кругах шляпных дел мастер, Ашморк Хеддерсон. Лелея давнюю мечту, он наконец решился изменить свою жизнь, и всё было бы ничего, если бы не невнимательность. Собственные ошибки и непрошенная “помощь” заставили его пережить такие приключения, которые он предпочёл бы не переживать (как всякий благоразумный рутинец).

Но кто его спрашивал?

42% фэнтези, 27% детектив, 31% юмор.

Проживите с мастером Хеддерсоном важный момент его жизни на страницах этой книги.

Neveroyatnosti.ru

Невероятности.рф

Тираж 2025/11 – 150 экз.

© Миляева В.И., Миляев И.В., 2020–2025 г.

mail@neveroyatnosti.ru / t.me/neveroyatnostibooks

Все упомянутые в тексте товарные знаки принадлежат соответствующим владельцам торгового города Рутина или прочих мест Ближнего мира. Любые совпадения имён, дат, чисел, событий или намерений – случайны.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от авторов. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия авторов является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Варвара Миляева
Илья Миляев

НЕВЕРОЯТНОСТИ
ИСТОРИЯ ШЛЯПНИКА

В славном торговом городе Рутина проживал известный в определённых кругах шляпных дел мастер. Ашморк Хеддерсон. Лелея давнюю мечту, он наконец решился изменить свою жизнь, и всё было бы ничего, если бы не невнимательность. Собственные ошибки и непрошенная "помощь" заставили его пережить такие приключения, которые он предпочёл бы не переживать (как всякий благоразумный рутинец). Но кто его спрашивал?

Проживите с мастером Хеддерсоном важный момент его жизни на страницах этой книги.

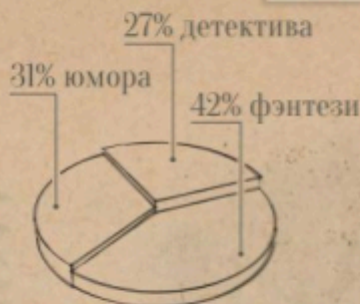
+ Дополнительно. Впервые!

Собранная из различных источников известнейшая «Баллада корсаров Бескрайнего моря» и две народных песенки.

ОДОБРЕНО

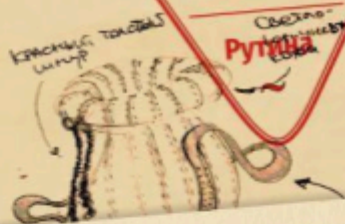
Гильдией прибылей и перспектив.

Рутин

КА

И ВЧЕРА

© Все упомянутые в тексте товарные знаки принадлежат соответствующим владельцам торгового города Рутина или прочих мест Ближнего мира. Любые совпадения имён, дат, чисел, событий или намерений – случайны.

ISBN: 000-0-000-00000-0

Потому что у волшебников есть вредные привычки...